

ДРЕВНОСТИ ТУЯБУГУЗА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ ТУЯБУГУЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
Ташкент-1978

Коллектив. Древности Туябугуза. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1978. Табл.— 1, рис. 20, стр.— 168.

В монографии подводятся итоги многолетних комплексных археологических работ в зоне Туябугузского водохранилища, освещаются различные периоды развития культуры этого важного района Ташкентского оазиса, прослеживаются этапы его первичного освоения, сосуществования кочевых и земледельческих племен, развития городской культуры, ремесла и торгово-денежных отношений. Воссоздается широкая картина обживания человеком данного района, позволяющая пересмотреть некоторые вопросы исторической географии оазиса.

Книга рассчитана на археологов, историков, нумизматов, краеведов, а также всех интересующихся прошлым Узбекистана.

902.6
ДД 73

Древности Туябугуза. (АН УзССР,
Ин-т археологии). Т., «Фан»,
1978. 168 с.

902.6(C52)

ВВЕДЕНИЕ

В центре Ташкентского оазиса, к западу от г. Тойтепа, на площади более 16 км² раскинулась голубая чаша рукотворного Ташкентского моря — Туябугузского водохранилища, образованного на естественных расширениях изгиба среднего течения р. Ахангарана. Расширение усилено размывами устья правого притока — Бургулюкская, образующего при впадении узкий мыс длиной более 1 км.

Водохранилище имеет большое народнохозяйственное значение. Оно позволило улучшить регулирование сезонного стока вод Чирчика и Ахангарана, аккумулировать излишние воды для улучшения орошения земель в Среднечирчикском, Нижнечирчикском и Аккурганском районах Ташкентской области. Прирост орошаемых земель составил 22,5 тыс. га, улучшено орошение на 62 тыс. га. Кроме того, водохранилище питает водой ряд крупных промышленных предприятий¹. Изучение зоны Туябугузского водохранилища позволит осветить ряд интересных вопросов истории Ташкентского оазиса.

Сведения о древности района среднего течения Ахангарана, связанные преимущественно с находками на городище Улькантойтепе и его периферии, были известны с прошлого столетия. В этот период здесь были произведены любительские раскопки Д. М. Граменицкого², С. Примкулова³,

¹ Комплексное развитие Ангрен-Алмалыкского горнопромышленного района. Ташкент, 1967, с. 630.

² Д. М. Граменицкий. Заметка. — «Туркестанские ведомости», 1875, № 22.

³ Н. Емельянов. Меры по воспреещению производства археологических раскопок в крае. — «Туркестанские ведомости», 1885, № 34.

небольшие специальные научные обследования, проведенные Н. И. Веселовским⁴, а также членами ТКЛА И. И. Краузе⁵, Н. П. Остроумовым⁶. М. С. Андреев неоднократно подчеркивал, что долина Ахангарана представляет район, интересный в археологическом отношении⁷.

После Октябрьской революции первые крупные раскопки в этом районе были проведены в 1928 г. М. Е. Массоном и Т. Миргиязовым, которые обследовали оссуарное кладбище и вскрыли два курганных погребения⁸. При маршрутных работах 1934 г. М. Е. Массон составил схематическую карту курганных групп «мингтепе», в состав которых включена зона Туябугуза⁹, и совершил разведочный объезд по левому берегу Ахангарана.

А. И. Тереножкин обнаружил в 1940 г. интересные материалы при археологических наблюдениях на строительстве Ташкентского канала в зоне пересечения им оврага Бургулюк и поймы р. Ахангарана, примыкающих ныне к водохранилищу с северо-востока¹⁰. К югу от оврага Бургулюк найден бронзовый однолезвийный нож с острым прямым лезвием и горбатой спинкой. Вверху рукоятки — отверстие для ремешка, край ножа обломан. Находку эту А. И. Тереножкин связывает с комплексом конца бронзового и начала железного веков, т. е. примерно с VIII—VII вв. до н. э. Там же по обоим берегам Бургулюкская вскрыты остатки поселения бургулюкской культуры. Мощность культурного слоя на поселении около 1,7 м. Расчищены землянки диаметром до 7,6 м с разнообразным материалом, выложенные из глинобитных блоков и сырцового кирпича.

А. И. Тереножкиным же раскрыты курганные катакомбные групповые захоронения с инвентарем джунского вре-

⁴ Раскопки Н. И. Веселовского в Той-тюбе, 1884 г. Отчеты археологической комиссии за 1882—1886 гг. СПб., 1888, с. XII.

⁵ М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 47.

⁶ Протоколы ТКЛА, год I. Ташкент, 1896, с. 36.

⁷ М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. — «Среднеазиатский вестник», Ташкент, май 1896 г.

⁸ М. Е. Массон. Ахангеран, с. 8, 19—24.

⁹ Там же, с. 103—104.

¹⁰ Предварительное сообщение см.: А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. — «Известия УзФАН СССР», 1940, № 9.

мени, которое он на основе материалов Б. А. Литвинского относит ко II—III вв. н. э., а грань между джунской и каунчинской культурами на основе италийской фибулы считает возможной провести в конце I или начале II в. н. э.¹¹

В 1959—1960 гг. в зоне строящегося водохранилища работал Туябугузский отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством Т. Р. Агзамходжаева. Отрядом вскрыты погребальные сооружения на правом берегу Ахангарана, расчищены 72 курганных захоронения катакомбного типа с дромосом, заложенным глинобитными комьями или сырцовым кирпичом, одиночные и групповые захоронения с погребальным инвентарем (оружие, глиняные сосуды, орудия труда и украшения). В. А. Шишкин суммарно датировал курганы серединой I тысячелетия н. э.¹², а на основе монет и по характеру жилого инвентаря — периодом между V — VII вв. н. э.¹³

Т. Р. Агзамходжаев разделил курганы на 3 группы. Первая (курганы № 1—28) была отнесена к I—III вв. н. э., вторая (курганы № 29—60) — к IV—V вв. н. э. и третья (курганы № 61—68) — к началу VIII в. н. э.¹⁴ К сожалению, в работе не представлен план могильника и отдельных могил, курганные насыпи которых впоследствии оказались полностью смыты. К настоящему времени просматриваются лишь могилы, размытые либо до пятна обвала катакомбы, либо до дромоса¹⁵.

¹¹ Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. — СА, 1967, № 2, с. 31—32.

¹² В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.). — ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 31—32.

¹³ В. А. Шишкин. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. — ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, с. 16.

¹⁴ Т. Р. Агзамходжаев. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э. Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, с. 5—9. О поздней группе см.: Он же. Бронзовые украшения из Туябугуза. — ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964.

¹⁵ Указание на то, что могильник содержит около 80 курганов (Т. Р. Агзамходжаев. Погребальные сооружения..., с. 5), неточно, так как, помимо вскрытых им 72 могил, мы встретили около 10 разрушенных и расчистили 22 кургана, следовательно, количество раскрытых курганов превышает 100, и при сбросе вод выявляются новые. Не совсем точно и утверждение о том, что группа курганов между р. Ахангараном и саям Бургаликата никем не изучалась, так как начало ее изучения было положено в 1940 г. А. И. Тереножкиным.

Помимо курганов Т. Р. Агзамходжаев расчистил 11 наусов с погребениями и оссуарными захоронениями, отнесенными на основании находки двух монет к концу VII — началу VIII вв. н. э.¹⁶ По реконструкции В. А. Нильсена, наусы представляли собой круглые в плане сводчатые сооружения с прямоугольными камерами и вытянутой галереей, подчеркнутым порталным входом¹⁷.

В составе Туябугузского отряда В. А. Нильсен провел раскопки памятника замкового типа Джартытепе, планировку строений которого ввиду плохой сохранности определить не удалось. Выявлены 3 периода, отнесенные целиком к первой половине I тысячелетия до н. э.¹⁸ Более детально изучено Кендыктепе, определенное В. А. Шишкиным как «довольно крупное городище»¹⁹, а В. А. Нильсеном отнесено к разряду больших укрепленных сельских поселений с возвышенным холмом-кешком, характерным для поры раннего феодализма²⁰. Описание памятника сопровождается его планом, охватившим, к сожалению, лишь часть памятника.

После пуска в строй водохранилища археологические работы в его зоне были приостановлены. Однако интенсивный размыв памятников древней культуры водами «моря» потребовал проведения последующих работ, поэтому Шаш-Илакский отряд Института археологии АН УзССР возобновил в 1971 г. исследование памятников Туябугуза²¹.

В 1971 г. В. И. Спришевский заложил стратиграфический шурф в цитадели Кендыктепе и отметил 3 пункта бургулюкских поселений: 2 на правом и 1 на левом берегу Аханга-

¹⁶ В. А. Шишкин. Полевые работы..., с. 16; Т. Р. Агзамходжаев. Туябугузские наусы. — ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, с. 71—79.

¹⁷ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, с. 101—103.

¹⁸ В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция..., с. 32. В тексте, вероятно, опечатка, памятник должен относиться к середине I тысячелетия н. э., а не к первой половине I тысячелетия до н. э.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии..., с. 117—118.

²¹ В работе отряда принимали участие сотрудники Института археологии АН УзССР Ю. Ф. Буряков (нач. отряда), Э. Ю. Бурякова, Х. И. Дуке, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев, лаборанты В. Аминов, З. С. Галиева, Т. Гречкина, Н. Дуке, М. М. Еремина, научные сотрудники Музея истории народов Узбекистана К. А. Алимов, В. И. Спришевский, научный сотрудник отдела географии АН УзССР Г. Ф. Тетюхин.

рана. На правом берегу Ахангарана К. Алимов расчистил более 20 погребений и собрал коллекцию кремневых орудий.

В 1972 г. Ю. Ф. Буряков продолжил раскопки в цитадели и шахристане Кендыктепе, вскрыл жилище бургулюкской культуры на правом берегу реки и открыл поселение этого же времени, окруженное искусственным рвом, на левом берегу. К. Алимов изучал погребальные сооружения²². Одновременно собирались каменные орудия. В результате выявлено 4 пункта местонахождений каменного века²³. Дальнейшие археологические исследования, проводившиеся в 1974—1976 гг., включали стационарные раскопки памятников бургулюкской культуры, расчистку погребальных сооружений и сбор материалов от каменного века до поры феодализма²⁴.

За этот период выявлены 2 новых местонахождения каменных орудий, среди которых большой интерес представляет пункт, в котором найдено орудие мустьерского типа. Вскрыто 30 жилищ земляночного типа бургулюкской культуры, в том числе стерильные жилые сооружения в левобережной части. Заложен стратиграфический разрез на поселении этой культуры: мощность культурных наслоений составила около 2,6 м. Раскопано 6 погребений ямного и катакомбного типа, а также погребения мусульманского времени с обкладкой погребальной ямы кирпичом саманидского стандарта. Результаты раскопок показали, что район Туябугузского водохранилища — настоящий археологический заповедник, сохранивший подчас уникальные памятники древней культуры самых различных эпох — от каменного века до развитого феодализма.

В настоящей коллективной монографии подводятся итоги многолетних комплексных археологических работ в зоне

²² Ю. Ф. Буряков, К. Алимов, Э. Ю. Бурякова. Исследования в зоне Туябугузского водохранилища. — «Археологические открытия 1972 года», М., 1973, с. 453—456; Ю. Ф. Буряков. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища. — ОНУ, 1973, № 1, с. 59—60.

²³ М. Р. Касымов, Ю. Ф. Буряков. Новые местонахождения каменного века в Ташкентском оазисе. — ОНУ, Ташкент, 1974, № 11, с. 60—62.

²⁴ К. Алимов, Ю. Ф. Буряков, Э. Ю. Бурякова, Х. Дукее. Работы в Ташкентской области. — «Археологические открытия 1974 года», М., 1975, с. 495—496; К. Алимов, Ю. Ф. Буряков, Х. И. Дукее. Исследования в Ташкентской области. — «Археологические открытия 1975 года», М., 1976, с. 524—525.

Туябугузского водохранилища, делается попытка осветить различные периоды развития культуры этого важного района Ташкентского оазиса, проследить этапы его первичного освоения, сосуществования кочевых и земледельческих племен, развития городской культуры, ремесла и торгово-денежных отношений.

Введение, заключение и раздел «Кендыктепе» монографии написаны Ю. Ф. Буряковым (подраздел «Погребальные сооружения» — К. Алимовым и Ю. Ф. Буряковым), раздел «Геолого-географическая характеристика» — Г. Ф. Тетюхиным, «Местонахождения каменного века» — М. Р. Касымовым, «Бургулюкская культура» — Х. И. Дуке, «Монетные находки с Кендыктепе» — Т. С. Ерназаровой и Б. Д. Кочневым.

ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Исследования Туябугузского водохранилища, осуществлявшиеся при деятельном участии геологов, позволили дать четкую геолого-географическую характеристику района.

Обширный конус выноса р. Ахангарана сложен мощными толщами лессовых пород различного возраста и подстилающими их галечниками. Он составляет значительную часть пролювиальной равнины правобережья р. Сырдарьи в районе устьев ее притоков — рек Чирчика и Ахангарана.

Пологоволнистая, местами плоская поверхность лессовой пролювиальной равнины расчленена сухими долинами и мелкими речками. В пределах Ахангаранского конуса выноса эрозией создана серия мелких логов с крутыми и даже отвесными склонами высотой местами 20—30 м. Древний конус выноса реки, таким образом, оказался расчлененным на 3 крупных массива: на севере — Ушунский, в центре — Пскентский и на юге — Мураталинский.

При реконструкции палеогеоморфологических условий необходимую информацию возможно почерпнуть прежде всего из анализа истории образования протоков, ограничивающих эти массивы. О времени и последовательности формирования протоков были высказаны различные мнения. Обоснование их не всегда отличается убедительностью, тем более, что вмешательство человека подчас настолько вуалирует естественный процесс рельефообразования, что реконструкция его оказывается небезошибочной.

Наряду с естественными протоками в расчленении рельефа участвуют и искусственные сооружения — каналы. Многие из них сооружены свыше 500—1000 лет тому назад. За это время некоторые успели разработать русла, подобные ес-

тественным протокам. Менявшийся по воле человека режим их эксплуатации обуславливал образование на склонах террасообразных уступов. Такие искусственные террасы большей частью не могут служить основанием для воссоздания истории рельефообразования. Только анализ естественных террас, сформированных разновозрастными отложениями и образующих этажи рельефа, дает необходимую информацию об этапах развития долины р. Ахангарана.

При строительстве каналов на отдельных участках нередко использовались естественные русла. Однако это наложение деятельности человека на естественный процесс отличить обычно не представляет большого труда.

В районе водохранилища на древнем конусе выноса р. Ахангарана некоторые из протоков в отдельные этапы развития рельефа функционировали одновременно¹.

Наиболее достоверные данные о последовательности формирования протоков приводятся Ю. А. Скворцовым² и Н. П. Васильковским³. Ю. А. Скворцов, говоря о современном русле р. Ахангарана, высказал предположение о том, что оно возникло после образования южного — Гиджигенского протока и обязано существованию древней арычной сети. Основным же протоком, действовавшим до этого, по его мнению, была долина Гиджигена. В своих рассуждениях Ю. А. Скворцов опирался на анализ террас этого протока, на отсутствие современной поймы и фрагментарную прямолинейность среднего (современного) протока, позволяющую предполагать искусственный генезис его исходной основы.

В представлении Н. П. Васильковского, р. Ахангаран существовала еще в неогене⁴. После того, как была сформирована среднечетвертичная пролювиальная лессовая равнина, в результате поднятия этого участка река вновь врезалась в свои среднечетвертичные отложения. Врезание осуществлялось одновременно тремя руслами: северным, Тойтепинским, протекавшим в районе современного селения Караучи, и двумя расположенными южнее, также выходившими в до-

¹ Н. П. Васильковский. Геологическое строение р. Ангрен. Ташкент, 1941.

² Ю. А. Скворцов. Элементы новейших тектонических движений Узбекистана. — Труды САГУ, нов. сер., вып. XII, Ташкент, 1949.

³ Н. П. Васильковский. Геологическое строение...

⁴ Там же, с. 19.

лину р. Чирчика (ниже по течению), — собственно Ахангаранским (Ангренским) в средней части дельты и Гиджигенским — на юге дельты. Наиболее древним, по мнению Н. П. Васильковского, был северный проток. Развитие протока, по его предположению, прекратилось к началу позднечетвертичного времени (?), а два других продолжали функционировать и в голоцене⁵. Однако днище Гиджигена представляет собой продолжение первой надпойменной террасы реки. Следовательно, этот проток действовал не в течение всего голоцена, а лишь на его раннем этапе, и перестал функционировать до врезания современной поймы, т. е. в конце I тысячелетия н. э.⁶ Не исключено, что это могло случиться и несколько раньше, на финальной стадии формирования первой надпойменной террасы, а не после аккумуляции всей толщи осадков, формирующих террасу.

О ранней деградации Гиджигена в качестве действующего протока р. Ахангарана свидетельствуют и археологические данные. В этой долине не обнаружены позднеголоценовые археологические памятники, тогда как по долине Карасу (вдоль северного протока) выявлены многочисленные следы жизни человека, относящиеся к началу I тысячелетия н. э. Накопившиеся фактические данные не противоречат утверждению о существовании в течение всего голоцена действовавшего русла по среднему потоку.

Сказанное выше подтверждает предположение об одновременной деятельности нескольких протоков (в данном случае двух), а также свидетельствует о возможных возобновлениях стока по древним протокам.

Все это убедительно доказывает, что описываемая часть долины р. Ахангарана начала осваиваться человеком очень давно. За это время произошли различные изменения древнего рельефа, являющегося одним из важнейших элементов физико-географических условий обитания человека.

Достоверность реконструкции палеорельефа зависит в значительной степени от полноты информации о стратиграфии четвертичного покрова, являющегося субстратом релье-

⁵ Там же, с. 21.

⁶ Г. Ф. Тетюхин, Г. Р. Пшенин, И. Б. Романов. К вопросу о возрасте голоценовых террас бассейна р. Сырдарья. — В сб. «Вопросы региональной инженерной геологии». Ташкент, 1972.

фа. В пределах Туябугузского водохранилища стратиграфия четвертичных отложений характеризуется разной степенью детализации. Из серии террас Ахангарана выделяется занимающая командные высоты лессовой равнины терраса ташкентского цикла. Формирующие ее отложения определены как среднечетвертичные.

Лессовые породы и подстилающие их конгломераты ташкентского комплекса отличаются наименьшей полнотой стратиграфического обоснования. Эта терраса широко распространена в бассейне всех правобережных притоков р. Сырдарьи, и повсюду ее поверхность образует наиболее высокий геоморфологический уровень.

В средней части долины Ахангарана в отложениях этого комплекса обнаружены каменные орудия раннего палеолита. По долине р. Чирчика эти отложения стратифицируются (кроме геоморфологического положения) по залеганию их на отложениях нанайского комплекса, содержащих костные остатки крупных млекопитающих древнечетвертичной фауны. Эти отложения, таким образом, являются наиболее древними из четвертичных осадков, выходящих на дневную поверхность в этой части лессовой равнины.

Непосредственно в районе проведения археологических исследований (северо-восточная часть водохранилища) в борту обнажаются три разновозрастные толщи. Будучи вложенными в толщу осадков ташкентского комплекса, они, соответственно, являются более молодыми по сравнению с основной толщей конуса выноса реки. Верхняя среди них — терраса голодностепского цикла. Возраст отложений голодностепского комплекса на территории всего Приташкентского района обоснован довольно широкой совокупностью фактов. Их датировка (позднечетвертичная) опирается на комплексные данные.

По Бозсу (Приташкентский район) в верхней части разреза в основании лессовых пород найдены многочисленные верхнепалеолитические орудия⁷. К этой же части разреза отложений голодностепского комплекса относится и ряд находок предметов каменной индустрии верхнего палеолита на территории бассейнов рек Чирчика с его притоками и

⁷ Г. Ф. Тетюхин. К стратиграфии лессов Приташкентского района. — «Ученые записки САИГИМСа», вып. 3, Ташкент, 1960.

Ахангарана⁸. Подобные находки в лессовых породах этого комплекса известны и за пределами Приташкентского района, например, в Самарканде, в бассейне р. Туполангдарьи и др.⁹

К подстилающим лессовые породы песчаногалечниковым отложениям голодностепского комплекса приурочены находки каменных изделий финального мустье¹⁰. Палеонтологическая характеристика, определяющая положение голодностепского комплекса, опирается на обнаруженные в этих отложениях костные остатки крупных млекопитающих, относящихся к мамонтовому (верхнепалеолитическому) фаунистическому комплексу.

Эти находки позволяют определять вмещающие породы позднечетвертичными. Подобная стратиграфическая характеристика подтверждается и геолого-геоморфологическими данными: характером залегания, взаимоотношением с подстилающими и перекрывающими породами, а также положением в рельефе¹¹.

По радиометрическим измерениям абсолютный возраст верхней (лессовой) части разреза отложений голодностепского комплекса определен интервалом 10—38 тыс. лет назад, что отвечает второй фазе позднечетвертичного времени¹². На описываемой территории отложения этого комплекса обнажаются лишь в верхней части на глубину не свыше 3 м. Более мощные слои голодностепского комплекса прослеживаются в обрывах реки за пределами района. Представлены они здесь пролювиальными лессовыми породами. В основании их местами наблюдаются выходы линз песчано-гравийных отложений, характеризующих русловую фацию.

⁸ Г. Ф. Тетюхин. К стратиграфии лессов...; Древности Чарвака, Ташкент, 1976.

⁹ Д. Н. Лев. Самаркандская палеолитическая стоянка. — ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965; Стратиграфия Узбекской ССР, кн. 2, Ташкент, 1966.

¹⁰ Р. Ю. Алферов и др. Четвертичные отложения Узбекской ССР. — В кн. «Основные проблемы изучения четвертичного периода», М., 1965.

¹¹ Стратиграфия Узбекской ССР, кн. 2.

¹² Г. Ф. Тетюхин. О стратиграфии отложений Приташкентского района. — Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. 3, М., 1961.

Ниже поверхности голодностепской террасы на склоне водохранилища выделяется серия поверхностей сырдарьинского цикла — две надпойменные террасы и пойма. Наиболее высокая из них — II надпойменная терраса, являющаяся аналогом абайской террасы в бассейне Чирчика¹³, развита здесь фрагментарно в средней части склона. Первая надпойменная терраса и пойма, таким образом, занимают самый нижний ярус рельефа.

В соответствии с существующей среднеазиатской схемой расчленения четвертичных отложений¹⁴ возраст субстрата сырдарьинских террас определяется интервалом с мезолита по настоящее время. С помощью радиоуглеродного метода оказалось возможным датировать отложения сырдарьинского комплекса голоценом и получить возрастную характеристику каждой из террас¹⁵. Определено, что абайская терраса сформировалась в интервале от 10 до 5 тыс. лет тому назад, первая пойменная терраса — 5—1 тыс. лет тому назад, пойма — за последнее тысячелетие.

Приведенные результаты анализа данных Приташкентского района в целом являются достаточно представительными и для описываемого района.

Здесь на дневную поверхность все отложения выходят лишь верхними частями разреза, т. е. представлены наиболее молодыми образованиями. Отложения абайской террасы представлены преимущественно супесчано-глинистыми (лессовидными) породами. Залегающие в основании песчано-галечниковые осадки на описываемой территории на дневную поверхность не выходят.

В Приташкентском районе, а также в Фергане и на западе Узбекистана в нижних горизонтах раннеголоценовых отложений абайской террасы известны находки мезолита и раннего неолита¹⁶. Предметы хозяйственной деятельности

¹³ Г. Ф. Тетюхин, О. И. Исламов. Путеводитель экскурсий Международного симпозиума по литологии и генезису лессовых пород (Ташкент, 22—28 апреля 1969 г.). Ташкент, 1969.

¹⁴ Н. Н. Костенко, Г. Ф. Тетюхин, П. В. Федоров. Рабочая стратиграфическая схема четвертичных (антропогенных) отложений Средней Азии и Южного Казахстана. — БКПИЧП, 1962, № 27.

¹⁵ Г. Ф. Тетюхин, Г. Н. Пшенин, И. Б. Романов. К вопросу о возрасте...

¹⁶ У. Исламов. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом. — ОНУ, 1970, № 7.

человека эпохи бронзы связаны с венчающими горизонтами отложений этой террасы. Разумеется, в качестве подъемного материала на поверхности этих отложений могут встречаться любые более молодые археологические памятники.

На описываемой территории в толще отложений абайской террасы находок не обнаружено. Среди россыпи подъемного материала изобилуют предметы начала железного века. Их концентрация объясняется тем, что в то время эта терраса была первой надпойменной, а на месте более низких поверхностей был водоем. Интенсивное смещение и концентрация каменного материала по бортам водохранилища на низкие поверхности рельефа происходит в результате современной деятельности человека. Со спорадическими изменениями уровня воды в водохранилище в процессе его эксплуатации происходит смещение каменной индустрии всех горизонтов, обнажающихся по склону. У основания склона и на дне водохранилища подчас аккумулируется каменный материал очень широкого возрастного диапазона. Смещение материала еще более усиливается при строительстве вдоль берегов и выравнивании площадок, укреплении берегов, при транспортировке сюда песка и глины и др.

Сказанное свидетельствует о том, что, если подъемный материал на поверхности естественных террас находится в определенной связи с ее возрастом, то находки каменных изделий на поверхности искусственных террасоподобных уступов требуют каждый раз индивидуального анализа. Различение же подобных форм не всегда легко осуществимо без специального геоморфологического определения.

На склонах водохранилища описываемого района наряду с естественными террасами имеются и искусственные уступы. Наиболее квалифицированное выделение их возможно лишь на основании тщательного литолого-геоморфологического анализа. Проведение археологических работ при деятельном участии геологов диктуется не только интересами археологии, но в не меньшей степени и геологии.

Достоверность стратиграфии четвертичных отложений оказывает существенное влияние на результаты археологических исследований. Например, так называемый «пскентский парадокс» может решиться только совместными работами археологов и геологов. В отложениях ташкентского комплекса по долине Бурджара близ г. Пскента были обнаружены

каменные орудия мустье, что, по мнению авторов находки, противоречит предшествовавший датировке вмещающих пород¹⁷.

Возраст отщепа определен в широком диапазоне — от раннего верхнего палеолита до зрелого мустье, что включает в геологическом понимании начало верхнечетвертичного и среднечетвертичное время. Более того, в одном из определений, как указывают авторы статьи, даже отмечалась «возможность значительного понижения его даты». Однозначный ответ можно ожидать лишь при продолжении здесь детальных совместных исследований. Известные факты о подъемном материале и единичных находках уже сейчас позволяют ожидать получения очень ценных результатов.

Находки верхнепалеолитического каменного материала в толще отложений голодностепского комплекса, а также орудий финального мустье в непосредственном соседстве с описываемым районом тем более увеличивают вероятность выявления остатков деятельности древнего человека *in situ* и здесь.

¹⁷ А. А. Лазаренко, В. И. Громов. Находка палеолитического отщепа в отложениях ташкентского комплекса в районе г. Пскента. — Труды Международного симпозиума по литологии и генезису лессовых пород, т. I. Ташкент, 1970, с. 233—237.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

За последние 20 лет в Ташкентской области выявлен ряд стоянок и местонахождений каменного века¹. Однако до недавнего времени подобные памятники в низовьях Ахангарана не были известны. И лишь благодаря систематическим работам Шаш-Илакского археологического отряда Института археологии АН УзССР в 1971—1976 гг. в бассейне нижнего течения Ахангарана в районе Туябугузского водохранилища открыто несколько местонахождений каменного века². Как показывают палеогеографические исследования, река Ахангаран в древности была полноводной и, несомненно, благотворно влияла на прилегающие территории, питая богатую растительность, что способствовало размножению различных животных и птиц и создавало благоприятные условия для жизни первобытного человека.

Установлено, что территория водохранилища была освоена человеком уже в эпоху мустье. На правом берегу Ахангарана вплоть до устья Бургулюкская и ниже впадения сая обнаружено несколько стоянок каменного века, охватывающих период с мустьерского времени по неолит включительно (рис. 1).

За несколько лет работ отряда собраны многочисленные каменные изделия. В период каменного века район, по-видимому, был населен очень густо, об этом свидетельствует топография местонахождений каменного века, располагавшихся сравнительно недалеко друг от друга.

¹ Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.

² Ю. Буряков. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища, с. 59—60; М. Касымов, Ю. Буряков. Новые местонахождения орудий каменного века в Ташкентском оазисе, с. 60—62.

На правом берегу реки от плотины до вершины водохранилища выявлено 6 местонахождений и несколько пунктов одиночных находок.

Местонахождение 1 расположено на правом берегу Ахангарана ниже впадения в него Бургулюкская. Между саям и рекой образована широкая площадка (около 200 м²).

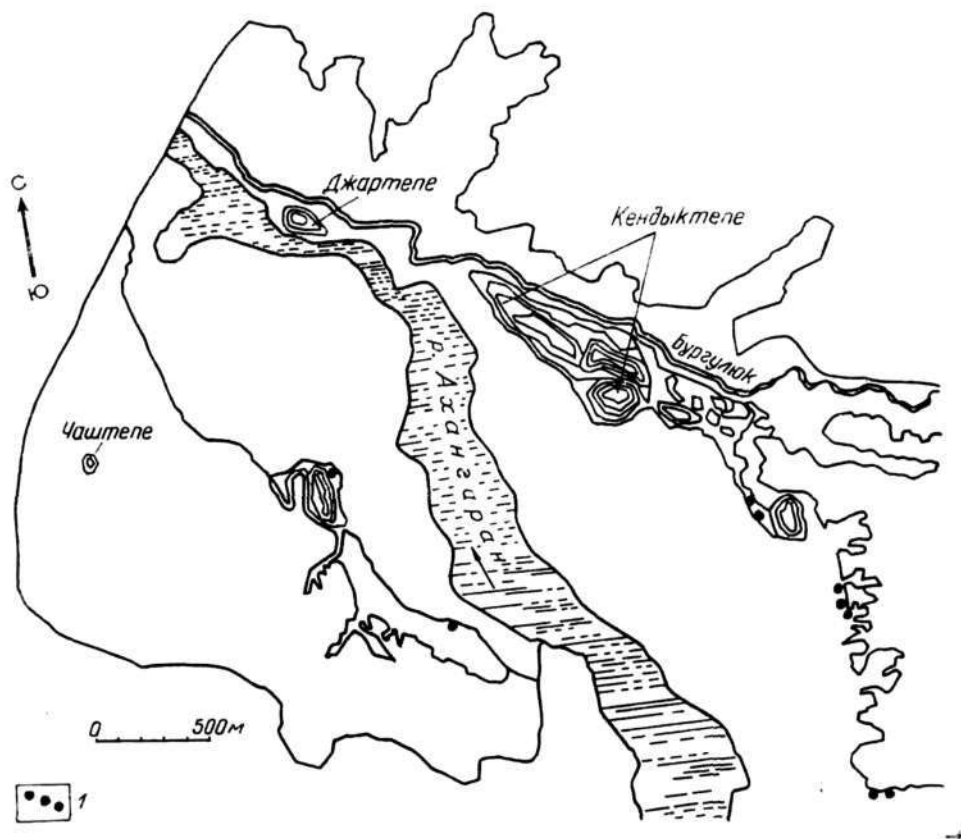

Рис. 1. Схематическая карта археологических памятников в зоне Туябугуза. Условное обозначение:

1 — местонахождения каменного века

вытянута вдоль берега реки. Поверхность ее сnivelирована водой, смывшей лессовый покров и потревожившей культурный слой. Однако следов окатанности на орудиях нет и ареал распространения их ограничен. Находки на площад-

ке довольно значительны по количеству и разнообразны по функциональному назначению.

Всего на местонахождении найдено 128 предметов различных форм и очертаний. Сохранность изделий также различна, а главное—они разновременны. По технике изготовления и степени сохранности их можно разделить на 2 комплекса: позднепалеолитический и неолитический.

Позднепалеолитический комплекс включает 85 изделий. Для него характерно наличие конусовидных и многоплощадочных нуклеусов, сколов с площадки последних, призматических пластинок, скребущих орудий, отщепов и других изделий. Отметим, что все изделия комплекса покрыты серой, а в большинстве случаев — серовато-белой патинной. По технике обработки и форме орудий он совершенно отличен от неолитического комплекса.

Нуклеусы и нуклевидные обломки (21 экз.) — небольших размеров и самых разнообразных форм. Здесь также представлены призматические и конусовидные ядрища.

Наиболее многочисленны обломки нуклеусов со следами сколов в различные стороны длиной 1,6—5,1 см, шириной 1,4—4,9 см, толщиной 0,6—4,2 см. Интересен многоплощадочный призматический нуклеус, расщепленный со всех сторон и имеющий 3 смежные ударные площадки. В качестве последних использовались плоскости скалывания (рис. 2, 13). Встречаются обломки призматических нуклеусов с ярко выраженными следами параллельных сколов (рис. 2, 11). Конусовидные нуклеусы представлены одним экземпляром, имеющим усеченный нижний конец. Длина его 5,1 см, ширина в области ударной площадки 4,1 см, толщина 2,4 см. Одна ударная площадка частично скошенная, имеется круговое ограничение, т. е. следы сколов пластинок (рис. 2, 15). Встречены также нуклеусы, использованные до конца. На их поверхностях сохранились следы сколов в одном, а иногда в двух противоположных направлениях. Некоторые обломки нуклеусов по краям частично отретушированы. Редко встречаются орудия с выемкой, употреблявшиеся в качестве скобелей.

Для позднепалеолитического комплекса характерны сколы с площадки нуклеусов (7 экз.) различных размеров и форм диаметром от 1,6 до 6,2 см, по которым можно определить размеры нуклеусов, с которых они сняты. У всех

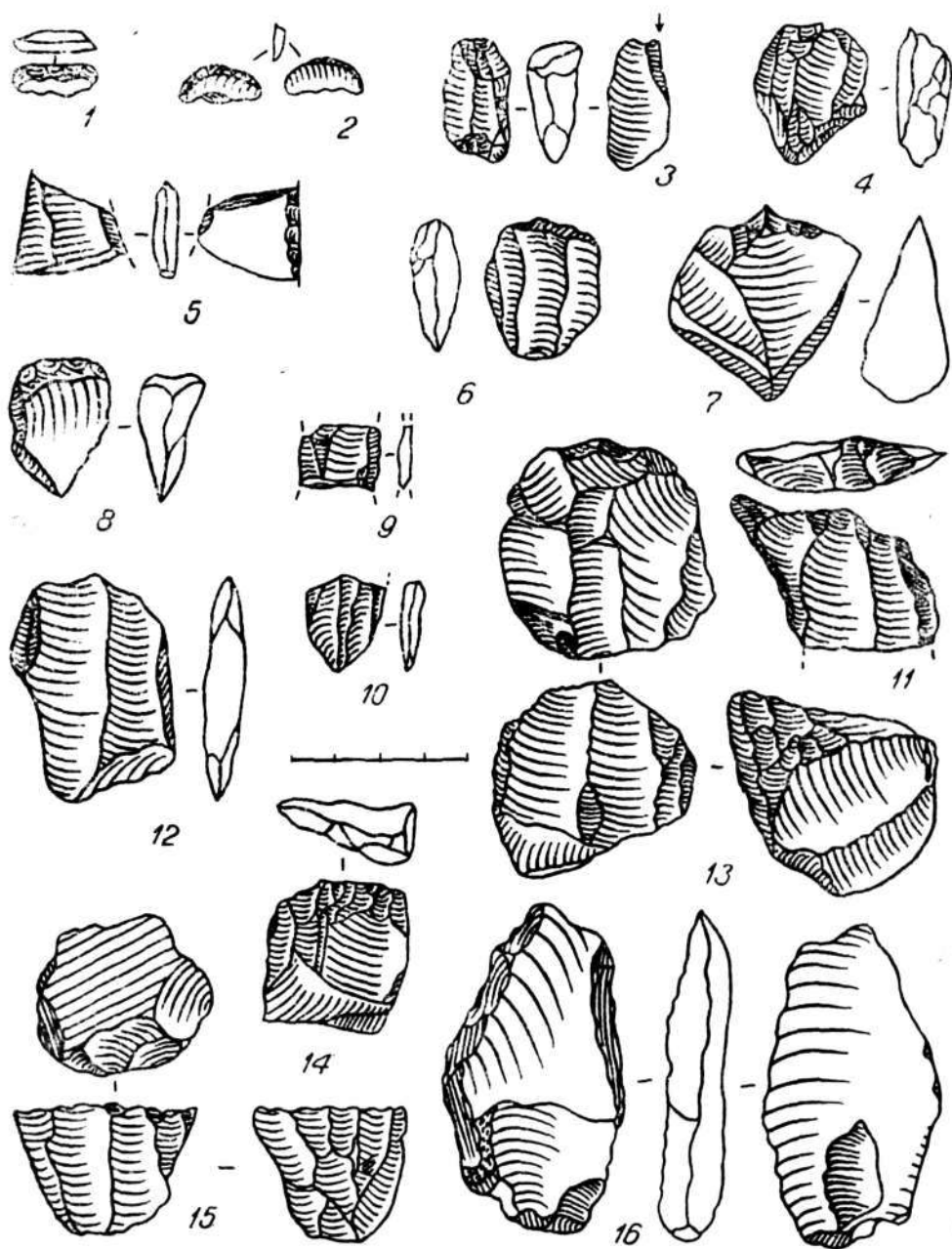

Рис. 2. Каменные изделия из местонахождения 1

сколов по полукруглому краю сохранились поперечные грани — следы сколов пластин. По-видимому, ударные площадки время от времени обновлялись, о чем свидетельствуют сколы с площадок нуклеусов (рис. 2, 16). Все пластинки комплекса (13 экз.), кроме одной, представлены в обломках. Только в трех экземплярах сохранились небольшие ударные площадки. На спинках пластинок имеются параллельные грани, следовательно, снятие их производилось с призматических нуклеусов (рис. 2, 10). Два обломка пластинки отретушированы (рис. 2, 5), остальные вторичной обработке не подвергались. Размеры: длина 0,9—3,8 см, ширина 0,7—1,8 см, толщина 0,3—0,7 см. Три пластины — из глинистого сланца, 10 — из кремня.

Единственным экземпляром представлена проколка теякского типа на конце обломка из глинистого сланца. Один тонко-продольный край обломка обработан мелкой ретушью с двумя неглубокими выемками. В середине выемки сохранился выступ — рабочий элемент проколки (рис. 2, 7). Подобные орудия в большом количестве встречены в мустьерских слоях Кульбулака. Наличие в комплексе данного орудия дает основание утверждать, что палеолитические орудия всего бассейна р. Ахангарана являются однотипными и относятся к теякско-зубчатым комплексам орудий памятников палеолита³.

В позднепалеолитическом комплексе имеются 4 экз. скребущих орудий, изготовленных на краю обломков нуклеусов. Неровные края их обработаны мелкими сколами и затем ретушью, а у одного орудия рабочий край — с легкой выемкой. Интересен маленький скребок на обломке отщепы ($2,7 \times 2,2 \times 0,9$ см) треугольной формы. Один слегка изогнутый край его обработан мелкими сколами, а затем легкой ретушью (рис. 2, 8).

Самую большую группу изделий (37 экз.) составляют отщепы. Большинство из них имеют подтреугольные или четырехугольные очертания. По своим размерам, степени сохранности и характеру обработки они значительно отличаются от неолитического инвентаря. Длина отщепов 1,4—

³ М. Р. Касымов. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований). — МИА, № 185, Л., 1972, с. 111—119, рис. 3, 4.

5,2 см, ширина 0,9—5,9 см, толщина 0,2—1,8 см. Материалом для изготовления служил преимущественно кремний (28 экз.), частично — глинистый сланец (9 экз.). Ударные площадки у 10 отщепов маленькие, у остальных 27 экз. — скошены. У некоторых отщепов на спинках сохранились следы параллельных сколов (рис. 2, 12), у других — желвачная корка (11 экз.). Все отщепы вторичной обработке не подвергались и являются отбросами производства.

Единственным экземпляром представлен краевой скол удлиненной формы. По технике обработки и степени сохранности он вполне совпадает с инвентарем данного комплекса.

В неолитическом комплексе туябугузского местонахождения 1 представлено значительное количество инвентаря — 113 экз. Кремневый инвентарь разнообразен: здесь имеются различные типы нуклеусов, миниатюрные пластины, реже — вкладыши, сегментовидные изделия и огромное количество отбросов производства.

Нуклеусы и их обломки (21 экз.) подразделяются на крупные (5 экз.), средние (7 экз.) и маленькие (9 экз.). Их размеры: длина 1,2—5,2 см, ширина 1,4—4,6 см, толщина 0,6—2,4 см. Изготовлены они из кремня (13 экз.), халцедона (5 экз.) и глинистого сланца (3 экз.). Одноплощадочные призматические нуклеусы встречаются реже. Они имеют классические формы, хотя отчетливо выражена ударная площадка, с которой последовательно снято несколько миниатюрных пластин (рис. 2, 4, 6). Больше всего многоплощадочных и аморфных нуклеусов. Наиболее выражены многоплощадочные нуклеусы, у которых рабочими площадками служили 2—3, а иногда и больше сторон. Большинство аморфных нуклеусов использовано до предела или является обломками, поэтому размеры их небольшие, беспорядочные сколы сделаны в разных направлениях.

Обломки пластин (18 экз.) составляют 15,09% от общего числа каменных изделий данного комплекса. Обращает на себя внимание большое количество (85 экз.) сечений пластинок без вторичной обработки и правильных очертаний, что свидетельствует о высокой технике расщепления кремня. По размерам они разнообразны: длина 0,6—2,4 см, ширина 0,4—1,6 см, толщина 0,2—0,4 см. Две из них — миниатюрные. Обработаны лишь два обломка (рис. 2, 9). Остальные, видимо, являются отбросами производства.

Характерен резец-скребок (1 экз.), изготовленный из отщепа удлиненных очертаний. Резцовый скол нанесен с одной стороны. Более ровная ударная площадка со стороны спинки отретуширована, и этот рабочий элемент использован в качестве комбинированного орудия (рис. 2, 3).

К прямоугольным вкладышам относится 1 экз. миниатюрной пластинки. Широкий край обработан притупляющей ретушью со спинки, противоположный край узкий ($1,8 \times 0,5 \times 0,8$ см) и острый, как нож; на нем прослеживаются следы изношенности (рис. 2, 1).

В комплексе имеется сегментовидное орудие с полого-овальной спинкой и односторонней обработкой длиной 1,9 см, шириной по центру 0,7 см. Ретушь отличается ювелирной тонкостью (рис. 2, 2). Рабочая часть орудия слегка отретуширована, прослеживаются явные следы изношенности. Подобные орудия характерны не только для неолита, но и для мезолита.

Единственным экземпляром представлено струговидное орудие. Для его изготовления использован отщеп четырехугольных очертаний. На спинке сохранились следы сколов. В качестве рабочей части использован слегка изогнутый край отщепа. Этот край при помощи мелкой ретуши обработан так, что его рабочий элемент получился очень острым и удобным для употребления в качестве строгального орудия (рис. 2, 14). Видимо, этим орудием обстругивали дерево.

Отщепы составляют многочисленную (69 экз.) серию изделий неолитического комплекса туябугузского местонахождения. Материалом для них служил главным образом кремнь (54 экз.), частично — халцедон (8 экз.), кремнистый известняк (2 экз.) и глинистый сланец (5 экз.). Отщепы имеют различные очертания и размеры (длина 1,2—5,3 см, ширина 0,7—4,9 см, толщина 0,3—2,3 см). На спинках 10 отщепов сохранилась желвачная корка, у других — маленькая ударная площадка (13 экз.). Отретушированы лишь 3 отщепа, остальные не подвергнуты вторичной обработке и, видимо, являются отбросами производства. Сохранился скол кремня с частично сохранившейся желвачной коркой, совпадающий по всем признакам с изделиями данного комплекса.

Во время раскопок 1975 г. на поверхности городища Кендыктепе, находящегося недалеко от данного местонахождения, обнаружен уникальный для данного района карандаше-

видный нуклеус, обработанный по всей поверхности, типичный для эпохи мезолита и неолита (рис. 6, 9).

Местонахождение 2 расположено к северу от первого, в 300—400 м выше впадения в Ахангаран Бургулюкская, где к площадке, обмытой водохранилищем, подступает холмистая лессовая гряда. Именно на этой площадке, по предположению Г. Ф. Тетюхина, наиболее перспективен поиск нетронутых культурных слоев с наиболее древним материалом. Площадь распространения орудий — более 150 м², мощность размытого слоя — до 1,2 м.

В инвентаре местонахождения представлены орудия, нуклеусы, пластинки и большое количество отбросов производства. Встречаются призматические нуклеусы, концевые скребки. По технике обработки камня изделия можно разделить на 3 разновременных комплекса: мустьерский, позднепалеолитический и неолитический.

Мустьерские изделия представлены тремя экземплярами: 1 нуклеус и 2 отщепа. Нуклеус дисковидный, четырехугольных очертаний. Отщепы с него скалывались с одной стороны. Площадка оформлена поперечными сколами. На другой стороне, кроме желвачной корки, сохранились следы сколов. Отщепы также обработаны мустьерской техникой. На спинках сохранились следы радиальных сколов, ударные площадки направлены одним поперечным сколом и расположены под тупым углом к отбивной поверхности.

Позднепалеолитический комплекс составляют многочисленные (160 экз.) изделия, изготовленные из кремня (147 экз.), известняка (6 экз.) и глинистого сланца (7 экз.). Здесь представлены нуклеусы различных типов, ножевидные пластинки, скребки и огромное количество отщепов. Все они покрыты белой или беловато-серой патиной.

Нуклеусы и нуклевидные обломки немногочисленны, но характерны для этого комплекса. Их длина 1,6—5,1 см, ширина 1,8—5,3 см, толщина 0,8—2,6 см. Один двухплощадочный нуклеус — подчетырехугольной формы, со следами отделения небольших удлиненных отщепов, сколотых в одном случае с края, в другом — навстречу друг другу с двух ударных площадок (рис. 3, 18). Второй нуклеус — дисковидный. На двух сторонах его сохранились следы радиальных сколов. Остальные нуклеусы маленькие, со следами бессистемных сколов.

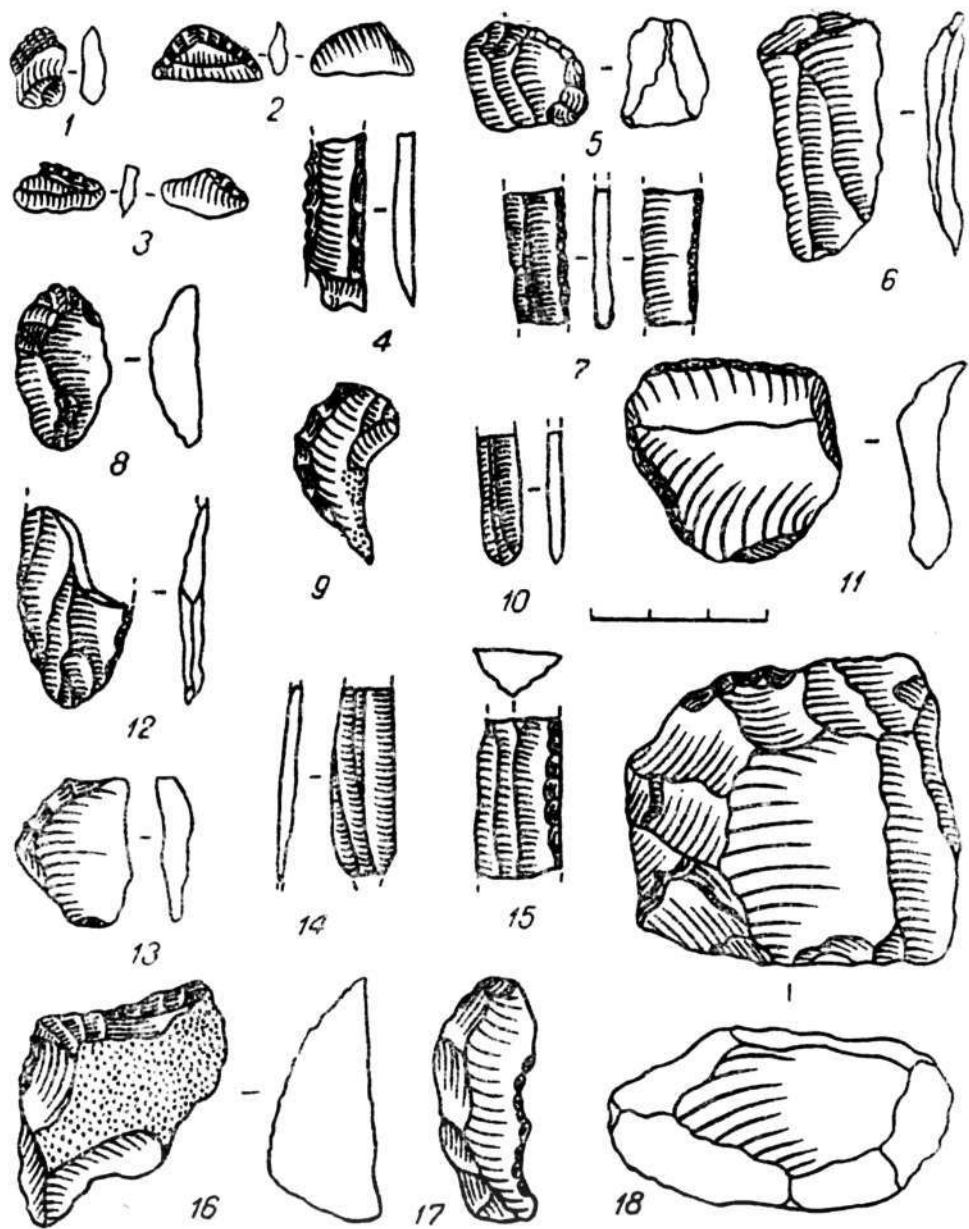

Рис. 3. Каменные изделия из местонахождения 2

Для позднепалеолитического комплекса характерно наличие сколов с площадки нуклеуса. На полукруглых спинках сколов сохранились поперечные грани, свидетельствующие о снятии их с призматических нуклеусов. Следовательно, люди позднего палеолита использовали ровную площадку призматического нуклеуса, которую временами «оживляли» поперечным сколом (рис. 3, 9, 17).

Сравнительно много пластинок и их обломков (27 экз.). Пластинки с параллельным ограничением составляют основную массу кремневого инвентаря позднепалеолитического комплекса. Почти все призматические пластинки представлены в обломках длиной 1,1—4,1 см, шириной 0,7—2,9 см, толщиной 0,2—1,2 см. У многих сохранились ударные площадки (18 экз.) и следы параллельных сколов (рис. 3, 6, 12). Обломки, отретушированные по краям, немногочисленны — 41 экз., остальные вторичной обработке не подвергались.

Скребущих орудий мало — всего 2 экз. Одно орудие изготовлено на обломке кремня подтреугольных очертаний. Ровные края его обработаны сначала мелкими сколами и затем приострающей ретушью (рис. 3, 16). Второй скребок сделан на конце удлинённого кремневого отщепа. Рабочий край полукруглый и обработан со стороны спинки мелкой ретушью (рис. 3, 8).

Большой группой представлены отщепы (122 экз.). Основная часть — подтреугольной и подчетырёхугольной формы. Длина 1,4—6,9 см, ширина 0,6—3,4 см, толщина 0,2—1,5 см.

Около 90% отщепов — небольших размеров. На спинках многих отщепов сохранились следы параллельных сколов. Лишь у 19 отщепов имеется желвачная корка. Обработаны только 10 отщепов. Некоторые из них отретушированы по всем краям со стороны спинки притупляющей ретушью (рис. 3, 11), у других ретушь нанесена частично. Остальные отщепы не подвергнуты вторичной обработке и являются отбросами производства.

Неолитический комплекс данного местонахождения характерен тем, что в нем представлены разнообразные ранее неизвестные каменные изделия (107 экз.): концевые скребочки, геометрические орудия, миниатюрные пластинки и нуклеусы, края которых превращены в орудия и т. д. Для изделий данного комплекса присущи небольшие размеры

и сравнительная свежесть поверхности. Среди них лишь 14 изделий частично сохранили желвачную корку, а 32 — ударную площадку.

В единственном экземпляре встречен нуклеус-скребок, первоначально использованный в качестве двухплощадочного нуклеуса, а затем, после вторичной обработки одного края, превращенный в скребок (рис. 3, 5).

Миниатюрный концевой скребок ($1,4 \times 0,9 \times 0,4$ см) изготовлен на конце удлиненного отщепа (рис. 3, 1). Его полукруглый рабочий край тщательно обработан мелкой затупляющей ретушью.

В комплексе имеются 3 скола с площадки нуклеуса, характерные тем, что на полукруглых их краях сохранились следы предыдущих сколов (рис. 3, 13), свидетельствующие о том, что ударные площадки нуклеусов обновлялись после того, как они приходили в негодность.

Интересны геометрические вкладышевые орудия типа треугольника, отличающиеся мелкими размерами. Для ретуши характерна ювелирная тщательность и крайняя миниатюрность. Рабочая часть орудий сильно изношена (рис. 3, 2, 3). Подобные же орудия характерны и для эпохи мезолита. Однако следует отметить, что точная их датировка возможна лишь при условии обнаружения их *in situ*. К сожалению, эти уникальные орудия являются подъемными.

В комплексе 27 экз. пластинок и их обломков различных размеров. Имеются сравнительно крупные, но большинство — миниатюрные (длина 1,1—3,1 см, ширина 0,7—2,4 см, толщина 0,2—0,7 см), что характерно для неолита. Четырнадцать пластин — с ударной площадкой; у трех пластин частично сохранилась желвачная корка. Шесть обломков пластин подвергнуты вторичной обработке. Имеются пластины, обработанные по одному краю (рис. 3, 15) и с двух противоположных сторон (рис. 3, 7). Интересна пластина, по одному краю которой произведена тщательная ретушь, а другой рабочий край — пильчатый с очень мелкими зубчиками (рис. 3, 4). Остальные пластины вторичной обработке не подвергались, однако края многих обломков острые и могли использоваться в качестве режущих орудий. На спинках многих обломков сохранились параллельные грани, свидетельствующие о том, что они снимались с нуклеуса одна за другой (рис. 3, 10, 14).

Самая большая группа изделий (732 экз.) — отщепы из кремня (69 экз.), глинистого сланца (2 экз.) и кремнистого известняка. Форма отщепов удлиненная подтреугольная и четырехугольная. Размеры: $0,9-5,5 \times 0,8-4,3 \times 0,2-1,2$ см. Небольшая часть отщепов покрыта легкой беловато-серой патиной. У половины отщепов сохранилась ударная площадка, 5 экз. — отретушированы. У части отщепов имеются выемки с прекрасной ретушью. Остальные не подвергнуты вторичной обработке и являются отбросами производства.

Местонахождение 3 также расположено на правом берегу Ахангарана, примерно в 50—60 м выше второго. Материал с этого местонахождения собран в течение нескольких лет на площади около 300 м². Здесь представлены многочисленные орудия, нуклеусы, пластины, скребла и скребки, а также большое количество отщепов, являющихся отбросами производства — всего 256 экз.

По технике обработки, патинизации, окатанности и по формам орудий можно условно выделить 3 разновременных комплекса изделий: мустьерский, позднепалеолитический и неолитический.

Мустьерский комплекс местонахождения включает 31 предмет. Орудия изготовлены из кремня (22 экз.), кремнистого известняка (2 экз.) и глинистого сланца (7 экз.), выходы которых, по-видимому, расположены недалеко от изучаемого района. В комплексе представлены дисковидные нуклеусы, скребки, пластины, острия и различные отщепы, характерные для мустьерского времени. Поверхность каменных орудий покрыта коричневатой-серой патиной и слегка окатана. Все изделия отличаются от более поздних комплексов довольно архаичными признаками: сравнительной массивностью, подправкой ударных площадок, поперечными сколами (26 экз.) и, наконец, сохранившимися следами радиальных сколов на спинке.

Представленные в коллекции нуклеусы немногочисленны — это 4 дисковидных ядрища, обработанных в разной степени. Три экземпляра сработаны до предела. Диаметр нуклеусов 2,5—4,6 см, толщина 1,2—3 см. Один нуклеус — слегка удлиненной формы. Скалывание отщепов производилось с одной стороны, с другой стороны у двух нуклеусов сохранилась гладкая поверхность, лишь по краям ударная площадка подправлялась поперечными сколами (рис. 4, 5),

у третьего обработка шла с двух сторон, о чем свидетельствуют оставшиеся следы сколов (рис. 4, 1). Последний нуклеус — удлиненный и тонкий в сечении, со следами скалывания только с одной поверхности.

Единственным экземпляром представлено боковое скребло из отщепа черного глинистого сланца подтреугольной формы ($6,1 \times 3,7 \times 1,2$ см). Поверхность его окатана и приобрела своеобразный блеск, «благородную патину». Рабочие края расположены на продольных краях. Одна сторона обработана со стороны спинки сперва сравнительно крупными сколами, затем ровное лезвие оформлено крупными «заломками» путем стесывания, но с типично мустьерской ретушью. Другой рабочий край оформлен со стороны брюшка далеко заходящими фасетками, которые формируют сравнительно массивный острый рабочий край орудия (рис. 4, 7).

Для комплекса характерен остроконечник ($5,1 \times 3,4 \times 0,1$ см), изготовленный из широкого удлиненного с острым концом отщепа мелкозернистой породы камня. Поверхность его слегка окатана. Спинка уплощена несколькими сколами. Площадка подправлена тремя поперечными сколами. Орудие массивно в основании и значительно утончается к острию. В верхней части оба края обработаны мелкой ретушью. На одном краю аналогичная ретушь произведена ближе к основанию со стороны брюшка (рис. 4, 4).

Одним экземпляром представлено типично мустьерское острие, изготовленное из удлиненной слегка изогнутой кремневой пластины длиной 7,9 см, шириной в основании 2,1 см, толщиной 0,8 см. Оба продольных края и ударная площадка сплошь обработаны сперва уступчатыми фасетками, а затем мелкой притупляющей ретушью (рис. 4, 8). Аналогичные орудия на памятниках бассейна реки Ахангарана пока не известны, но встречены в Ваушской мустьерской мастерской в Бухарской области. Однако ударные площадки орудий у последней не подвергались вторичной обработке⁴.

Пластины представлены всего двумя экземплярами. Одна пластина — из серого кремня, небольших размеров, тонкая в сечении, слегка изогнута. На ее поверхности сохранились следы радиальных сколов, характерных для мустьерской

⁴ М. Р. Касымов. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972, с. 85—86, табл. XXV, 3.

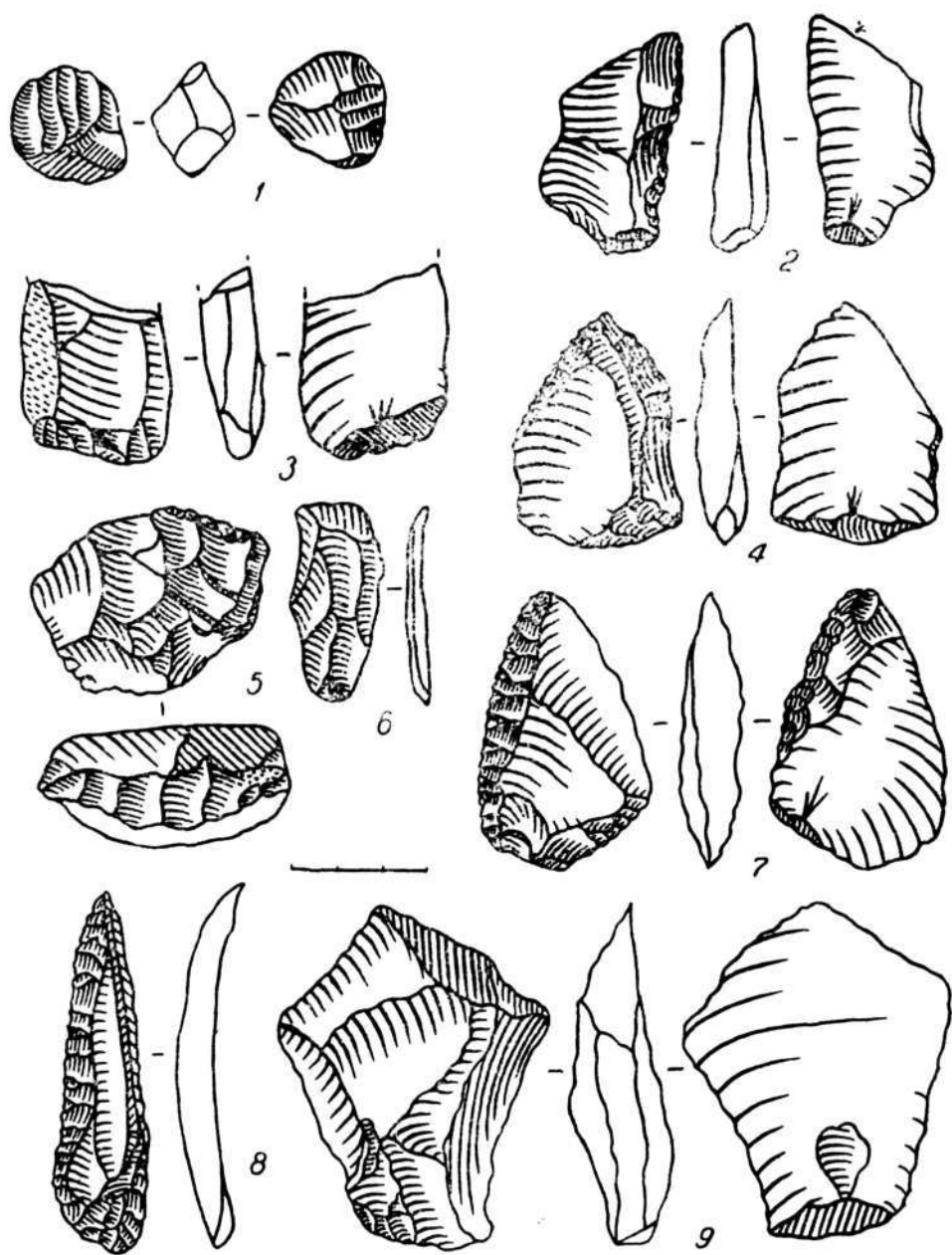

Рис. 4. Каменные изделия из местонахождения 3

эпохи (рис. 4, 6). Другая — обломок основания массивной пластины. Пластина изготовлена из глинистого сланца черновато-серого цвета. Ударная площадь подправлена несколькими поперечными сколами и находится под тупым углом к отбивной поверхности (рис. 4, 3).

Отщепы составляют самую многочисленную группу мустьерского комплекса (21 экз.). Здесь имеются крупные примитивные и интенсивно патинизированные отщепы (7 экз.). Встречаются отщепы сравнительно малых размеров и тонкие в сечении. Пятнадцать отщепов изготовлено из кремня, остальные 6 экз. — из глинистого сланца. Большая часть их — треугольных и подчетыреугольных очертаний. Размеры самые различные: длина от 1,7 до 8,8 см, ширина от 1,3 до 5,9 см, толщина от 0,2 до 1,9 см. Ударные площадки подправлены либо одним-двумя, либо несколькими поперечными сколами. На спинке почти всех отщепов сохранились следы радиальных сколов, свидетельствующие о том, что они отделялись от дисковидных нуклеусов (рис. 4, 9). Отретушированы всего 2 отщепа (рис. 4, 2), а остальные не обрабатывались.

Единственным экземпляром представлен удлиненный концевой скол.

Позднепалеолитический комплекс. Каменные изделия позднепалеолитического комплекса (145 экз.) собраны в основном на месте концентрации находок центральной площадки.

Для изготовления изделий использовался серый кремень хорошего качества (133 экз.), глинистый сланец (8 экз.) и кремнистый известняк (4 экз.). Предметы комплекса отличаются от мустьерских не только степенью сохранности и патинизацией, но и совершенно иной, позднепалеолитической техникой расщепления камня. В коллекции представлены нуклеусы, пластинки, концевые скребки, скобели и отщепы и т. д.

Нуклеусы и нуклевидные обломки (19 экз.) — различных форм и размеров (2,0—5,3×1,1—4,2×1,0—3,8 см). Одно орудие — из глинистого сланца, остальные — из кремня. Многие изделия использованы до конца, лишь у двух частично сохранилась желвачная корка. Некоторые нуклеусы по форме приближаются к призматическим. У других налицо несколько скошенных ударных площадок (рис. 5, 5). От-

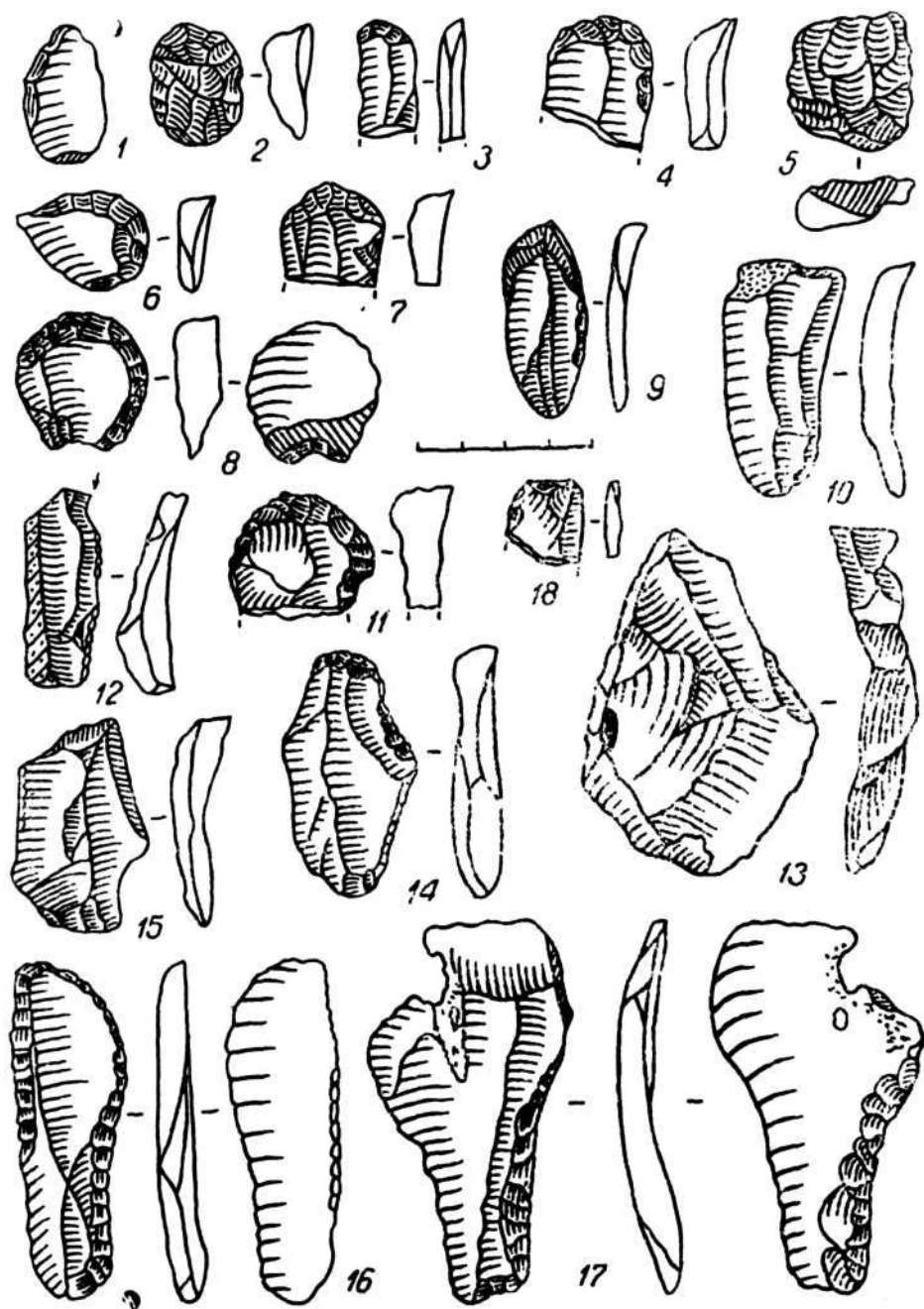

Рис. 5. Каменные изделия из местонахождения 3

деление сколов производилось с одной стороны, на тыльной стороне сохранилась желвачная корка. Нуклевидные обломки — также различных очертаний, со следами ударов, нанесенных в различных направлениях.

Среди изделий обращают на себя внимание сколы с площадки нуклеусов (5 экз.), характерные тем, что размеры их (длина 3,2—7,6 см, ширина 1,2—5,2 см, толщина 0,4—1,2 см) соответствуют размерам тех нуклеусов, с которых они сняты. По размерам сколов можно заключить, что нуклеусы были различных размеров. Сколы относительно плоские, с хорошо заметными ударными площадками и бугорками на нижней поверхности и характерной ломаной линией окружности, на которой видны грани пластинок, отделенных от нуклеуса (рис. 5, 1, 13). Наличие сколов с площадок нуклеусов свидетельствует об оживлении площадок после порчи.

Пластинки и их обломки обнаружены в 11 экз. Сырьем для изготовления служил исключительно кремнь серого (10 экз.) и коричневого (2 экз.) цветов. Поверхность многих пластинок покрыта белой и серой патиной. Размеры: длина 2,5—8,6 см, ширина 1,2—4,6 см, толщина 0,2—0,4 см. Имеются пластины двускатные, с неправильным ограничением. Вторичной обработке подвергнуты 5 пластин. Среди них одна широкая, слегка изогнутая в верхней части. Оба продольных края с противоположных сторон тщательно обработаны ретушью, кроме того, отретуширована и ударная площадка, в результате получился слегка выемчатый рабочий край скобеля (рис. 5, 17). Другая удлиненная пластина интересна тем, что все продольные края и верхняя часть ее сплошь отретушированы, а ударная площадка тщательной обработкой превращена в полукруглый рабочий край концевого скребка (рис. 5, 16). Таким образом, перед нами 2 комбинированных орудия. Одно сочетается со скобелем, другое — со скребком. Три остальных отретушированы лишь местами. Другие пластинки не подвергнуты вторичной обработке, но характерны для этого комплекса.

Ножевидные пластинки, несмотря на сравнительную малочисленность, являются, по существу, характерными для техники обработки орудий позднепалеолитического комплекса. Наличие параллельных граней, сохранившихся на спинках пластин, свидетельствует о том, что они скалывались одна за другой с призматического нуклеуса (рис. 5, 9, 10).

Характерно для этого комплекса наличие резца, изготовленного на углу слегка изогнутой призматической пластинки, один край которой обработан приостряющей ретушью (рис. 5, 12).

В инвентаре позднепалеолитического комплекса представлены 9 скребков. Почти все они изготовлены на конце ножевидных пластинок. Восемь скребков представлены в обломках. Три из них — на конце более толстых отщепов. Рабочие края полукруглые и расположены на конце обломков пластинок (рис. 5, 4, 7, 11). У одного скребка, кроме круглого рабочего края, произведенного со стороны спинки, имеется выемка в специально обломанной части орудия, превратившая его в рабочий край выемчатого скобеля (рис. 5, 8.) Один скребок на конце широкого края отщепов обработан тщательной ретушью (рис. 5, 6). Рабочие края двух концевых скребков (рис. 5, 3, 14) сравнительно маленькие, но полукруглые; один скребок отличается от предыдущих тем, что изготовлен на конце целой призматической пластинки. Имеется скребок высокой формы, изготовленный из сработанного нуклеуса, близкого к конической форме. По всей его поверхности сняты узкие удлиненные отщепы. Рабочий край изделия оббит и дополнительно оформлен мелкой ретушью (рис. 5, 2).

В коллекции комплекса представлен скобель, сделанный на ударной площадке обломка пластинки. Один его продольный край обработан, ударная площадка со стороны спинки тщательно отретуширована, вследствие чего образовался слегка выемчатый край лезвия скобеля (рис. 5, 18).

Самую многочисленную группу изделий позднепалеолитического комплекса составляют отщепы (28 экз.). Длина отщепов 0,9—7,9 см, ширина 1,2—4,6 см, толщина 0,1—1,6 см. Большинство отщепов удлиненных, подтреугольных и подчетырехугольных очертаний. По размерам, изяществу и характеру обработки они значительно отличаются от отщепов мустьерского комплекса. Характерными чертами их являются тонкость и миниатюрные размеры ударных площадок (41 экз.), находящихся под прямым углом к отбивной поверхности. На спинке некоторых изделий (20 экз.) частично сохранилась желвачная корка, грани, как правило, почти параллельные. Отретушированы всего 4 отщепа — либо вдоль

длинного, либо у острого края (рис. 5, 15). Остальные отщепы — отбросы производства.

Неолитический комплекс представлен сравнительно немногочисленными каменными изделиями (81 экз.), характерными для эпохи неолита — это нуклеусы, пластинки, скребки, скобели и отщепы, отбросы производства.

Нуклеусов и нуклевидных обломков найдено всего 5 экз. Материалом для них служил кремний и халцедон. Размеры: длина 2,4—4,6 см, ширина 1,9—3,3 см, толщина 1,4—2,8 см. Один нуклеус сохранил желвачную корку. Три нуклеуса — одноплощадочные. Два — имеют ударные площадки, расположенные под прямым углом к отбивной поверхности. Один карандашевидный нуклеус характерен тем, что почти по всей его окружности сняты удлиненные миниатюрные пластинки (рис. 6, 12). На остальных нуклеусах сколы произведены в различных направлениях.

Миниатюрные пластинки и их обломки (16 экз.) в большинстве случаев фрагментированы. У одних ударные площадки маленькие, на спинке сохранились параллельные грани. Две пластинки по краям обработаны тщательной мелкой ретушью (рис. 6, 2, 4). Другая пластина (рис. 6, 11) — это срединная часть пластинки, характерная тем, что на ее одном продольном крае со стороны спинки сохранилась желвачная корка. На другом крае со стороны брюшка — тщательная ретушь. По-видимому, пластина употреблялась в качестве вкладышевого орудия. Размеры пластин: длина 1,1—2,8 см, ширина 0,7—1,6 см, толщина 0,2—0,6 см.

Особенно интересны в данном комплексе 7 экз. скребков. Пять скребков — концевые, 4 из них — на конце обломка пластинки. Рабочие края полукруглые, тщательно обработаны мелкой притупляющей ретушью (рис. 6, 3, 6, 7, 10). Пятый — на конце отщепа (рис. 6, 5). Рабочие края на остальных двух скребках также отретушированы по краям и расположены либо на конце пластинки, либо на отщепе.

Скобели представлены всего лишь в двух экземплярах, но они типичны для данного комплекса. Первый изготовлен на конце сравнительно толстого четырехугольного отщепа (1,6×1,5×0,7 см). Один рабочий край расположен на конце отщепа и представляет собой слегка выемчатый край с тщательной ретушью, другой расположен на противоположном крае, менее изогнутым, чем первый (рис. 6, 1).

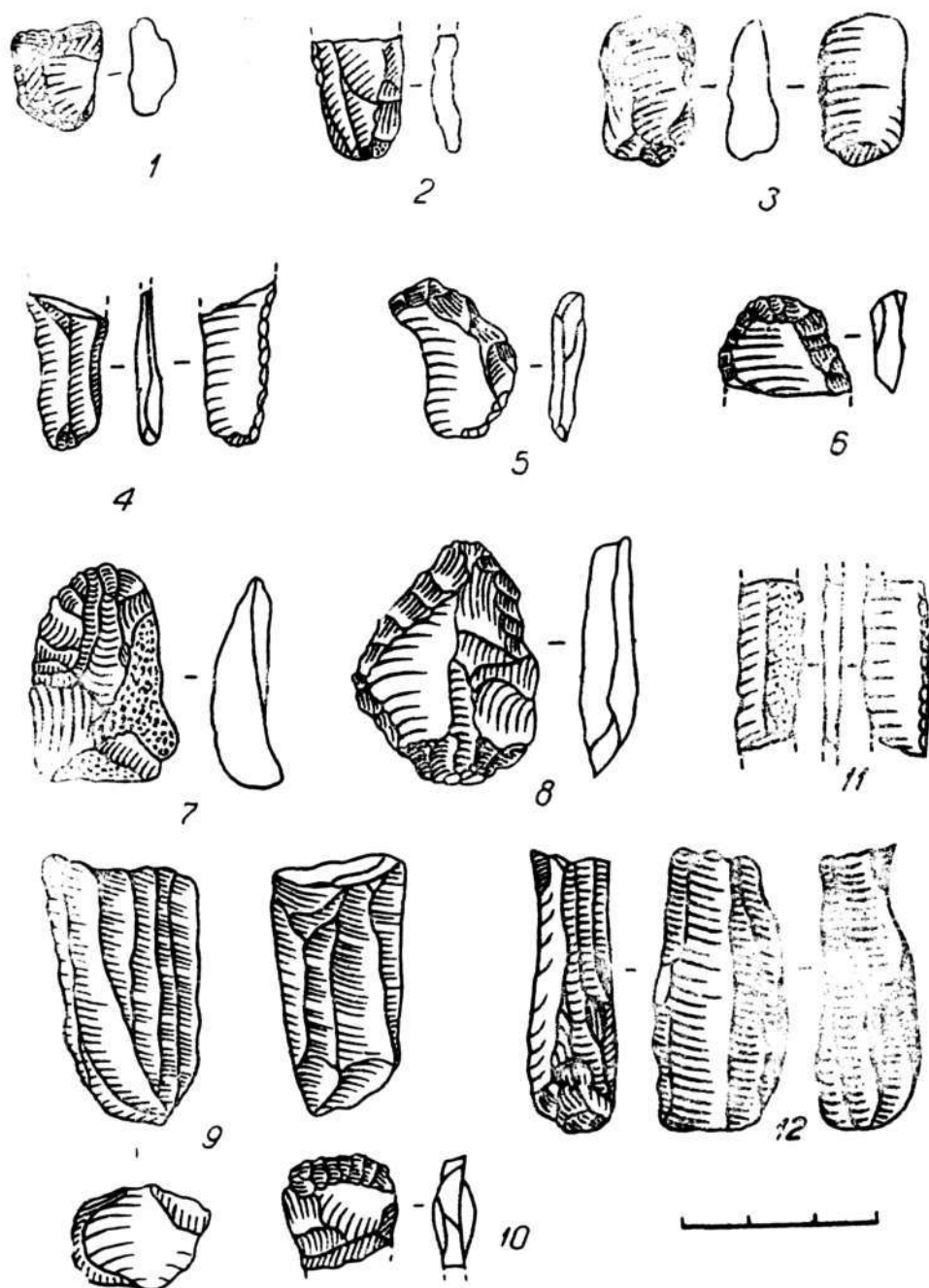

Рис. 6 Каменные изделия из местонахождения 3 и Кендыктене

В единственном экземпляре обнаружено выемчатое орудие на краю миниатюрного подтреугольного обломка кремня ($1,8 \times 0,9 \times 0,9$ см). Рабочий край орудия характерен тем, что после обработки на нем образовалась выемка, а другой его острый край тщательно отретуширован.

Отщепы составляют большую часть инвентаря этого комплекса (46 экз.). Очертания их самые различные: удлинённые, подтреугольные, подчетырёхугольные. Размеры большинства отщепов небольшие ($0,9-4,9 \times 0,5-3,6 \times 0,2-0,9$ см). У 24 отщепов сохранились ударные площадки, а у четырех — местами желвачная корка. Один подтреугольный отщеп (рис. 6, 8) обработан по краям тщательной ретушью и употреблялся в качестве скребущего орудия. К этому же комплексу относятся 4 экз. невыразительных обломков кремня, соответствующих по характеру обработки и степени сохранности к данному периоду.

Местонахождение 4 расположено на правом берегу водохранилища, в 85 м к югу от третьего, на площади примерно в 1000 м^2 ($70 \times 12-15$ м). Часть местонахождения, возможно, скрыта под лессовым покровом берега. На местонахождении собраны немногочисленные (17 экз.), но достаточно выразительные каменные изделия. Все предметы по степени сохранности и технике обработки характерны для позднего палеолита. Изготовлены они из кремня (15 экз.), халцедона (1 экз.) и глинистого сланца (1 экз.).

Здесь представлены 2 нуклевидных обломка со следами бессистемных сколов, а также 2 обломка ножевидных пластинок. Оба основания пластинок сохранили ударные площадки и параллельные грани на спинке, свидетельствующие о том, что они сняты с призматического нуклеуса (рис. 7, 11). В комплексе имеются 11 отщепов различной формы. Один отщеп обработан по краям грубой ретушью, нанесенной на отдельных участках со спинки. Остальные отщепы — отбросы производства.

Местонахождение 5 расположено на правом берегу водохранилища, примерно в 120 м от четвертого, на площадке с размерами 60×80 м. Здесь собрано 34 каменных изделия, в том числе 25 — из кремня, 4 — из глинистого сланца, 5 — из халцедона. Все изделия по характеру обработки принадлежат двум комплексам: верхнепалеолитическому и неолитическому.

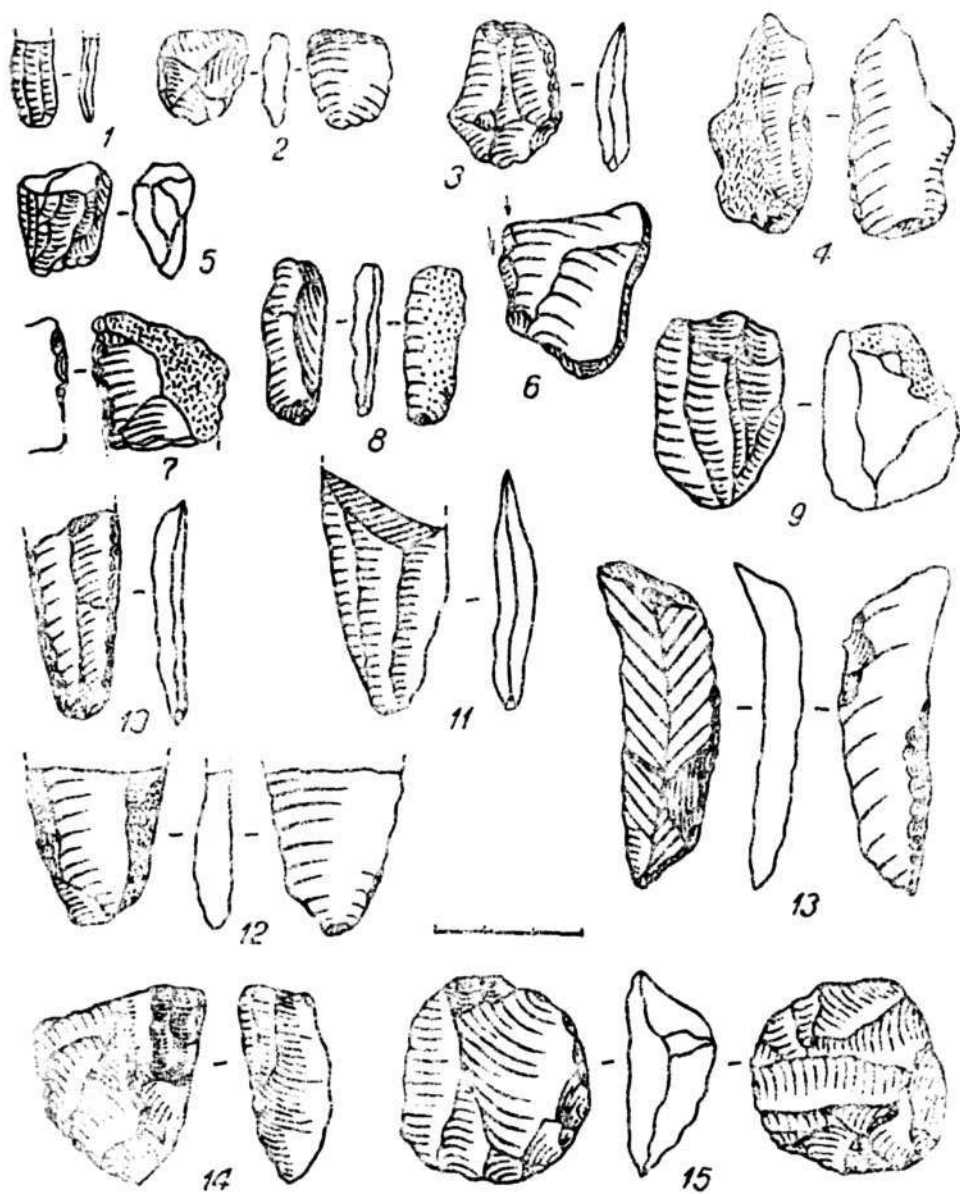

Рис. 7. Каменные изделия из местонахождений 1, 4, 4а

В верхнепалеолитическом комплексе представлены сравнительно малочисленные, но характерные для этого периода изделия. Это — 3 пластинки. Одна из них — из глинистого сланца черного цвета, слегка изогнутая ($6,4 \times 1,9 \times 0,9$ см), обработана по краям. По одному краю с брюшка произведена тонкая приостряющая ретушь, а по другому — ретушь и с брюшка, и со спинки (рис. 7, 13). Другая пластинка — обломок основания пластинки ($2,9 \times 2,7 \times 0,5$ см) из сероватого кремня. На одном крае сохранилась мелкая ретушь (рис. 7, 12), а на другом — частично желвачная корка. Последняя пластинка маловыразительна, но на спинке сохранились грани, характерные для позднего палеолита.

В одном экземпляре встречен резец на сечении отщепа ($3,3 \times 2,9 \times 0,7$ см) с двумя резцовыми сколами в левом углу. Противлежащий край обработке не подвергнут и сохранил желвачную корку (рис. 7, 6).

Имеется также маленький обломок остаточного нуклеуса со следами нескольких бессистемных сколов.

Отщепы представлены девятью экземплярами подтреугольной, подчетырехугольной и удлиненной формы ($2,7—1,4 \times 2,9—1,1 \times 0,2—0,9$ см). У двух отщепов на спинке сохранилась желвачная корка. Все отщепы сняты с призматического нуклеуса. Один подвергнут обработке. Кроме того, в местонахождении найдено 2 обломка костей ископаемых животных, извлеченные из отложений. К сожалению, определению они не поддаются.

Неолитический комплекс местонахождения представлен всего 18 изделиями, изготовленными из кремня серого и белого цвета (12 экз.), халцедона (5 экз.) и глинистого сланца зеленого оттенка (1 экз.).

В комплексе имеются 2 нуклеуса. Один изготовлен из кремня серого цвета ($2,3 \times 1,8 \times 1,3$ см) и использован до предела. На нуклеусе сохранились следы параллельных сколов. По нижнему краю произведена крутая ретушь, что позволило использовать нуклеус в качестве скребущего орудия (рис. 7, 5). Второй нуклеус — из кремнистого сланца, со следами бессистемных сколов.

Одним экземпляром представлен скобель, изготовленный на обломке верхней части пластинки (рис. 7, 7). Один край скобеля рабочий, другой покрыт желвачной коркой.

Интересны пластинки (5 экз.) комплекса (рис. 7, 1, 8).

Край одной из них обработан мелкой приостряющей ретушью (рис. 7, 4), на спинке же частично сохранилась желвачная корка. Остальные пластинки и их обломки сняты с миниатюрного нуклеуса. На спинках их сохранились следы параллельных сколов. Размеры пластин: $3,1-1,5 \times 2,3-0,7 \times 0,2-0,6$ см.

Как обычно, самую большую группу изделий комплекса составляют отщепы — 10 экз. Очертания их самые различные. Размеры: $0,8-2,1 \times 1,1-4,9 \times 0,2-1,8$ см. Один нуклеус отретуширован по краям, местами ретушь нанесена со стороны спинки и с брюшка (рис. 7, 2).

Местонахождение 6 расположено на высокой террасе левого берега водохранилища, на довольно узкой площадке вдоль берега, составляющей примерно 400 м². Материалы местонахождения немногочисленны, но очень выразительны.

Всего на местонахождении найдено 7 каменных изделий.

Среди них 4 нуклеуса различной формы и размеров. Два из них — из кремня серого цвета, 2 — из глинистого сланца черного цвета. Интересен нуклеус дисковидной формы (рис. 7, 15) с двумя противолежащими площадками (обработана и тыльная сторона). Такие нуклеусы характерны для начала позднего палеолита. Подобные нуклеусы обнаружены в позднепалеолитическом комплексе учтутской кремнеобрабатывающей мастерской⁵. Второй нуклеус использован вторично для снятия мелких миниатюрных пластин. Один его слегка выпуклый край обработан мелкой ретушью (рис. 7, 14). Третий нуклеус — со следами миниатюрных пластин (рис. 7, 9). Последний — невыразительный, со следами бессистемных сколов.

Одним экземпляром представлен обломок основания ножевидной пластинки, оба продольных края которого обработаны притупляющей ретушью (рис. 7, 10). На спинке сохранились грани, свидетельствующие о снятии пластины с призматического нуклеуса.

Отщепов всего 2. Один — позднепалеолитического облика, другой, халцедоновый — подчетыреугольной формы, небольших размеров. Один край халцедонового отщепа со спинки отретуширован мелкой приостряющей ретушью (рис. 7, 3). Отщеп характерен для неолита и использовался в качестве режущего орудия.

⁵ Там же, с. 50—51.

Прежде чем перейти к сопоставлению каменных орудий туябугузских местонахождений с другими синхронными памятниками каменного века, следует рассмотреть соотношение используемых пород и типов каменных орудий в самих туябугузских местонахождениях. Это важно для выяснения степени использования древними людьми тех или иных пород камня, а также для выяснения характерных особенностей местонахождений (таблица).

Для изготовления каменных изделий в мустьерских комплексах (местонахождения 2 и 3) использованы кремнь серого цвета — 25 экз. (73,530%), глинистый сланец — 7 экз. (20,587%) и кремнистый известняк — 2 экз. (5,883%).

Инвентарь позднепалеолитических комплексов (429 экз.) представлен во всех туябугузских местонахождениях. Из доброкачественного кремня изготовлено 81 изделие (88,803%), из глинистого сланца — 33 экз. (7,699%), из халцедона — 3 экз. (0,699%), из кварца — 2 экз. (0,466%), а также кремнистого известняка — 10 экз. (2,333%).

Орудия неолитических комплексов (323 экз.) изготовлены из кремня — 259 экз. (80,19%), халцедона — 35 экз. (10,20%), глинистого сланца — 28 экз. (8,68%) и из кремнистого известняка — 3 экз. (0,93%).

В позднепалеолитических и неолитических комплексах туябугузских местонахождений увеличивается количество изделий из качественного кремня и халцедона, а использование недоброкачественного известняка сокращается.

Интересно типологическое сопоставление орудий изучаемых местонахождений (см. табл.). Мустьерские изделия представлены в двух местонахождениях (2 и 3), в которых имеются прекрасные классические остроконечники, острия, скребла и пластины, характерные для мустьерской эпохи и составляющие 14,706% от общего количества изделий мустьерского комплекса.

Изделия позднего палеолита встречаются во всех шести местонахождениях. Среди них представлены пластинки, яроколки теякского типа, различные скребки и скребущие орудия, скобели и резцы, составляющие 17,539% от общего числа всех позднепалеолитических комплексов Туябугуза.

Во всех неолитических комплексах также встречены разнообразные орудия: концевые скребки, скобели, выемчатые и геометрические орудия, сегменты, вкладыши и др., состав-

Классификация каменных изделий туябугузских местонахождений пород

Наименование предметов	Местонахождение					
	1	2	3	4	5	6
Мустьерский комплекс:						
Дисковидные нуклеусы	—	1	4	—	—	—
Остроконечники	—	—	1	—	—	—
Острия	—	—	1	—	—	—
Боковые скребла	—	—	1	—	—	—
Пластины и их обломки	—	—	2	—	—	—
Отщепы без ретуши	—	2	21	—	—	—
Краевые сколы	—	—	1	—	—	—
Всего	—	3	31	—	—	—
В процентах к общему числу	—	8,82	91,18	—	—	—
Позднепалеолитический комплекс:						
Нуклеусы и их обломки	21	7	19	2	1	4
Сколы с площадки нуклеуса	7	2	5	—	—	—
Пластины и их обломки	13	27	11	2	3	1
Проколки теякского типа	1	—	—	—	—	—
Концевые скребки	—	1	8	—	—	—
Скребки высоких форм	—	—	1	—	—	—
Скребушие орудия	3	1	—	—	—	—
Скобели	—	—	1	—	—	—
Резцы	—	—	1	—	1	—
Отщепы с ретушью	2	9	4	1	—	1
Отщепы без ретуши	37	113	94	12	9	1
Краевые сколы	1	—	—	—	—	—
Неопределенные обломки кремня	—	—	—	—	2	—
Всего	85	160	144	17	16	7
В процентах к общему числу	19,815	37,907	33,562	3,364	3,731	1,621
Неолитический комплекс:						
Карандашевидные нуклеусы	—	—	—	1	—	—
Нуклеусы и их обломки	21	—	5	—	2	2
Нуклеус-скребок	—	1	—	—	—	—
Сколы с площадки нуклеуса	—	3	—	—	—	—
Обломки пластинок	18	27	16	—	5	—
Концевые скребки	—	1	7	—	—	—
Скобели	—	—	2	—	1	—

каменного века и соотношение употребляемых для их изготовления

Общее кол-во	В процентах к общему кол-ву	Порода					Общее кол-во
		кремнь	кремневый известняк	глинистый сланец	халцедон	кварц	
5	14,707	5	—	—	—	—	5
1	2,941	—	—	1	—	—	1
1	2,941	1	—	—	—	—	1
1	2,941	1	—	—	—	—	1
2	5,883	1	—	1	—	—	2
23	67,646	16	2	5	—	—	23
1	2,941	1	—	—	—	—	1
34	—	25	2	7	—	—	34
—	100	73,530	5,883	20,587	—	—	100
54	12,620	43	—	9	—	2	54
14	3,267	13	—	1	—	—	14
57	13,311	55	—	2	—	—	57
1	0,233	—	—	1	—	—	1
9	2,101	9	—	—	—	—	9
1	0,233	1	—	—	—	—	1
4	0,932	4	—	—	—	—	4
1	0,233	1	—	—	—	—	1
2	0,466	2	—	—	—	—	2
17	3,861	16	—	—	1	—	17
266	62,044	236	10	20	—	—	266
1	0,233	1	—	—	—	—	1
2	0,466	—	—	—	2	—	2
429	—	381	10	33	3	2	429
—	100	88,803	2,333	7,699	0,699	0,466	100
1	0,31	1	—	—	—	—	1
30	9,30	18	—	4	8	—	30
1	0,31	1	—	—	—	—	1
3	0,93	3	—	—	—	—	3
66	20,46	48	—	12	6	—	66
8	2,41	8	—	—	—	—	8
3	0,93	2	—	—	1	—	3

Наименование предметов	Местонахождение					
	1	2	3	4	5	6
Выемчатые орудия	—	—	1	—	—	—
Резцы	1	—	—	—	—	—
Сегменты	1	—	—	—	—	—
Вкладыши	1	—	—	—	—	—
Геометрические орудия	—	2	—	—	—	—
Струги	1	—	—	—	—	—
Отщепы с ретушью	3	5	1	—	—	1
Отщепы без ретуши	66	68	45	—	10	—
Обломки кремня	1	—	4	—	—	—
Всего	113	107	81	1	18	3
В процентах к общему числу	35,00	33,07	25,11	0,31	5,58	0,93

ляющие около 10% от общего количества изделий названных комплексов. Некоторые орудия характерны не только для эпохи неолита, но и для мезолита.

Итак, всего законченных орудий в комплексах Туябугуза 380 экз., т. е. 48,292% от общего количества изделий; нуклеусов и сколов с площадок нуклеусов — 107 экз., т. е. 13,692%; отбросов производства (пластины, пластинки, отщепы и обломки, не подвергнутые вторичной обработке) — 301 экз., т. е. 38,016%. Таким образом, нуклеусы, сколы с их площадок и отбросы производства вместе взятые составляют 51,708% изделий всех индустрий туябугузских местонахождений. Такое соотношение является естественным для многих памятников каменного века. Судя по этим данным, древние обитатели Туябугуза, проживая в данных местонахождениях, производили и первичную, и вторичную обработку каменных орудий, о чем свидетельствует наличие многочисленных отбросов производства, нуклеусов и сколов с площадок последних.

Следует отметить, что во всех местонахождениях Туябугуза законченные орудия составляют 48,292% от общего числа изделий. Такое соотношение каменной индустрии свойственно всем памятникам бассейна р. Ахангарана. Такой же высокий процент законченных орудий встречен во всех сло-

Общее кол-во	В процентах к общему кол-ву	Порода					Общее кол-во
		кремнь	кремневый известняк	глинистый сланец	халцедон	кварц	
1	0,31	—	—	—	1	—	1
1	0,31	1	—	—	—	—	1
1	0,31	1	—	—	—	—	1
1	0,31	1	—	—	—	—	1
2	0,62	2	—	—	—	—	2
1	0,31	1	—	—	—	—	1
10	3,10	8	—	—	2	—	10
189	58,53	161	3	11	14	—	189
5	1,55	4	—	—	1	—	5
323	—	259	3	28	33	—	323
—	100	80,19	0,93	8,68	10,20	—	100

ях многослойной палеолитической стоянки Кульбулак⁶ и даже в мастерских каменного века Кызылалмасай 1 и 2, Гыштсай и др.⁷

В зоне водохранилища представлены 3 этапа развития эпохи камня: мустье, поздний палеолит и неолит.

К мустьерскому периоду относятся 2 пункта — местонахождения 2 и 3, к позднепалеолитическому и неолитическому времени относятся все 6 местонахождений, т. е. во всех местонахождениях представлены позднепалеолитические и неолитические изделия.

Типологический анализ изделий мустьерских и позднепалеолитических комплексов Туябугуза показывает морфологическую близость орудий с индустрией палеолитических памятников Кульбулака⁸, с одной стороны, и Бозсу в урочище Шуралисай⁹ — с другой, что свидетельствует о развитии

⁶ М. Р. Касымов. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак..., с. 111—119.

⁷ М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен. — ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, с. 21—27.

⁸ М. Р. Касымов. Культуры и варианты палеолита Узбекистана. — Тезисы докладов к совещанию «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, с. 34—36.

⁹ А. П. Окладников, О. И. Исламов. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу-2). — ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 51—60.

в эпоху палеолита в бассейне Ахангарана и в низовьях Чир-чика обширной единой этнокультурной области, хотя туябугузские местонахождения занимают промежуточное место и более близки к памятникам бассейна Ахангарана.

Таким образом, на основе данных археологических памятников и учитывая естественно-географические условия долины р. Ахангарана, можно утверждать, что человек здесь появился в древнем палеолите, а широкое освоение долины началось с мустьерского и последующего времени, о чем свидетельствуют находки орудий в двух позднеашельских горизонтах, мустьерских и позднепалеолитических слоях Кульбулака¹⁰, а также наличие многочисленных палеолитических и неолитических памятников и мастерских в долине р. Ахангарана¹¹, в том числе и в зоне Туябугузского водохранилища¹².

¹⁰ М. Р. Касымов. Археологические работы в Узбекистане. — «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, с. 326—327; Он же. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак..., с. 111—119; Он же. Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. — «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, с. 408—409.

¹¹ М. Р. Касымов. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 гг. — ОНУ, 1968, № 3, с. 52; Он же. Памятники каменного века в долине Ангrena. — ОНУ, 1967, № 2, с. 57—58; М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века..., с. 21—27; Н. Х. Ташкенбаев. О новых находках палеолитических орудий в районе Ангrena. — ОНУ, 1967, № 3; Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области; А. А. Лазаренко, В. И. Громов. Находка палеолитического отщеп..., с. 233—237.

¹² Ю. Ф. Буряков. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища. М. Р. Касымов, Ю. Ф. Буряков. Новые местонахождения орудий каменного века в Ташкентском оазисе, с. 60—62.

БУРГУЛЮКСКАЯ КУЛЬТУРА

Один из интересных и малонизученных вопросов древней истории Ташкентского оазиса — проблема бургулюкской культуры, первые памятники которой были открыты А. И. Тереножкиным в 1940 г. при строительстве Ташкентского канала в правобережье р. Ахангарана.

Первоначально А. И. Тереножкин датировал бургулюкскую культуру III—I вв. до н. э.¹, позднее — IV—III вв. до н. э., а затем он углубил датировку до VI—IV вв. до н. э.², выделив два этапа: более ранний этап Бургулюк I, к которому он отнес лишь ряд случайных находок бронзовых изделий, и Бургулюк II, для которого характерны поселения с землянками, керамика, сделанная от руки и на матерчатом шаблоне, обилие зернотерок, терок и пестов, а также кости домашних животных.

Говоря о бургулюкской культуре, мы должны отметить большие заслуги ее первооткрывателя А. И. Тереножкина, ибо до него подобные памятники, по существу, не были известны науке. Лишь в 1971—1972 гг. Ю. Ф. Буряков исследовал на правом берегу р. Ахангарана одну землянку, которая дала материал бургулюкского облика. Для дальнейшего изучения, уточнения датировок и решения вопросов о характере бургулюкской культуры Институт археологии

¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, с. 33.

² А. И. Тереножкин. Согд и Чач. — КСИИМК, вып. XXXIII, М., 1950, с. 153, 155.

АН УзССР направил в Ташкентскую область туябугузскую группу Шаш-Илакского отряда. В данном разделе характеризуются материалы работ 1974—1975 гг.

В эти годы по обоим берегам Ахангарана были раскопаны 29 землянок разной степени сохранности, величины и формы; кроме того, на левом берегу выявлены еще более 10 землянок³. Землянки располагались недалеко друг от друга на всхолмлениях, вытянутых цепочкой вдоль берега реки. Эти всхолмления мы условно назвали объектами⁴. В каждом объекте находились от 4 до 10 землянок. Подавляющее большинство землянок было овальной, реже округлой формы. Размеры их колеблются от $3,8 \times 3,2$ м до $6,5 \times 4,5$ м. Вход обычно располагался со стороны склона к реке. Все землянки были врыты в материковый лесс. Часть стенок землянок, часто вместе с инвентарем, была размыва водами водохранилища. Достаточно отметить, что на берегах водохранилища нами собрано более 11 тыс. фрагментов керамики, 28 зернотерок и их фрагменты, 7 пестиков, 19 терок для растирания красок, бронзовые серпы, бронзовые листовидной формы черешковые и втульчатые двуплостные наконечники стрел, бронзовые ножи и др.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ АХАНГАРАНА

Объект № 2. На этом объекте в 1972 г. Ю. Ф. Буряков раскопал одну землянку овальной формы с культурным слоем метровой толщины с керамикой бургулюкского типа, хозяйственными ямами, несколькими очагами разной конструкции со шлаками. В землянке найден фрагмент бронзового серпа. Вдоль стен на полу обнаружены ямки для столбов, поддерживавших некогда легкую кровлю.

Землянка № 1 расположена у северного края объекта и ориентирована с северо-востока на юго-запад. Форма ее овальная. Длина с севера на юг 3,6 м, ширина 2,2 м,

³ В работе отряда в 1974 г. принимали участие научные сотрудники Х. Дуке, Т. Ходжайов, Э. Бурякова и лаборант В. Аминов; в 1975 г. — Х. Дуке, лаборанты В. Аминов и Э. Дуке под общим руководством Ю. Ф. Бурякова.

⁴ Х. Дуке. К вопросу о бургулюкской культуре. — ОНУ, 1976, № 8, с. 48.

глубина 0,65 м. Грунт — плотный лесс желтого цвета. Юго-западная стена не сохранилась, в ней, видимо, был вход в землянку. Культурный слой и находки не обнаружены. По-видимому, вместе со стеной был размыт и культурный слой с инвентарем, однако подъемный материал на объекте № 2 почти не встречался.

Землянка № 2 находится в 47 м к юго-востоку от землянки № 1 и ориентирована по линии север—юг. Почти круглой формы. Длина землянки 3,8 м, ширина 3,2 м, глубина 0,7 м. Заполнение землянки — плотный лесс желтоватого цвета. Культурный слой не обнаружен. Находок нет. Вход, вероятнее всего, находился с западной стороны. Как и у первой землянки, западная стена вместе с входом и инвентарем размыта водами водохранилища.

Объект № 3 расположен в 350 м к юго-юго-востоку от объекта № 2. Отличительная особенность этого объекта заключается, во-первых, в том, что на его поверхности было собрано большинство подъемного материала, полученного на поселениях бургулюкской культуры. Достаточно сказать, что здесь собрано около 4000 фрагментов лепной керамики, а также каменные орудия: 22 фрагмента зернотерок, как больших, так и мелких, 11 терок для растирания красок, 4 пестика и 1 отбойник.

Самые интересные находки оказались среди подъемного материала — это 4 бронзовых серпа, бронзовый черешковый наконечник стрелы, шило и бронзовая ложка-лопаточка. Вторая отличительная особенность объекта № 3 — это то, что здесь землянок раскопано значительно больше, чем в других пунктах — 10.

Землянка № 1 находится в северной части объекта № 3. Длина землянки с севера на юг 4,2 м, ширина 3,2 м, глубина 1,1 м. Западная стена землянки и вход в нее размыты и не сохранились. Около восточной стены обнаружены 2 круглые ямы, разделенные перегородкой шириной 25 см. Диаметр первой ямы (северной) 1,3 м, диаметр второй (южной) — 0,9 м. В первой яме на глубине 0,5 м обнаружена прослойка золы толщиной от 7 до 10 см с мелкими угольками. Видимо, на этом месте когда-то был очаг или кострище. Во второй яме находок не было. Землянка заполнена лессом сероватого цвета. На полу найдены отдельные фрагменты лепной керамики бургулюкского типа (один фрагмент

сильно прокопчен до черного цвета) и немногочисленные кости животных. В западной части землянки на полу лежала глиняная плоскодонная чашечка с ручкой. Чашечка — более позднего происхождения, чем остальной материал.

Землянка № 2 расчищена в южной части объекта № 3, в 100 м к югу от землянки № 1. Северная стена выражена довольно четко, остальные размыты водами водохранилища. Длина землянки 4,7 м, ширина 2,3 м, глубина культурного слоя незначительная — 30 см. Заполнение — лесс желтоватого цвета. В северной части землянки обнаружен полуразрушенный очаг из обожженной до коричневого цвета глины, который сохранился наполовину. Диаметр очага 45 см. На расстоянии 1,1 м от западной стены прослежен слой золы диаметром 0,6 м и толщиной 5 см. На полу были найдены всего 2 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика.

Землянка № 3 расположена в 10 м к северо-востоку от землянки № 2. Форма почти овальная. Длина с севера на юг 4,15 м, ширина 3,7 м, глубина 0,9 м. Все стены, кроме восточной, и пол выявлены довольно четко. В заполнении землянки — лесс желтоватого цвета. В северо-восточном углу на глубине 0,75 м обнаружена прямоугольная суфа (1,2 × 0,7 м), сохранившаяся на высоту 15—20 см от уровня пола. Суфа была сложена из сырцовых кирпичей, от которых остались лишь мелкие фрагменты, не позволившие установить размеры кирпичей и их форму. Удалось лишь выявить их толщину (10—12 см).

У северной стены на расстоянии 1,15 м от западной стены обнаружено скопление булыжников, простиравшееся с запада на восток на 0,8 м и вплотную подходившее к суфе, а с севера на юг — на 35 см. Почти посередине западной стены находился вход в землянку шириной 0,9 м. Около западной стены и частично у входа на полу выявлено зольное пятно почти овальной формы, которое простиралось в длину на 1,2 м, а в ширину на 0,5 м. Толщина западной стены 0,5—0,6 м.

Еще одно скопление булыжников найдено около южной стены землянки. Между булыжниками лежали несколько сравнительно больших фрагментов лепной керамики бургулюкского типа. Назначение скоплений камней остается пока неясным.

На расстоянии 1,5 м от южной стены и 0,5 м от восточной стены (нечетко выраженной) на полу найдены десятки фрагментов лепной керамики, отдельные кости животных и несколько необработанных камней.

Землянка № 4 примыкает с запада к землянке № 3. От землянки сохранились лишь остатки северной и восточной стен. Остальные стены смыты вместе с инвентарем водами водохранилища. В заполнении — плотный лесс желтоватого цвета. В этой землянке найдены всего 2 фрагмента лепного горшка бургулюкского типа.

Землянка № 5 обнаружена в 2 м к востоку от землянки № 3. От нее сохранились лишь остатки северной стены. Остальные стены полностью смыты. В заполнении — плотный лесс желтоватого цвета. Здесь обнаружены 4 фрагмента лепной керамики бургулюкского типа.

Землянки № 6 и 7. Среди землянок, раскопанных на правобережье, наибольший интерес представляют землянки № 6 и № 7, расположенные в 15 м к югу от землянки № 1. Землянки эти имеют общую стену, которая отделяет их друг от друга. Стена проходила с востока на запад и была почти целиком смыта водами водохранилища. Проследить ее удалось лишь в отдельных местах на уровне пола, в некоторых местах она чуть поднималась над полом и отличалась от него более светлым цветом. Ширина стены 60 см.

Длина землянки № 6 (северной) 4,35 м (с востока на запад), ширина 3,4 м (с севера на юг). В ней были найдены остатки двух полов, находившихся на разных уровнях. Глубина до верхнего пола 0,75 м, до нижнего — 0,81 м. Все стены в основном выявлены довольно четко. Толщина некоторых стен достигала 0,85 м. Заполнение землянки — относительно мягкий сероватый лесс с песком. В заполнении встречались десятки фрагментов лепной керамики бургулюкской культуры, фрагменты зернотерок разных размеров, среди них одна целая.

На уровне первого пола у восточной стены обнаружены остатки разрушенного очага из обожженной красновато-розовой глины. Размеры очага с севера на юг 0,9 м, с запада на восток — 0,65 м. Западнее и северо-западнее очага на уровне верхнего пола находились фрагменты керамики бургулюкского облика. На уровне нижнего пола найдены 2 интересные расписные стенки сосудов. На одной — орнамент

в виде красной полосы, на другой — в виде треугольника. Кроме того, на обоих полах встречались мелкие кости животных, терочка и отдельные необработанные камни (булыжники). В северо-западном углу землянки обнаружен вход шириной 1,1 м. В 0,9 м к востоку от западной стены расчищен очаг диаметром 0,5 м и глубиной 20—25 см, внутри которого находилась лепная круглодонная миска. Около самого края той же стены выявлена неглубокая пристенная яма полуовальной формы с остатками золы и угольками. Длина ямы с запада на восток 1 м, ширина 0,8 м, глубина 10—15 см.

Длина землянки № 7 с запада на восток 3,9 м, ширина 3,2 м. Как и в землянке № 6, в землянке № 7 прослежены 2 пола, находящихся на разных уровнях. Глубина верхнего пола 0,75 м, нижнего — 0,8 м. Состав грунта такой же, как и в землянке № 6. В насыпи землянки, кроме фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, найдено большое количество необработанных камней, фрагменты зернотерок, терочки и мелкие кости животных. Стены выявлены четко.

В юго-западном углу землянки обнаружена хозяйственная яма округлой формы, длиной с запада на восток 1,2 м, шириной 0,9 м, глубиной 0,65—0,70 м, заполненная мягким лессом с песком сероватого цвета. В яме найдены несколько фрагментов лепной керамики бургулюкского типа, среди них — тонкостенный. Севернее ямы располагался небольшой очажок-лунница диаметром 15 см. Такие небольшие очажки являются характерными для землянок-мастерских бургулюкской культуры. В западной части землянки обнаружен вход шириной 0,8 м.

Западнее землянки № 7, рядом с ней, на глубине от 10 см до 1,3 м найдены 97 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа, отдельные кости животных и рог. Но остатков стен землянки на этом месте обнаружить не удалось. Следовательно, либо землянка была размыта, а керамика и кости животных остались на месте, либо керамика и кости животных были размыты из землянки, которая была расположена выше. Второе предположение нам кажется менее вероятным, ибо трудно допустить, что такое количество керамики накопилось в одном месте и вдобавок на разных глубинах.

Землянка № 8 находится в 19 м к востоку от землянки № 1 и ориентирована почти по линии север — юг. Длина

землянки 5,5 м, ширина 2,9 м, глубина 0,4 м. Заполнение землянки — плотный лесс желтоватого цвета. В заполнении встречались фрагменты лепной керамики бургулюкского типа и несколько фрагментов зернотерок.

На расстоянии 1,1 м от западной стены прослежены остатки разрушенного очага с золой и угольками, в нем находились фрагмент лепного сосуда и кость животного, а около них — небольшая ямка диаметром 23 см. Эти находки находились глубже остальных на 15 см. На этом же уровне в некоторых местах была обнаружена довольно ровная и плотная поверхность — это был нижний пол. Вокруг очага расположено множество приочажных ям небольшого диаметра (5—8 см), по-видимому, имеющих какую-то связь с очагом: может быть, здесь когда-то стоял небольшой навес, закрывавший очаг. Три ямки (1 — внутри очага и 2 — за его пределами) были большего диаметра (15—20 см), чем остальные; встречались ямки диаметром 2—3 см.

У восточной стены обнаружены остатки очага или кострища в виде обожженной глины розовато-красного цвета. Это пятно простиралось с севера на юг на 38—40 см, а с запада на восток на 22—25 см. Все стены, кроме западной, выявлены довольно четко. Западная стена вместе с входом в землянку размыта водами водохранилища. Близ южной и восточной стен удалось четко выявить целый ряд круглых, небольшого диаметра и продолговатой формы ямок от столбов, которые некогда поддерживали кровлю легкого типа. В некоторых ямках вместе с песком обнаружены темно-коричневые скопления — остатки столбов.

Землянка № 9 найдена в 4,5 м к юго-востоку от землянки № 7. Ориентирована она с севера на юг. Длина землянки 4,7 м, ширина 3,4 м, глубина 45 см. Форма почти полуовальная. Все стены, кроме западной, прослежены довольно четко. В заполнении — сравнительно мягкий лесс коричневатого цвета. В нем найдено около 30 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика (среди них 6 венчиков). Проследить вход в землянку не удалось, по-видимому, он располагался с западной стороны и смыт вместе с западной стеной. В землянке выявлены 2 уровня полов, первый, четкий, прослежен на глубине 45 см, второй выявлен лишь в нескольких местах; он находился на 7—8 см ниже первого. На полах находок не было.

В 4,5 м к юго-востоку от землянки № 9 зафиксированы остатки разрушенного очага, каменная зернотерка, отдельные кости животных и несколько фрагментов лепной керамики бургулюкского типа. Остатки очага в виде обожженной розовато-красной глины, золы и угольков, простирались с севера на юг на 0,8 м, а с запада на восток на 0,5 м. На расстоянии 3,15 м к юго-востоку от очага расчищены остатки второго разрушенного очага или кострища, простиравшегося с севера на юг на 1,35 м, а с запада на восток на 0,65 м. Можно предполагать, что на этом месте когда-то была землянка, стены которой впоследствии были размыты.

Землянка № 10 расположена в 7 м к юго-юго-востоку от землянки № 1. Длина землянки с севера на юг 4 м, ширина 3,45 м. Форма землянки прямоугольная, почти квадратная. В заполнении — лесс желтоватого цвета, в некоторых местах плотный, жесткий, в других — сравнительно мягкий. Стены землянки выявлены четко. Верхний пол прослеживается плохо, лишь в некоторых местах, на глубине 30 см. На этом полу найдены несколько мелких фрагментов обожженной глины розового цвета и остатки золы с угольками. Второй пол находился значительно глубже первого, на глубине 0,6 м. На уровне второго пола обнаружены только фрагмент лепной керамики бургулюкского типа и фрагмент зернотерки. В землянке удалось проследить вход, который находился в юго-западном углу. Ширина входа 0,75 м.

Объект № 4 находится в 26 м к югу от объекта № 3. Здесь собраны 156 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа (134 стенки от разных сосудов и 22 венчика), а также 4 фрагмента зернотерок небольших размеров, терка для растирания красок и пестик. Однако землянок на этом объекте не обнаружено. Скорее всего, они размыты водами водохранилища, в связи с этим на объекте № 4 археологические раскопки не производились.

Объект № 4а расположен в 1,4 км к югу от объекта № 4. На объекте археологические раскопки не велись. На поверхности обнаружен материал, который относится к разным историческим периодам: более 20 кремневых орудий и отщепов (каменный век), керамика эпохи бронзы андронидного облика, бургулюкская керамика, фрагменты железных предметов и трехлопастной черешковый наконечник стрелы. Следов землянок на этом объекте также не обнаружено.

Объект № 5 находится в 470 м к западу от объекта № 2. Интересная особенность объекта № 5, в отличие от объектов № 3 и 4, — это резкое сокращение подъемного материала в виде керамики бургулюкского облика. В подъемном материале встречается керамика каунчинского типа, но больше всего посуды раннего средневековья и X—XII вв.

Землянка № 1 расположена у восточного края объекта № 5 и ориентирована с северо-востока на юго-запад. Форма землянки почти овальная. Длина 4 м, ширина 2,2 м, глубина 1,25 м. Заполнение землянки — сырой лесс желтоватого цвета. Четко выявлены все стены, кроме южной, которая была смыта водами водохранилища вместе с входом, который находился со стороны водохранилища. Пол довольно ровный, серого цвета, на нем лежали 3 фрагмента лепной керамики бургулюкского типа, а около юго-западной стены на глубине 20 см обнаружен отщеп.

Землянка № 2 находится в 5 м к западу от землянки № 1. Форма землянки почти овальная. Длина 5 м, ширина 2,1 м, глубина 1,2 м. Ориентирована она с северо-востока на юго-запад. Все стены, кроме южной, выявлены довольно четко. Пол ровный, серого цвета. В заполнении — сырой лесс желтоватого цвета. Находки незначительные: 2 маленьких фрагмента керамики бургулюкского облика. Южная стена вместе с входом размыта водами водохранилища.

Землянка № 3 расположена в 30 м к юго-западу от землянки № 2. Форма землянки почти прямоугольная, с закругленными углами. Длина 4,5 м, ширина 3,75 м, глубина 0,65 м. Заполнение землянки: верхний слой до глубины 10 см — сухой твердый лесс желтоватого цвета, ниже — сырой лесс такого же цвета. Пол нечеткий. Все стены, кроме западной, выражены хорошо. Вход в землянку выявить не удалось, видимо, он был размыт водами водохранилища. Ни в заполнении землянки, ни на полу находок не обнаружено. Однако следует особо отметить, что в контуре этой землянки в небольшом углублении до начала раскопок найден замечательный бронзовый наконечник стрелы листовидной формы с выступающей втулкой.

Землянка № 4 находится у западного края объекта № 5. Землянка почти овальной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Длина 4,3 м, ширина 3,2 м, глубина 0,5 м. Заполнение: верхняя часть до глубины

20 см — сухой плотный желтоватого цвета лесс, глубже — сырой лесс серого цвета. Сравнительно хорошо сохранились северо-восточная и частично — северная и южная стены. Юго-западная стена, где, вероятно, располагался вход, размыта водами водохранилища. В заполнении землянки попадались отдельные фрагменты лепной керамики, некоторые из них были прокопчены до черного цвета, и кость животного.

На полу землянки найдены 2 маленьких очажка небольшого диаметра. Один из них расположен почти в центре землянки на расстоянии 2 м от северо-восточной стены. Форма очажка почти круглая, неправильно-овальная. Длина 40 см, ширина 33 см, толщина стенок 8—10 см, глубина 7 см. К югу от первого очажка на расстоянии 33 см расположен второй подобный очажок круглой формы, диаметром 20 см, глубиной 8 см. Толщина стенок очажка 5—8 см, часть стенок не сохранилась. Стенки обоих очажков обожжены, сильно прокалены и почернели от копоти, может быть в них плавил медную руду.

В 0,7 м от северо-восточной стены обнаружены остатки разрушенного очага или кострища (прокаленная красная глина, угольки и пепел). Длина его 0,55 м, ширина 0,5 м. Рядом с очагом-кострищем лежали 3 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика. Западнее очажка встречены куски сырцовых кирпичей и около них — 2 небольшие ямки диаметром 5—10 см. Третья ямка находилась в 0,6 м к западу. Эти ямки, как и ямки землянки № 8 объекта № 3, были приочажные, т. е. служили основаниями для столбов навеса, которым укрывали очаг.

Объект № 6 расположен в 32 м к западу от объекта № 5. Здесь среди подъемного материала очень мало предметов бургулюкской культуры. В основном встречаются фрагменты раннего средневековья, а также поливная керамика IX—XII вв., иногда попадаются обломки стеклянных сосудов.

Землянка № 1 находится на самой возвышенной части объекта и ориентирована по линии север — юг. Длина землянки 5,6 м, ширина 2,95 м, глубина 45 см. Все стены, кроме восточной, выявлены четко. Заполнение землянки — твердый желтоватого цвета лесс. Пол ровный, сероватого цвета. На полу у восточной стены обнаружена прослойка пепла толщиной 5 см с мелкими угольками. Пепел распо-

жен по кругу диаметром 0,65 м. Находок в землянке не было, если не считать медную монету, которая попала в землянку случайно. Монета найдена на глубине 20 см близ юго-восточного угла восточной стены.

Землянка № 2 расположена в 15 м к западу от землянки № 1. Форма землянки почти круглая. Длина 4,1 м, ширина 4 м, глубина 1,25 м. Заполнение — сырой лесс желтоватого цвета. Сравнительно хорошо сохранились северная, южная и восточная стены. Западная стена отсутствует, по-видимому, там и находился вход в землянку. Пол из-за мягкости грунта не удалось выявить четко. В заполнении очень мало материала, это в основном мелкие и невыразительные фрагменты лепной керамики и кости животных.

Землянка № 3 находится в 40 м к юго-западу от землянки № 2. Форма почти круглая, длина 2,9 м (с запада на восток), ширина 2 м, глубина 0,7 м. Заполнение — сравнительно плотный лесс желтоватого цвета. Пол ровный, серого цвета. Все стены, кроме западной, выявлены четко. Западная стена вместе с входом, видимо, размыта. На полу лежали фрагменты средневековых жженных кирпичей, большие обломки средневековых сосудов, сделанных на гончарном круге, отдельные необработанные камни и фрагмент подставки каунчинского типа. Поскольку, как указывалось выше, на объекте № 6 было много подъемного материала средневекового времени, можно предположить, что в бургулюкскую землянку материал этого времени попал случайно, в более позднее время. Это подтверждается тем, что неподалеку от этого района имеются как памятники каунчинского этапа, так и средневековые.

Землянка № 4 расположена в 16 м к северу от землянки № 3. Форма ее прямоугольная. Длина 5,7 м, ширина 4,2 м, глубина 0,7 м. Заполнение — мягкий лесс с песком темно-серого цвета. Все стены, за исключением западной, выявлены довольно четко. Из-за мягкости грунта пол прослеживается плохо. Западная стена, где, видимо, был вход, размыта водами водохранилища. В насыпи попадались отдельные фрагменты средневековой керамики, сделанные на гончарном круге.

Землянка № 5 обнаружена в 6 м к юго-востоку от землянки № 4. Форма ее овальная, ориентирована с севера

на юг. Длина 6,5 м, ширина 2,1—2,6 м, глубина 1,4—1,95 м. Заполнение до глубины 0,8 м — светлый лесс желтого цвета, ниже до пола темно-желтый лесс. В южной части землянки находился вход высотой 1,5 м, шириной 0,9 м. В юго-восточном углу расчищен очаг круглой формы, диаметром 0,7 м и глубиной 0,9 м. В северо-западном углу землянки на глубине 0,7 м обнаружен пристенный очаг диаметром 0,7 м и высотой 0,65 м.

В 2 м от южной стены в западной стене выявлен выступ из пахсы, выступающей к востоку на 40 см. Ширина выступа 0,65 м. Создается впечатление, что этот выступ является остатком стены, которая некогда разделяла две землянки: южную, относящуюся к бургулюкской культуре, и северную — к средневековой. Дело в том, что в северной части землянки керамика относится в основном к средневековью. На глубине 0,8 м здесь обнаружен разбитый кувшин, сделанный на гончарном круге, а в южной части попадают преимущественно фрагменты лепной керамики с носиком-сливом и налипной ручкой, характерные для бургулюкской культуры. Всего в землянке собрано 159 фрагментов керамики: 107 — средневековой эпохи, 52 — бургулюкской культуры.

Объект № 7 расположен в 1 км к востоку от объекта № 4а и тянется с запада на восток на 194 м, а с севера на юг — на 32—37 м. До начала раскопок здесь собрано 332 фрагмента керамики, большая часть которых относится к бургулюкской культуре, а незначительная — к раннему средневековью. На объекте раскопаны 4 землянки.

Землянка № 1 находится в восточной части объекта. Форма ее почти квадратная. В заполнении — лесс желтоватого цвета. Длина с севера на юг 2,5 м, ширина 2,2 м, глубина 1,05 м. Пол, западная и восточная стены выявлены довольно четко. Вход в землянку выявить не удалось, видимо, он был размыт водами водохранилища. В заполнении землянки и на полу найдены 45 фрагментов керамики бургулюкского облика, среди них 4 венчика и стенка с отпечатком ткани на внутренней поверхности.

В южной части землянки на глубине 0,85 м обнаружено впускное погребение, видимо, каунчинского времени. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, параллельно реке, головой на запад. Правая рука вытянута вдоль грудной клетки, левая согнута в локтях. На правой руке — сломанный

железный браслет, около левой ноги, ниже таза — 4 кости барана (альчики), а рядом с ними — каменный оселок, пуговица и фрагменты железного ножа.

Землянка № 2 раскопана в 21 м к востоку от землянки № 1. Форма ее почти квадратная. Длина с севера на юг 2,6 м, ширина 2,3 м, глубина 0,8 м. Заполнение — желтоватый сравнительно мягкий лесс. Четко выявлены северная и восточная стены. Южная вместе с входом размыта. Западная сохранилась лишь частично. Находок мало: на глубине 20—30 см найдены 4 фрагмента керамики бургулюкского облика, среди них ручка-налеп.

Землянка № 3 расположена в 14 м к западу от землянки № 1. Форма ее необычная: северная и южная части — почти овальной формы и соединены между собой проходом. Длина землянки с севера на юг 3,5 м, ширина в северной и южной частях 1,7 м, ширина в середине (на месте прохода) 0,85 м, глубина 1 м. Грунт до глубины 0,4 м — сравнительно мягкий лесс желтоватого цвета, затем идет полоса темного цвета толщиной 20 см, ниже до пола идет опять сравнительно мягкий лесс желтоватого цвета. В полосе темного цвета найдены 11 фрагментов керамики бургулюкского облика, среди них 1 венчик.

Землянка № 4 обнаружена в 20 м к юго-западу от землянки № 1. Форма прямоугольная, длина с запада на восток 3,4 м, ширина 1,7 м, глубина 0,35 м. Удалось четко определить лишь западную и восточную стены, а также пол. Остальные стены и вход в землянку размыты. В заполнении — сырой лесс желтоватого цвета. Находки незначительные: 3 фрагмента керамики бургулюкского облика.

Объект № 8 расположен в 20 м к востоку от объекта № 7. Археологические раскопки на этом объекте не производились, так как следов жилищ не наблюдается. На поверхности объекта собрано 644 фрагмента керамики и 2 терки для растирания красок; 46 фрагментов керамики — с отпечатками ткани на внутренней поверхности, 5 — сделаны на гончарном круге и относятся к средневековому времени.

Поражает большой процент керамики с отпечатками ткани на внутренней поверхности. Такое явление не наблюдалось ни на одном из объектов, исследованных нами в 1974—1975 гг.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ АХАНГАРАНА

Объект № 1 расположен в 2 км к юго-юго-западу от плотины водохранилища и представляет собой невысокую возвышенность, которая тянется с севера на юг на 260 м, а с запада на восток на 100 м. Объект был окружен рвом, который сохранился в северо-западной, западной, восточной и южной частях. Северная часть размыта. Ширина рва по верху 25 м, по низу — 9 м, глубина от дневной поверхности 2,2 м. До начала раскопок на этом объекте собрано 4149 фрагментов керамики бургулюкского облика, 10 из них — с росписью и 12 — с отпечатками ткани на внутренней стороне. Кроме того, на поверхности встречены 5 зернотерок, фрагмент булавы, бронзовые ножи и фрагмент бронзового серпа.

На объекте зарегистрировано более 10 землянок, из них в 1975 г. исследовано 4.

Землянка № 1 находится в 82 м к югу от северного края объекта. До начала раскопок в контуре этой землянки на поверхности была обнаружена бронзовая бритва, по форме напоминающая «коленчатый» нож карасукского типа, остатки очага в виде обожженной до красного цвета земли и раздавленный большой лепной круглодонный горшок бургулюкского облика. Землянка состоит из четырех отсеков разной формы и величины, отделенных друг от друга пахсовыми перегородками. В 1975 г. полностью раскопаны 3 отсека.

Отсек № 1 — почти прямоугольной формы, вытянут с запада на восток. Длина его 2,2 м, ширина 1,65 м, глубина 0,5 м, ширина перегородки, отделяющей первый отсек от второго, 0,7 м. До глубины 20 см идет мягкий желтоватый лесс, ниже до пола — черный слой, насыщенный множеством фрагментов керамики и костей животных. На глубине от 5 до 50 см найдены 692 фрагмента керамики бургулюкского облика и 2 бронзовых ножа.

Отсек № 2 — почти овальной формы, вытянутый с севера на юг. Длина отсека 2,4 м, ширина 1,2 м, глубина 0,6 м. Толщина пахсовой перегородки, которая отделяет отсек № 2 от отсека № 3, 30 см. До глубины 20—30 см шел желтоватый лесс, а глубже до пола — черный слой, насыщенный множеством фрагментов керамики и костей животных. Все-

то в отсеке № 2 собрано 804 фрагмента керамики бургулюкского облика и около 30 костей животных.

Отсек № 3 также почти прямоугольной формы, с закругленными углами, вытянут с запада на восток. Длина отсека 5,9 м, ширина 4,4 м, глубина 1,5 м. До глубины 20—30 см идет слой желтоватого лесса, ниже до пола — мощный культурный слой черного цвета, насыщенный, как и в первых двух отсеках, множеством фрагментов керамики и костей животных. На глубине от 0,6 до 1,1 м прослеживается зольный слой толщиной в 8—12 см. В нем собраны 622 фрагмента керамики бургулюкского типа (среди них — фрагмент с росписью) и 43 кости животных.

Таким образом, хотя эта землянка не раскопана до конца, она явилась первой землянкой, которая дала чисто бургулюкский материал и значительно больше инвентаря, чем все другие землянки, раскопанные до и после нее, и, что особенно важно, здесь впервые для бургулюкской культуры обнаружены бронзовые ножи. Всего в землянке собрано 2118 фрагментов керамики.

Землянка № 2 расположена в 85 м к югу от землянки № 1 и имеет почти овальную форму, ориентированную с запада на восток. Заполнение землянки: до глубины 20 см — желтоватый лесс, ниже до пола — лесс более темного цвета. Длина 3,85 м, ширина 2,75 м, глубина 0,52 м. Восточная стена вместе с входом в землянку не сохранились, по-видимому, они размыты водами водохранилища. Остальные стены выявлены довольно четко. Пол хорошо прослеживается лишь в отдельных местах. В заполнении землянки на глубине 15—20 см найден 51 фрагмент керамики бургулюкского облика, из них 1 — с отпечатком ткани на внутренней стороне.

Землянка № 3 (рис. 8) находится в 71 м к юго-востоку от землянки № 2. Форма ее прямоугольная с закругленными углами. Ориентирована землянка с запада на восток. Длина ее 6,35 м, ширина 3,5 м, глубина у восточной стены 20 см, у западной — 45 см. Заполнение землянки до глубины 15 см — светлый лесс желтоватого цвета, ниже до пола — более темный лесс. Восточная стена вместе с входом не сохранилась, но следы ее видны в нескольких местах. Около юго-восточной части стены внутри землянки обнаружены 2 хозяйственные ямы. Первая вплотную подходит к

восточной стене. Диаметр ее 1,3 м, глубина 0,8 м. Вторая яма находилась к западу от первой. Диаметр ее 0,6 м, глубина 0,5 м. В ямах найдены десятки фрагментов керамики бургулюкского облика, отдельные кости животных, а в яме № 1 — целая лепная круглодонная миска.

В землянке расчищены 2 очага. Очаг № 1 находился в 0,5 м к западу от меньшей хозяйственной ямы. Форма очага подковообразная, длина 1,5 м, ширина 0,75 м, длина устья очага 0,4 м, ширина 0,3 м. Очаг был заполнен желтоватым лессом, перемешанным с золой.

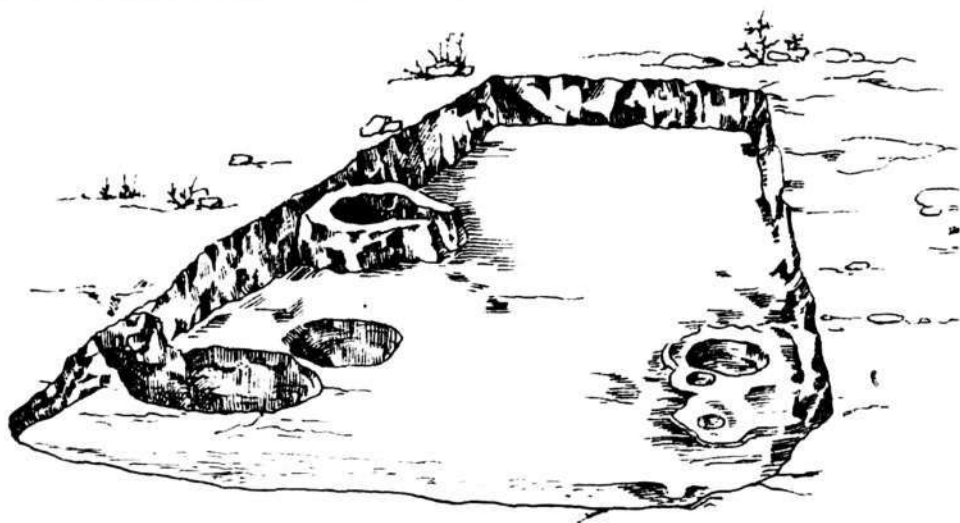

Рис. 8. Землянка № 3

Очаг № 2 располагался в 2,2 м от восточной стены, близ самого края северной стены. По форме и назначению этот очаг отличается от первого. Диаметр очага 20 см, глубина 10 см. Рядом с ним расчищены 2 маленьких очажка-лунницы, видимо, для плавки бронзы. Одна лунница диаметром 10 см и глубиной 7 см находилась всего в 5 см от восточного края очага № 2, вторая, диаметром 12 см и глубиной 10 см — в 25 см к востоку от первой.

В 0,7 м к северо-востоку от землянки, за ее пределами, найдена еще одна хозяйственная яма диаметром 0,9 м и глубиной 0,35 м. В ней были 39 фрагментов керамики бургулюкского облика и 7 костей животных. В самой землянке в

темноватом культурном слое обнаружены 147 фрагментов керамики и несколько фрагментов костей животных.

Землянка № 4 расположена в 22 м к востоку от землянки № 3. Форма ее почти прямоугольная, но западная стена закругляется. Четко выявлены все стены, кроме южной, которая была размыта вместе с входом. Пол прослеживается хорошо. Заполнение землянки: в северной части — лесс темно-желтого цвета, в остальных — светло-желтый. Длина землянки с запада на восток 5,1 м, ширина 4,2 м, глубина от 10 до 40 см. В юго-восточной части землянки находился очаг прямоугольной формы, длиной 0,75 м, шириной 0,6 м, глубиной 0,2 м и с шириной стенок 10 см. Южнее очага найдена почти целая зернотерка, а севернее его — большой венчик горшка с наклепной ручкой бургулюкского облика. В заполнении землянки и на полу обнаружены 76 фрагментов керамики и зернотерка.

Объект № 2а расположен в 1,8 км к юго-юго-западу от объекта № 1. На объекте не производились археологические раскопки. Собран лишь подъемный материал — 1088 фрагментов керамики, среди них 3 с росписью и 9 стенок с отпечатками ткани на внутренней стороне черепка.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА

Переходя к характеристике археологического материала из бургулюкских землянок, нужно подчеркнуть, что бургулюкский комплекс довольно однороден и на современном этапе изучения его следует рассматривать как единое целое. Выделение А. И. Тереножкиным двух этапов бургулюкской культуры, как показали раскопки 1974—1975 гг., не подтверждается имеющимися в настоящее время археологическими материалами.

На поселениях бургулюкской культуры найдены бронзовые изделия⁵.

Плоские черешковые с листовидным пером и жилкой наконечники стрел представлены двумя экземплярами. Длина первого наконечника вместе с черешком 3 см, ширина 1,2 см (рис. 9, 3). Второй наконечник

⁵ Краткое описание инвентаря из бургулюкских землянок, добытого в 1974 г., см.: Х. Дуке. К вопросу о бургулюкской культуре, с. 49—51.

нечник — листовидной формы, двуперый, втульчатый, с выступающей втулкой. Длина его 4,8 см, ширина 1,7 см (рис. 9, 4).

Серпы представлены четырьмя почти целыми экземплярами и двумя фрагментами (рис. 10). Один фрагмент серпа найден Ю. Ф. Буряковым на полу землянки, раскопанной и исследованной им в 1972 г. Серпы представляют собой слабо изогнутую массивную пластинку с закругленной спинкой, один конец серпа заострен, другой — закруглен. У закругленного конца сделано небольшое овально-вы-

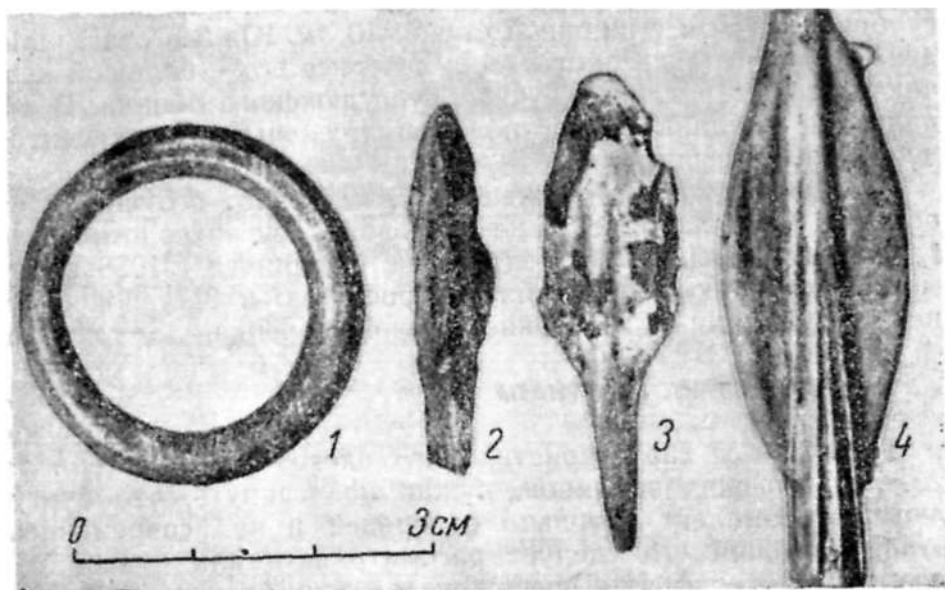

Рис. 9. Бронзовые изделия

тянутое или круглое отверстие, служившее для скрепления орудия с рукояткой. У одного серпа не хватает заостренного конца, у другого — закругленного. Фрагменты серпов представлены лишь закругленными концами с овально-вытянутым отверстием и небольшой частью спинки — лезвия. Размеры относительно целых серпов: 1) длина 12,5 см, ширина 2,8 см; 2) длина 10,4 см, ширина 3 см; 3) длина 12,7 см, ширина 2,5 см; 4) длина 14 см; ширина 2,8 см.

Некоторые археологи называют подобные орудия труда серпами-косарями⁶. Такое определение серпов, на наш взгляд,

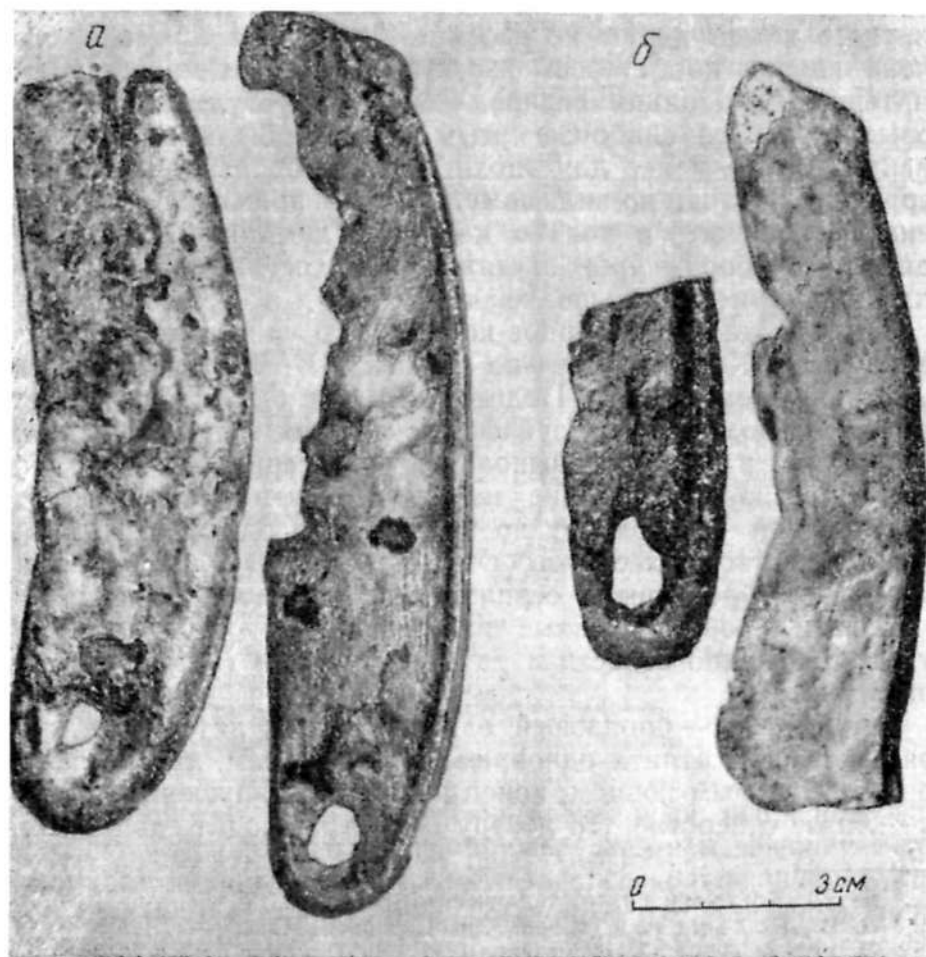

Рис. 10. Бронзовые серпы и их фрагменты

не соответствует их назначению.

Е. Е. Кузьмина относит их к так называемым косарям сосново-мазинского типа, найденным в кладе близ села Сос-

⁶ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. В4—9, М., 1966, с. 54; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, М.—Л., 1949, с. 74.

новая Маза⁷. Но серпы-косари из Сосново-мазинского клада, хотя имеют много общего с вышеописанными серпами, кое в чем и отличаются от них. Так, серпы-косари из Сосново-мазинского клада имеют не изогнутое лезвие, а прямое⁸, что очень важно, ибо степень изогнутости лезвия является характерным признаком серпов. Конечно, бургулюкские бронзовые серпы со слабоизогнутым лезвием были малоэффективны. Тем не менее для эпохи поздней бронзы, когда на территории Чача, по-видимому, еще не применяли искусственное орошение, а только каирное (лиманное), использование для уборки урожая даже таких серпов, как вышеописанный, имело большое значение.

Что же касается серпов-косарей, то они имели другое назначение. Как убедительно показали В. В. Гольмстен, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, они служили для расчистки участков, предназначенных под посевы, от зарослей кустарника и не могли выполнять роль серпов, так как они очень массивны, и лезвие их не изогнуто. Скорее всего, серпы-косари — рубящие, но не режущие орудия⁹. Мы, как и большинство археологов, считаем, что их следует называть просто бронзовыми серпами¹⁰ в отличие от косарей.

Ножи, обнаруженные на поселениях бургулюкской культуры, можно отнести к двум различным типам однолезвийных ножей.

Первый тип — бронзовый однолезвийный литой нож, рукоять которого отлита одновременно с лезвием, лезвие почти прямое, с острым концом, конец рукоятки закруглен, у рукоятки — литое отверстие. По центру лезвия проходит едва замет-

⁷ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 54.

⁸ В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой Мазы. — ПИМК, 1933, № 5—6, рис. 1; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. — ИГАИМК, вып. 119. М., 1935, с. 81.

⁹ В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой Мазы, с. 33; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество..., с. 82.

¹⁰ Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. — МИА, № 90, М., 1960, с. 122; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 188, М.—Л., 1962, с. 31; Он же. Чустская культура в Ферганской долине. — В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 199, 203; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, М.—Л., 1960, с. 162; В. И. Спришевский. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент, 1974, с. 35.

ное ребро. Длина ножа с ручкой 13,8 см, ширина лезвия 2,5 см (рис. 11, 2).

Разновидностью этого ножа мы считаем однолезвийный литой нож, рукоять которого отлита одновременно с лезвием, конец рукоятки закруглен, у рукоятки — литое отверстие, конец лезвия сильно оттянут назад (рис. 11, 3).

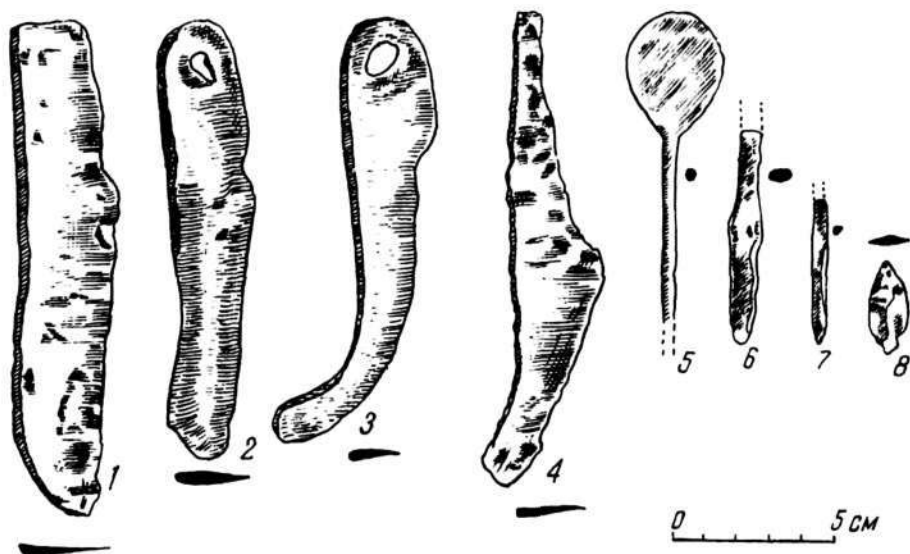

Рис. 11. Бронзовые изделия:

1—4—ножи; 5—ложечка-лопаточка; 6, 7—фрагменты бронзовых шильев; 8—наконечник стрелы

Второй тип — бронзовый однолезвийный литой нож с широким, массивным и почти прямым лезвием. Рукоятка продолжает линию лезвия, само лезвие несколько шире рукоятки, конец заострен. Длина ножа 15,5 см, ширина лезвия 2,8 см (рис. 11, 1).

Бритва по форме напоминает «коленчатые» ножи карасукского типа с характерным изгибом лезвия, рукоятка бритвы — в виде плоского черенка, суживающегося к верхней части. Навершие отсутствует. Длина бритвы 13 см, ширина лезвия 2,7 см (рис. 11, 4).

Шилья представлены двумя фрагментами. Первый фрагмент — уплощенное шило прямоугольного сечения, один конец заострен, а второй — отсутствует, сохранившаяся

длина — 7 см. Второй фрагмент — такого же типа, но меньших размеров, сохранившаяся длина 4,5 см.

Туалетная ложка-лопаточка — с длинной круглой в сечении ручкой, резервуар плоский, овальной формы. Длина ложки 9,5 см, диаметр ручки 0,4 см, длина резервуара 3,7 см, ширина 3 см (рис. 11, 5).

Как указывалось выше, А. И. Тереножкин отнес к первой стадии бургулюкской культуры целый ряд бронзовых предметов, случайно найденных в Ташкентской области: двуушковые кельты, кельты-лопаты, бронзовое копье, нож-кинжал с выемками у основания, однолезвийные ножи и т. д.¹¹ Поскольку А. И. Тереножкин не дал их описания, мы приведем краткую характеристику этих предметов.

Двуушковые бронзовые кельты. Как отмечает А. И. Тереножкин, 2 кельта этого типа находятся в Ташкентском музее истории народов Узбекистана. Один из них имеет удлиненно-прямоугольную форму и прямоугольное же сечение. По краю втулки идет бортик, под которым сбоку расположены 2 ушка. Второй кельт — прямоугольной формы с вытянутой овальной в сечении втулкой и отличается от первого отсутствием утолщенного бортика по краю втулки. Одно ушко его начинается прямо от края втулки, второе расположено несколько ниже.

Кельты-лопаты имеют лопатообразную форму с почти прямыми боковыми гранями и не выступающей круглой втулкой, которая проходит почти по середине орудия. Кельты-лопаты служили, как предполагает А. И. Тереножкин, земледельческим орудием — мотыгой, но могли употребляться и как кельт.

Бронзовый наконечник копья. К бургулюкской культуре А. И. Тереножкин отнес и бронзовое копье из Ферганы. Наконечник двуперый, листовидной формы с литой втулкой, переходящей в стержень, который продольно проходит по середине пера до острия. На наконечник пера нанесен орнамент в виде пересекающихся линий.

Ножи однолезвийные относятся к первому типу ножей, описание которых дано выше.

Фрагмент бронзового кинжала, найденный А. И. Тереножкиным у с. Уртасарай Ташкентской области¹²

¹¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, с. 154, рис. 69, XVI.

¹² Там же, рис. 69, XVI, 1, 2.

и отнесенный им к стадии Бургулюк I. Подробное описание этого кинжала уже приведено в литературе¹³.

Изделия из камня представлены плоскими и цилиндрическими терками для растирания красок, фрагментами наконечника булавы сфероконической формы с двусторонним сверлением отверстия, несколькими пестами. Но больше всего найдено каменных зернотерок для растирания зерен. Чаще встречаются зернотерки овальной формы размером $35 \times 20 \times 12$ см, но имеются зернотерки как меньших, так и больших размеров.

Наиболее массовым материалом, как обычно, является керамика. Как во время раскопок землянок, так и среди подъемного материала собрано более 11 000 фрагментов керамики и 3 целых сосуда. Вся керамика оказалась лепная — круглодонная. Снаружи сосуды покрывались светлым ангобом с розовым или марганцевым оттенком.

Бургулюкская керамика подразделяется на две группы: неорнаментированную, составляющую примерно 99% от всей керамики, и с расписным орнаментом — около 1%.

На современном этапе исследования бургулюкской культуры¹⁴ можно выделить 3 наиболее характерные формы керамики: 1) круглодонные лепные котлы полусферической формы с носиком-сливом (рис. 12, 10, 11); 2) круглодонные лепные горшки разных размеров, часть из них формовалась на матерчатом шаблоне, некоторые, как и котлы, имели под венчиком горизонтальную ручку-выступ. Тулово округлое, шаровидное (рис. 12, 5—7); 3) круглодонные глубокие и мелкие миски полусферической формы сравнительно больших размеров (рис. 12, 1—3).

Кроме того, встречаются миниатюрные сосудики с круглым или уплощенным дном и носиком-сливом под венчиком с одной стороны и горизонтальной ручкой-выступом — с противоположной (рис. 12, 9).

Особенно интересна расписная керамика. Роспись производилась красновато-коричневой или коричневой краской разных оттенков по светлому, серому или красному фону. Крас-

¹³ Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 111.

¹⁴ Археологические работы, по существу, только начались.

ка на некоторых фрагментах — низкого качества, легко стирается с черепков. Роспись покрывает не только верхнюю часть сосуда, но иногда плечики и тулово. Обычно украшалась только внешняя поверхность сосуда (рис. 13).

Основные мотивы орнамента: 1) треугольник, закрашенный сплошной заливкой; 2) треугольники, расположенные в ряд под венчиком сосуда и обращенные вершинами вниз,

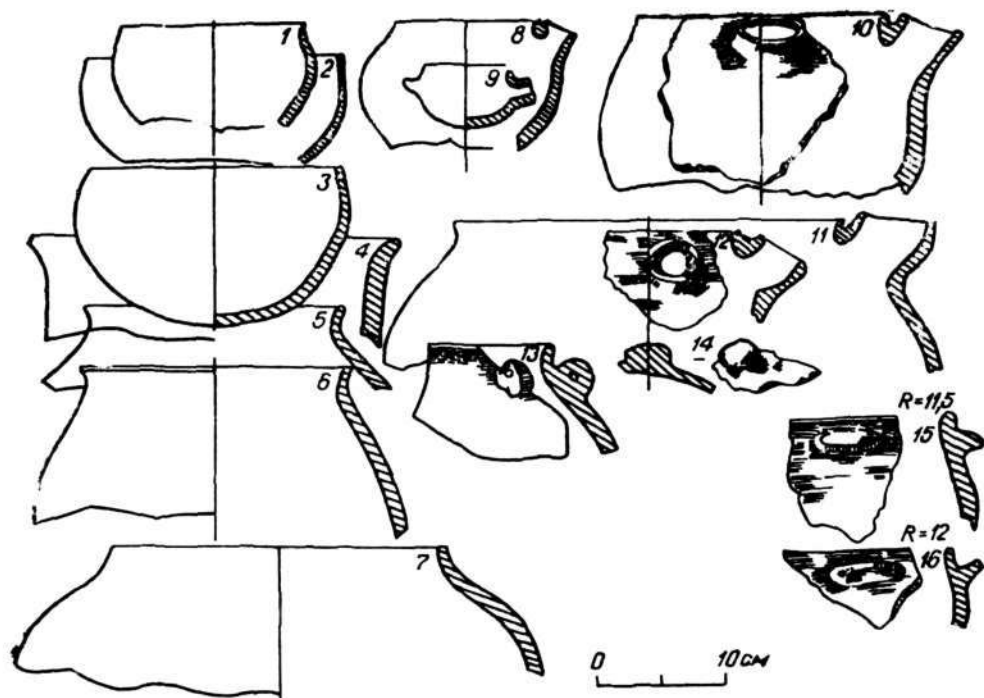

Рис. 12. Основные формы керамики

просветы между ними заполнены круглыми точками или кружочками; треугольники и кружочки закрашены сплошной заливкой; 3) треугольники, обращенные вершинами друг к другу и закрашенные сплошной заливкой; 4) широкая наклонная сетка по венчику, горловине и тулову сосуда; 5) широкие полосы, которые идут горизонтально под венчиком сосуда; 6) ломаные линии под венчиком и туловом сосуда; 7) широкие параллельные линии, между которыми проходят короткие вертикальные полосы, в результате получается фигурка наподобие «лестницы», лежащей горизонтально; 8) узкие

параллельные линии под венчиком сосуда, между которыми проходят узкие вертикальные полосы, расположенные наклонно; 9) треугольники под венчиком сосуда, обращенные вершинами вниз и заполненные овальными кружочками и ломаными линиями; 10) треугольники под венчиком сосуда, обращенные вершинами вверх и закрашенные сплошной заливкой.

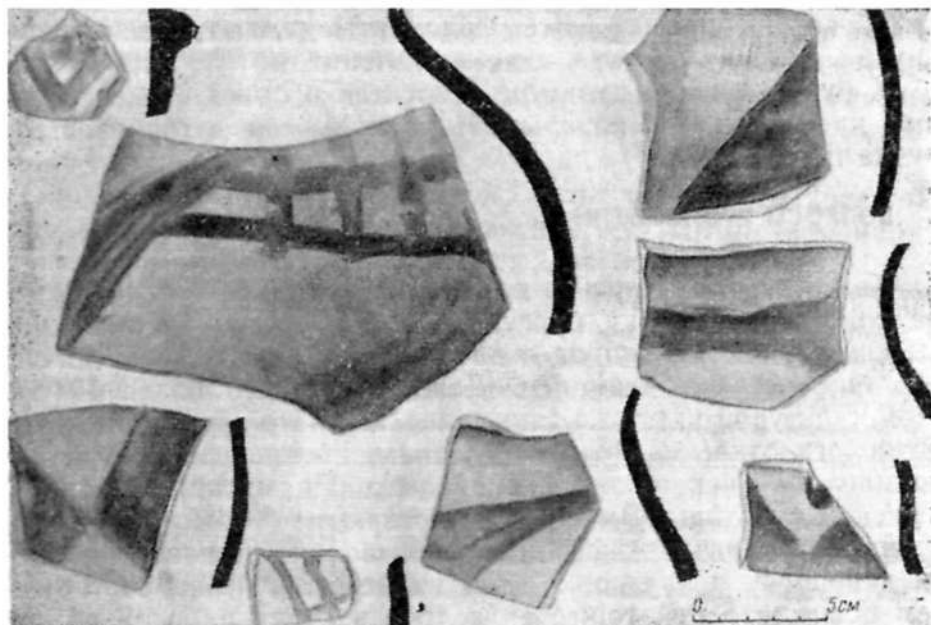

Рис. 13. Расписная керамика

Двумя экземплярами венчиков от бокалообразных или банкообразных сосудов представлена керамика с черной росписью. По светло-коричневой лощеной поверхности под венчиком нанесен орнамент черной краской в виде сравнительно мелких сеточек.

Формы сосудов с красной росписью в основном повторяют формы лепных сосудов первой группы. Они представлены круглодонными мисками и горшками со слегка отогнутым наружу венчиком. Встречен также один фрагмент с красной росписью от маленького сосуда с петлевидной ручкой. Такие сосудики редко встречаются среди бургулюк-

ской керамики. На мисках орнамент наносился, как правило, под венчиком сосуда, но иногда и по всему тулову, на горшках — в основном под венчиком и на тулове, а на миниатюрном сосудике с петлевидной ручкой — только под венчиком.

Среди керамических изделий следует отметить и фрагменты плоских жаровен, изготовленных из глины с небольшим включением крупнозернистого песка. Черепок довольно толстый, венчик прямой. Все фрагменты сильно закопчены внутри.

К бургулюкской культуре относятся и более 20 дисковидных крышек, часть которых была снабжена дугообразными ручками (рис. 12, 14).

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Как уже отмечалось в одной из наших работ¹⁵, несмотря на то, что памятники бургулюкской культуры были открыты еще в 1940 г., вопрос о датировке этой культуры до сих пор еще остается спорным. Дело в том, что более 30 лет этой культурой никто не занимался. А за это время узбекские археологи открыли сотни новых памятников, среди которых, по нашему мнению, часть синхронна с памятниками бургулюкской культуры. Вместе с тем открытие 30 землянок с материалами бургулюкского облика позволило по-новому подойти к вопросу о датировке этой культуры и пересмотреть ее, тем более, что некоторые археологи в своих работах опираются или сравнивают свои материалы с нею¹⁶. Надо сказать, что даже в настоящее время установить абсолютную датировку трудно в связи с тем, что большая часть материала была найдена не в самих землянках, а на берегу р. Ахангарана, и, во-вторых, тем, что многие землянки (25 из 29) были перекрыты материалами каунчинской культуры и, видимо, раннесредневекового времени. В-третьих, стратиграфия этой культуры еще не выявлена.

Для установления хронологии бургулюкской культуры особое значение имеют найденные на поселениях бронзовые

¹⁵ Х. Дуке. К вопросу о бургулюкской культуре, с. 50.

¹⁶ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 191; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, № 73, М.—Л., 1959, с. 61—62.

изделия: наконечники стрел разных типов, серпы и ножи. Хотя большая часть их найдена не в культурных слоях землянок, они, безусловно, относятся к бургулюкской культуре.

Бронзовые двулопастные черешковые наконечники стрел с листовидным пером и жилкой наиболее близки наконечнику из поселения Кайноват в Фергане¹⁷. Аналогичны бургулюкским и двулопастные черешковые наконечники стрел из культурного слоя Чустского поселения и Дальверзина¹⁸. Наконечник стрелы такого же типа найден и на поселении 6 в Кайрак-Кумах¹⁹. Некоторое сходство с бургулюкскими наблюдается в наконечниках стрел, найденных на Тилля-тепе в Северном Афганистане²⁰.

На поселении амирабадской культуры Якке-Парсан 2 (Турткульский район Каракалпакской АССР) была обнаружена форма, в которой отливали листовидные черешковые наконечники стрел²¹. На Восточном Памире В. А. Ранов при раскопках пещеры Куртепе в слое поздней бронзы нашел наконечник стрелы этого типа вместе с втульчатым наконечником. Это, по-видимому, доказывает синхронность существования обоих типов наконечников в Средней Азии.

К какому времени относятся памятники, приведенные в качестве аналогий? Памятники чустской культуры датируются концом II — первой третью I тысячелетия до н. э. (X—IX вв. до н. э.)²². Но датировка, предложенная Ю. А. Заднепровским для чустской культуры, в настоящее время ос-

¹⁷ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. — Тр. ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, с. 17 и табл. VI, 8; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 62, табл. XXXIII; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, с. 222, табл. 45, 3.

¹⁸ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 31, 38, табл. XXI, 5, 6; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., табл. VI, 17, 29, 45, 51.

¹⁹ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, с. 219, 221, табл. 53, 3.

²⁰ В. И. Сариниди. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. — Материалы к археологической карте Северного Афганистана, вып. I, М., 1972, рис. 14, 7; 21, 4.

²¹ М. А. Итина. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.). — МХЭ, вып. 6, М., 1963, с. 124, рис. 12, 3.

²² Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 70.

паривается некоторыми археологами. Например, А. И. Тереножкин датирует чустскую культуру VIII—VII вв. до н. э.²³ и аргументирует эту абсолютную датировку тем, что на поселении Дальверзин была найдена матрица для отливки бронзового псалия с тремя отверстиями и одним изогнутым заостренным концом²⁴. Этот псалий находит близкие параллели среди псалиев из Сналка, Мингечаура, а также некоторых архаических скифских, что, по мнению А. И. Тереножкина, является определяющим при установлении абсолютной датировки чустской культуры²⁵. Кроме того, о поздней дате чустской культуры говорит и сам Ю. А. Заднепровский, который отмечает, что об этом свидетельствуют находки на Дальверзинском поселении железа и железного пожа²⁶.

Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов отмечают, что основная часть бронзовых изделий с территории Кайрак-Кумов датируется серединой II—серединой I тысячелетия до н. э.²⁷

Е. Е. Кузьмина относит этот тип наконечников стрел к эпохе поздней бронзы — XII—VIII вв. до н. э. Но большинство исследователей относит их к началу I тысячелетия до н. э.²⁸ Поселение Якке-Парсан 2 датируется IX—VIII вв. до н. э.²⁹ Бронзовые черешковые наконечники стрел из Тилля-тепе В. И. Сарияниди датирует первыми веками I тысячелетия до н. э.³⁰

Бронзовый втульчатый двуплостный наконечник стрелы с выступающей втулкой по форме напоминает миниатюрное копьё. Подобный наконечник стрелы и формы для их отливки были обнаружены на амирабадском поселении Якке-Парсан 2, а также близ стоянки Бала-Ишем 8 в Каракумах и

²³ А. И. Тереножкин. Дата мингечаурских удил. — СА, 1971, № 4, с. 70.

²⁴ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., табл. XX, 3.

²⁵ А. И. Тереножкин. Дата мингечаурских удил, с. 77.

²⁶ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 69.

²⁷ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, с. 231.

²⁸ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 33.

²⁹ М. А. Итина. Поселение Якке-Парсан 2, с. 128.

³⁰ В. И. Сарияниди. Раскопки Тилля-тепе..., с. 24.

датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э.³¹ Близкие аналогии бронзовый втульчатый наконечник стрелы находит и среди наконечников из слоя Яз I в Туркмении. В. М. Массон датирует комплекс Яз-Депе I 900—650 гг. до н. э.³² Но, как он отмечает, подобные наконечники стрел были встречены и в слоях Яз II. В связи с этим представляется возможным датировать наконечники стрел вышеописанного типа примерно IX—VII вв. до н. э.

Бронзовые серпы изогнутой формы находят наиболее близкие параллели среди серпов, обнаруженных на Большом Чуйском канале³³, а также среди бронзовых серпов из Чустского и Дальверзинского поселений³⁴. Серпы этого типа обнаружены в Восточном Казахстане в слоях поселений Мало-Красноярка, Трушниково и др.³⁵ Некоторое сходство бронзовые серпы из бургулюкских поселений обнаруживают и среди серпов карасукской эпохи Минусинской котловины в Сибири³⁶. Серп такого же типа обнаружен в 1975 г. в слое эпохи поздней бронзы поселения Джаркутан.

К какому времени относятся указанные выше памятники, приведенные в качестве аналогий?

О памятниках чустского типа мы говорили выше. С. С. Черников малокрасноярский этап датирует XIII—IX вв. до н. э., а трушниковский этап — IX—VIII вв. до н. э. Оба памятника относятся к андроновской культуре³⁷. Но как датировка этих памятников, так и отношение их к андроновской культуре вызывают большое сомнение, на что уже давно обратили внимание археологи-специалисты по эпохе бронзы. Так, М. Н. Комарова отмечала, что такие поселения, как

³¹ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. — ТХЭ, т. II, М., 1958, с. 301, рис. 12.

³² В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., с. 45—47, табл. XXXIII, 5, 9, 10.

³³ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». — МИА, № 14, М.—Л., 1950, табл. XXXV, 4, 5; XXXVI, 1—3.

³⁴ В. И. Спришевский. Каталог археологических материалов..., с. 35, рис. 26; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., табл. XXI, 7.

³⁵ С. С. Черников. Восточный Казахстан..., табл. XXXVI, 19; XXXVII, 3.

³⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, с. 74—75; Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху, с. 122, рис. 1, 6.

³⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан..., с. 100, табл. 6.

Мало-Красноярка, Трушниково и Усть-Нарым, не являются хронологически однородными. В них находят керамику как федоровского этапа андроновской культуры, так и замараевско-карасукского этапа³⁸.

По вопросу хронологии карасукской культуры также нет единого мнения. М. П. Грязнов разделил ее на 2 этапа — собственно карасукский — XIII—X вв. до н. э. и каменноложский — X—VIII вв. до н. э.³⁹ Датировка карасукской культуры, предложенная М. П. Грязновым и его учениками, представляется нам наиболее обоснованной⁴⁰.

Е. Е. Кузьмина датирует бронзовые серпы этого типа XII—VIII вв. до н. э. и отмечает, что они получили широкое распространение в эпоху поздней бронзы, а с начала железного века эта форма исчезает везде, кроме Минусинской котловины⁴¹. Приведенные аналогии позволяют нам предварительно датировать бронзовые серпы из бургулюкских землянок X—VIII вв. до н. э., но, учитывая весь комплекс сопоставлений, их можно отнести скорее всего к IX—VII вв. до н. э.

I тип бронзовых ножей, обнаруженных на поселениях бургулюкской культуры (с острым концом, закругленной рукоятью и литым отверстием в ней), находит наиболее близкие параллели среди ножей, найденных на Ташкентском канале около Уртааула⁴², а также близ пос. Лугумбек в Ферганской области⁴³. К этому же типу относится

³⁸ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. — Археологический сборник, вып. 5, Л., 1962, табл. на с. 71 и 72.

³⁹ М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, Б. П. Пяткин. Карасукская культура. — В кн.: История Сибири, т. I, Л., 1968, с. 180—181.

⁴⁰ Зиеп Динь Хоа. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР). Автореферат канд. дисс., Л., 1966, с. 18; Х. Дуке. Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии, Казахстана и Сибири. Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1970, с. 17, 21.

⁴¹ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 55.

⁴² А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, табл. XVI, 1.

⁴³ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, табл. 40, 2; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда..., с. 21, табл. VIII, 1; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 63, табл. XXXIII, 12.

ряд ножей из Чустского поселения⁴⁴. Интересно, что эти ножи находят близкие аналогии в ножах карасукских погребений на Долгой Гриве и могильника на Ближних Ельбанах IV на Оби⁴⁵, отнесенных Е. Е. Кузьминой к пластинчатым ножам с отверстием в рукояти и датированных концом эпохи бронзы⁴⁶.

II тип — однолезвийные литые с массивным и широким лезвием ножи. Аналогичные ножи найдены в Дальверзинском⁴⁷ и Чустском⁴⁸ поселениях. Нож из Чустского поселения отличается от бургулюкского лишь тем, что по одной стороне его рукояти проходит рельефный волнистый орнамент. Близкие аналогии имеются и среди ножей долины р. Узун-Ахмат Джалалабадской области⁴⁹.

Бронзовая бритва по форме напоминает «коленчатые» ножи карасукского типа, который довольно широко распространен в Сибири, Забайкалье и Центральной Азии⁵⁰. М. П. Грязнов относит эти ножи к каменоложскому этапу карасукской культуры⁵¹.

Таким образом, все приведенные аналогии бургулюкским бронзовым ножам относятся к эпохе поздней бронзы, к X—VIII вв. до н. э. или IX—VII вв. до н. э.

Бронзовые уплощенные прямоугольные в сечении шилья находят наиболее близкие аналогии среди шильев из Яз-Депе I, которые в отличие от бургулюкских имеют резкое расширение в середине⁵², а также среди памятников чустской

⁴⁴ В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. — СА, 1958, № 3, рис. 2, 5; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 46, табл. IX, 25, 28.

⁴⁵ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. — МИА, № 48, М., 1956, рис. 7, 27, 28, табл. V, 25.

⁴⁶ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 46.

⁴⁷ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., рис. 11, 5.

⁴⁸ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 49, табл. IX, 11.

⁴⁹ Там же, табл. IX, 10.

⁵⁰ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. — Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, с. 101, 106, табл. XI, 25, 36, 37; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, с. 70, табл. XII, 1; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема, М., 1970, с. 67—82, рис. 17, 1—6.

⁵¹ М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, Б. П. Пяткин. Карасукская культура, с. 182.

⁵² В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., с. 45, табл. XXXIII, 7.

культуры в Фергане⁵³. Подобное же шило найдено в пещере Ак-Танги в Таджикистане⁵⁴. Е. Е. Кузьмина отмечает, что этот тип шильев получил широкое распространение в конце эпохи бронзы на всей территории Средней Азии. За пределами Средней Азии они встречаются очень редко⁵⁵.

Каким временем датируются бронзовые изделия, которые А. И. Тереножкин относит к первой стадии бургулюкской культуры?

Двуушные кельты были распространены на огромной территории за пределами Средней Азии от Польши до Поднепровья и от Кавказа до Поволжья и Приуралья и в основном датируются эпохой поздней бронзы (XII—VIII вв. до н. э.)⁵⁶. Как отмечает Е. Е. Кузьмина, «датировка двуушковых кельтов эпохи поздней бронзы на огромной территории, начиная с Польши и до Поднепровья и от Кавказа до Поволжья и Урала твердо устанавливается по большому количеству кладов, в составе которых эти кельты найдены, и по культурному слою поселений. В этот период во всех перечисленных районах находили разные варианты двуушных кельтов. Позднее этот тип кельтов здесь не встречается и в памятниках скифской эпохи не обнаружен»⁵⁷. Единственной областью, где эти кельты продолжали существовать, по-видимому, была Западная Сибирь, где некоторые формы орудия были довольно консервативны и сохраняются даже на подгорновском этапе тагарской культуры (VI—V вв. до н. э.)⁵⁸.

Кельты-лопаты исследователи датируют по-разному: А. Н. Бернштам отнес киргизские кельты-лопаты к карасукскому времени⁵⁹, В. П. Левашева кельт-лопату из с. Усинское отнесла к тагарской культуре. С. С. Черников датировал этот тип орудия IX—VIII вв. до н. э. (трушниковский

⁵³ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 31, табл. XXXII, 10, 16—18.

⁵⁴ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, с. 210.

⁵⁵ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 65.

⁵⁶ Там же, с. 21.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ М. П. Грязнов. Тагарская культура. — В кн.: История Сибири, т. I. Л., 1968, табл. на с. 192—193, рис. 81—82.

⁵⁹ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., табл. XXXIV, 1—5.

этап)⁶⁰, Ю. С. Гришин датировал кельты-лопаты карасукским временем⁶¹. Е. Е. Кузьмина разделила кельты-лопаты на два типа: кельты-лопаты I типа с опущенными плечиками она отнесла к карасукской эпохе⁶², а кельты-лопаты II типа с плечиками, поднимающимися от втулки кверху, датировала третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁶³ Таким образом, кельты-лопаты следует, видимо, отнести к карасукской эпохе, которая датируется в пределах XIII—VIII вв. до н. э.

К бургулюкской культуре А. И. Тереножкин отнес и бронзовое копье из Ферганы⁶⁴. Е. Е. Кузьмина, приводя широкий круг аналогий относит подобные наконечники к эпохе поздней бронзы и датирует их предварительно XII—VIII вв. до н. э.⁶⁵

Остается непонятным, почему А. И. Тереножкин включил в свою таблицу периодизации материальной культуры Ташкентского оазиса без особых на то оснований в период Бургулюк I (VI—IV вв. до н. э.) бронзовое копье, найденное на трассе БФК примерно в 10 км к северу от Маргелана и не имеющее никакого отношения к Ташкентскому оазису. Что касается фрагмента бронзового кинжала, обнаруженного А. И. Тереножкиным у с. Уртасарай в Ташкентской области, то Б. А. Литвинский на основании приведенных им сопоставлений относит его к V—IV вв. до н. э.⁶⁶

Таким образом, все приведенные аналогии бронзовым изделиям, которые А. И. Тереножкин отнес к стадии Бургулюк I, в основном датируются эпохой поздней бронзы, т. е. X—VIII или IX—VII вв. до н. э., за исключением, пожалуй, фрагмента бронзового кинжала, который, видимо, относится к более позднему времени (V—IV вв. до н. э.).

⁶⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан..., табл. LXXVII, 4.

⁶¹ Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху, с. 122.

⁶² Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 25.

⁶³ Там же.

⁶⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, табл. XVI, 10.

⁶⁵ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 29.

⁶⁶ В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. — Тр. ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, с. 4; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., рис. 18, 1; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, с. 201—202, табл. 40, 18, 10; Б. А. Литвинский. Древние кочевники..., с. 111, табл. 40, 1.

Для установления датировки бургулюкской культуры большое значение имеет и расписная керамика, которую можно разделить на три подгруппы: 1) тонкостенная лощеная керамика высокого качества с черной росписью, так называемого чустского типа; 2) местная расписная керамика низкого качества с красной и темно-коричневой росписью (горшковидные сосуды, небольшие сосудики с петлеобразной ручкой, миски); 3) тонкостенная керамика высокого качества, сделанная иногда на гончарном круге, с красной и темно-коричневой росписью.

Изучение бургулюкской культуры, по существу, только начинается, однако уже можно предполагать, что часть расписной керамики из бургулюкских поселений была привозной. Наше предположение основывается на том, что керамика с черной росписью и орнаментом в виде мелких сеточек до того близка чустской, что легко сделать ошибку, определяя, какие фрагменты происходят из Ферганской долины, а какие — из Ташкентской области⁶⁷. Роспись на бургулюкских фрагментах, как и на чустских, занимает верхнюю часть сосуда.

Значительная часть расписной керамики второй и третьей групп находит близкие аналогии в комплексе Яз-Депе 1 в Южной Туркмении⁶⁸. Отличия заключаются лишь в деталях орнамента: на керамике бургулюкской культуры подавляющее большинство геометрических фигур закрашивалось сплошной заливкой, а на Яз-Депе 1 такой прием встречается редко⁶⁹.

Расписная керамика из бургулюкских поселений находит также близкие параллели в комплексах Северной (Кучуктепе, поздний Джаркутан, Миршаде) и Южной Бактрии

⁶⁷ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок в 1954). — КСИИМК, вып. 69, М., 1957, с. 46, рис. 13, 1, 2; Он же. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.). — СЭ, 1954, № 3, с. 71, рис. 5, 6; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 202, табл. X; Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. — КСИИМК, вып. 69, М., 1957, рис. 16, 6; Он же. Древнеземледельческая культура..., с. 26, табл. XVII, 1—7; XVIII, 1, 4, 5, 7, 10, 13, 15, 17, 18.

⁶⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., с. 36—37; Он же. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 188.

⁶⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XVII—XX.

(Тилля-тепе). Орнамент наносился на светлый или розовый фон черепка красной или коричневой краской разных оттенков. Совпадают и мотивы росписей — это преимущественно разнообразные треугольники с разным заполнением, в том числе и со сплошной заливкой. Особенно часто встречаются треугольники со сплошной заливкой на Кучуктепе. Одинаковы и основные формы сосудов — в большей части миски или чаши. Роспись на них занимает, как и на бургулюкских фрагментах, верхнюю часть сосуда, но иногда росписью покрывались плечико и тулово сосуда. Однако на этих памятниках встречается керамика с более сложным и разнообразным орнаментом и более высокого качества, чем бургулюкская.

Керамика Тилля-тепе отличается от бургулюкской наличием, во-первых, посуды, сделанной на гончарном круге; во-вторых, чернополированной керамики, не встречающейся в памятниках бургулюкской культуры; в-третьих, «салатниц», не известных в других памятниках с расписной посудой, а также расписных сосудов с носиками-сливами. В. И. Сарияниди разделил комплекс Тилля-тепе на 3 хронологических периода: Тилля 1 — 1300—1000 гг. до н. э., Тилля 2 — 1000—600 гг. до н. э. и Тилля 3 — 600—500 гг. до н. э.⁷⁰ Бургулюкская расписная керамика как по форме, так и по цветовой гамме и мотивам орнамента ближе всего к периодам Тилля 1 и 2. Это объясняется, видимо, тем, что период Тилля 1 удревлен.

Памятники с расписной керамикой были исследованы в подгорной полосе Копет-дага на юге Туркмении. Среди них особое место занимают Анау IVA, Елькен-депе, Улуг-депе, Яшулли-депе и др.⁷¹

Для этих памятников характерны кубки, горшковидные сосуды, глубокие чаши, плоские крышки. Роспись наносилась красноватой, коричневой и изредка черной краской на розовато-желтом или зеленовато-белом фоне⁷². Основной мотив росписи, как и на бургулюкских сосудах, — треугольники в разных сочетаниях и по-разному заполненные внутри. Комплексы подгорной полосы Копет-дага отличаются от бургу-

⁷⁰ В. И. Сарияниди. Раскопки Тилля-тепе..., с. 19, 24.

⁷¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., с. 102—104.

⁷² Г. Гутлыев. Памятники Южного Туркменистана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореферат канд. дисс., М., 1974, с. 11.

люкских наличием керамики, сделанной на гончарном круге, правда, она здесь встречается в ограниченном количестве, а также кубков, которые отсутствуют в керамике бургулюкского облика.

Неорнаментированная керамика находит близкие параллели в тех же комплексах, что и расписная. Особенно близкие аналоги мы находим в неорнаментированной керамике Чуста⁷³. В то же время чустская керамика в известной степени отличается от бургулюкской: роспись нанесена черной краской, некоторые сосуды сделаны на гончарном круге. Значительная часть форм чустской посуды не встречается в бургулюкской керамике⁷⁴.

В 1968—1970 гг. Ю. Ф. Буряков совместно с Г. Дадабаевым обнаружил керамику бургулюкского облика в нижних слоях таких памятников Ташкентского оазиса, как Шаштепе, Кулокчинтепе, Ниязбаштепе, Чонгтепе и др.⁷⁵ Некоторые сосуды орнаментировались буровато-красной краской. Мотивы орнамента — ломаные линии, закрашенные треугольники, бурые полосы.

Неорнаментированная керамика бургулюкской культуры находит близкие аналогии и в комплексе Яз. В то же время яздепинская неорнаментированная посуда отличается от бургулюкской рядом существенных признаков: часть керамики яздепинского комплекса сделана на гончарном круге; среди керамики с черепком серого цвета имеются такие формы, как хумы, хумча, кубки⁷⁶, пока не встреченные среди бургулюкской посуды.

Формы и фактура сосудов из бургулюкского комплекса находят довольно близкие параллели в керамике из Чиракчинского поселения в Кашкадарьинской области. Керамика на этом памятнике сделана в основном от руки, хотя есть

⁷³ Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище..., рис. 17, 1—5; Он же. Древнеземледельческая культура..., с. 28, табл. XIX, 1, 2, 18, 22; В. И. Спришевский. Чустское поселение..., с. 45—46; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 202.

⁷⁴ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 25—26.

⁷⁵ Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. — ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, с. 39—41, рис. 1—4; Ю. Ф. Буряков. Историческая топография..., с. 186.

⁷⁶ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., с. 37—38, табл. XX, 29, 30; XXI, 3, 13; XXIII, 4; XXVII, 8, 9.

некоторые сосуды, изготовленные на гончарном круге. Лепная керамика представлена горшками и жаровнями, по форме почти идентичными бургулюкским. Довольно многочисленны фрагменты керамики с отпечатками ткани, венчики сосудов с носиком-сливом. Отличия заключаются лишь в том, что на Чиракчинском поселении некоторая часть посуды сделана на гончарном круге, часть сосудов была плоскодонной, нет расписной керамики, хотя роспись в связи с плохим качеством краски могла быть смыта водами Чимкурганского водохранилища. Памятник датируется началом I тысячелетия до н. э.⁷⁷

Довольно близкие аналогии неорнаментированной керамике из Бургулюка можно наблюдать и среди таких комплексов Северной Бактрии, как Кучуктепе⁷⁸, Бандихан I, верхний слой поселения Джаркутан⁷⁹, Миршаде⁸⁰, а в Южной Бактрии — Тилля-тепе⁸¹. Особенно близкие параллели можно видеть в керамическом комплексе Кучуктепе. Здесь встречаются сосуды с носиками-сливами и ручками налестами, горшковидные сосуды, миски или чаши, жаровни, диско-видные крышки и другие формы сосудов, характерные для бургулюкской культуры. Вместе с тем нужно отметить, что большая часть керамики кучуктепинского комплекса сделана на гончарном круге, а в целом керамика Кучуктепе — более высокого качества, чем бургулюкская.

Близки к бургулюкским миски, чаши и горшковидные сосуды из поселения Джаркутан (верхний слой). На поселении Бандихан I обнаружен фрагмент венчика с носиком-сливом. В целом бандиханский комплекс также имеет сход-

⁷⁷ Х. Дуке. Успехи среднеазиатской археологии, вып. 2, Л., 1972, с. 55.

⁷⁸ Л. И. Альбаум. Поселение Кучуктепе в Узбекистане. — Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, с. 59—60.

⁷⁹ А. А. Аскаров. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии. — «Археологические открытия 1974 года». М., 1975, с. 496—497.

⁸⁰ Т. В. Беляева, З. А. Хакимов. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 35—38.

⁸¹ В. И. Сарияниди. Раскопки Тилля-тепе...

ство с бургулюкским, но отличается от него присутствием керамики, сделанной на гончарном круге.

Важно также подчеркнуть, что ряд фрагментов керамики с поселений 6 и 29 из Кайрак-Кумов довольно близок бургулюкской посуде. Носик-слив на этих сосудах расположен, как и на бургулюкских, непосредственно под горловиной⁸².

Сходство наблюдается и между нерасписной керамикой Тилля-тепе и бургулюкской (плоские жаровни с невысоким бортиком, горшки, крышки). Безусловно, каждый из памятников, приведенных для сопоставления, имеет свои локальные особенности. Иначе и не могло быть, так как эти памятники находятся на больших расстояниях друг от друга, и на них могли оказать влияние более близкие или соседние культуры. Поэтому мы видим, что в таких памятниках, как Яз 1, Кучуктепе, Бандихан 1, Джаркутан, Тилля-тепе, наряду с лепной имеется керамика, сделанная на гончарном круге. В процессе изучения будут выявлены еще большие локальные отличия для каждого района.

Поскольку материалы бургулюкского облика находят близкие аналогии среди вышеприведенных памятников, которые датируются в основном началом I тысячелетия до н. э., то на современном этапе изучения бургулюкской культуры мы предполагаем, что датировка, предложенная А. И. Тереножкиным, требует пересмотра в сторону ее углубления и культуру следует предварительно датировать IX—VII вв. до н. э.

Для датировки бургулюкской культуры А. И. Тереножкин сопоставил в основном бургулюкскую керамику с лепленной на матерчатом шаблоне керамикой усуней и датировал ее, как отмечалось выше, сначала III—I вв. до н. э., позднее IV—III вв. до н. э., а затем VI—IV вв. до н. э. Однако новые материалы, собранные в последнее время, свидетельствуют о применении приема лепки керамики на матерчатом шаблоне и в эпоху бронзы, и в середине I тысячелетия до н. э. не только в Средней Азии, но и в других районах, что позволяет опровергнуть утверждение о принадлежности его исключительно культуре усуней.

⁸² Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, табл. 63, 9; 89, 3.

Керамика с отпечатками тканей на внутренней поверхности в настоящее время известна на Чустском и Дальверзинском поселениях эпохи бронзы⁸³. Среди фрагментов керамики, собранных с кайраккумских поселений, встречен целый ряд обломков (около 75) с отпечатками ткани, относящихся ко второй половине II — началу I тысячелетия до н. э.⁸⁴

На Чиракчинском поселении эпохи поздней бронзы собрано более 100 фрагментов керамики с отпечатками ткани на внутренней поверхности⁸⁵, десятки подобных фрагментов обнаружены на поселении Кучуктепе⁸⁶.

Нужно отметить, что в керамике алакульского этапа андроновской культуры, датируемого XV—XII вв. до н. э., также встречаются сосуды и их фрагменты с отпечатками ткани на внутренней поверхности⁸⁷. На Алексеевском поселении, расположенном в Кустанайском районе Казахстана, также были обнаружены отпечатки ткани на внутренней поверхности керамики⁸⁸. О. А. Кривцова-Гракова относит Алексеевское поселение к андроновской культуре и датирует его X—VIII вв. до н. э.⁸⁹

А. В. Збруева в своей работе, посвященной исследованию городища Грохань, отмечает целый ряд фрагментов керамики с отпечатками ткани с дюнных стоянок конца II — начала I тысячелетия до н. э.⁹⁰ Я. Г. Гулямов во время работ на строительстве БФК обнаружил керамику с отпечатками ткани и отметил, что эту керамику А. И. Тереножкин датирует III—II вв. до н. э.⁹¹

⁸³ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы, рис. 26, с. 92; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 70, 83, табл. XXIV.

⁸⁴ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, с. 234, 235, 258.

⁸⁵ Х. Дуке. Успехи среднеазиатской археологии, с. 55.

⁸⁶ Л. И. Альбаум. Поселение Кучук-тепе..., с. 59, 60.

⁸⁷ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, № 21, М., 1951, с. 112, 120, 138; Он же. Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967, с. 325.

⁸⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. — Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1947, рис. 29, с. 143.

⁸⁹ Там же, с. 163.

⁹⁰ А. В. Збруева. Городище Грохань. — КСИМК, вып. XVI, М., 1947, с. 57.

⁹¹ Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. — Тр. ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, с. 92, 120.

Значительное количество сосудов III в. до н. э. — III—V вв. н. э., на внутренней поверхности которых зафиксированы отпечатки ткани, найдено в Киргизии на поселение Кара-Болта⁹². Отпечатки ткани встречаются на внутренней поверхности ряда сосудов из комплекса керамики с городища Эйлтан, датируемого VII—IV вв. до н. э.⁹³ Керамика с отпечатками ткани найдена также на поселении второй половины I тысячелетия до н. э. Дараут-курган⁹⁴.

Сосуды с отпечатками ткани известны и по раскопкам на поселении Каунчитепе в Янгиюльском районе Ташкентской области⁹⁵. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова особенно выделяют среди керамики, найденной на Актанском могильнике, датируемом V—III вв. до н. э., керамику, сделанную на матерчатом шаблоне⁹⁶. Этот прием был широко распространен в Семиречье и на Тянь-Шане во второй половине I тысячелетия до н. э.⁹⁷

В Согде круглодонная посуда на матерчатом шаблоне была обнаружена в культурном слое стадии Афрасиаб I, которая датируется VI—IV вв. до н. э.⁹⁸

Таким образом, керамика, сделанная на матерчатом шаблоне, была распространена на огромной территории и охватывает периоды эпохи развитой и поздней бронзы. Широкое распространение она получила в I тысячелетии до н. э., но встречается и в памятниках более поздних периодов. Поэтому керамика с отпечатками ткани на посуде не может служить основанием для абсолютной датировки и может быть использована для датировок лишь в сочетании со всем комплексом находок в том или ином памятнике материальной культуры.

Изложенные выше данные позволяют относить бургулюкскую культуру к IX—VII вв. до н. э., не снимая оговор-

⁹² А. К. Абетеков. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней. — КСИА, вып. 122, М., 1970, с. 69.

⁹³ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 167.

⁹⁴ Там же, с. 158.

⁹⁵ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, рис. 24, с. 18, 45.

⁹⁶ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Актанский могильник. — КСИИМК, вып. 69, М., 1957, рис. 32, с. 88.

⁹⁷ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., с. 63, 108.

⁹⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, с. 155, рис. 69, II.

ки относительно условности и предварительности подобной даты, ибо археологические исследования на поселениях бургулюкской культуры еще не завершены.

Ю. А. Заднепровский отмечает сходство глиняной посуды бургулюкского комплекса с эйлатанским и актамским комплексами⁹⁹. Однако такому сопоставлению противоречат следующие обстоятельства: во-первых, комплекс бронзовых изделий (серпы, бронзовые черешковые наконечники, ножи I и II типов, стрелы), который находит близкие аналогии в комплексах чувской культуры; во-вторых, то, что в эйлатанский период железные изделия, которые отсутствуют в бургулюкском комплексе, получают значительное распространение¹⁰⁰; в-третьих, в это время в Фергане появляется гончарный круг, и в комплексе Эйлатана тонкостенная гончарная керамика занимает значительное место¹⁰¹, а в бургулюкском комплексе керамика, сделанная на гончарном круге, вообще не встречается; в-четвертых, керамика Эйлатана по характеру покрытия поверхности, орнаментальным мотивам и по формам резко отличается от бургулюкской¹⁰².

Конечно, между эйлатанской и бургулюкской керамикой имеется и некоторое сходство: роспись на сосудах наносилась одной и той же цветовой гаммой, одинаковы наиболее консервативные формы таких сосудов, как круглодонные полусферические чаши или миски с загнутым внутрь краем¹⁰³. По существу, сходство этим и ограничивается, если не считать способ изготовления посуды на матерчатом шаблоне, который характерен и для бургулюкской, и для эйлатанской керамики. Таким образом, это сходство относительно и, видимо, вполне закономерно, ибо, как отмечал Ю. А. Заднепровский, культура эпохи железа сложилась на базе культуры местных земледельческих племен эпохи поздней бронзы¹⁰⁴. Поэтому неудивительно, что некоторые формы

⁹⁹ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 191.

¹⁰⁰ Там же, с. 165.

¹⁰¹ Там же, с. 110—112.

¹⁰² Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан. — СА, 1960, № 3, рис. 4, 2; 7, 1—3, с. 35, 38, 43.

¹⁰³ Там же, рис. 6, 3, 7; 7, 12.

¹⁰⁴ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., с. 174.

сосудов, распространенные в памятниках чувстской культуры, продолжали существовать в период раннего железа.

Сравнивая бургулюкскую керамику с усуньской, мы наблюдаем ту же картину. Хотя глиняная посуда усуней изготовлена ручной лепкой, без гончарного круга, многие ее ведущие формы значительно отличаются от бургулюкских, например, узкогорлые и широкогорлые кувшины с плоским и уплощенным дном, с ручкой или без ручек, с округлым или удлиненным туловом, кружка с небольшой округлой ручкой, неглубокие чаши, шаровидный сосуд с носиком¹⁰⁵ и т. д. Единственная, пожалуй, форма сосудов, которая имеет некоторое сходство с бургулюкской керамикой, это круглодонные полусферические миски с носиком-сливом¹⁰⁶. Отличается и внешнее оформление сосудов: почти все усуньские сосуды имеют лощеную поверхность.

Если обратиться к формам посуды из усуньских памятников, исследованных А. Н. Бернштамом на Тянь-Шане, то здесь наблюдается та же картина: ряд вытянутых кувшинообразных сосудов, некоторые с ручками, иногда плоскодонные, ничего общего не имеет с керамикой бургулюкского облика¹⁰⁷. Некоторое сходство наблюдается в основном лишь среди некоторых круглодонных мисок¹⁰⁸. Подобные миски встречаются и среди памятников каунчинской культуры.

Таким образом, сравнивая в целом весь комплекс находок бургулюкской культуры с материалами из чувстских, эйлатанских и шурабашатских поселений, мы видим, что бронзовые изделия (серпы, черешковые наконечники, стрелы, два типа ножей) и ряд форм керамики находят наиболее близкие параллели в инвентаре чувстской культуры, и, по-видимому, бургулюкская культура синхронна чувстской. Эйлатанский и шурабашатские периоды в истории Ферганы — это время широкого распространения железа.

Таким образом, керамические и бронзовые изделия независимо друг от друга дают для бургулюкской культуры в

¹⁰⁵ М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. — ВДИ, вып. 3(4), 1938, рис. 37, 38, 41, 42, 45.

¹⁰⁶ Там же, рис. 43.

¹⁰⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, М.—Л., 1952, рис. 23, 5, 7—10; 27, 1—3.

¹⁰⁸ Там же, рис. 27, 5.

основном одну и ту же датировку — начало I тысячелетия до н. э. (IX—VII вв. до н. э.).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУРГУЛЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из ведущих видов домашнего производства в это время было гончарное ремесло. Как отмечено выше, в Чаче гончарный круг не был известен, и вся глиняная посуда делалась вручную. Отличительной особенностью бургулюкской керамики, по сравнению с Чустом, является крайняя малочисленность разновидностей форм и более низкое качество. По-видимому, кроме изготовления глиняной посуды на матерчатом шаблоне, применялись и другие способы, например, ленточная техника. Некоторые сосуды украшались росписью. Не выяснен еще вопрос о том, выделилось ли гончарное дело в самостоятельное производство.

Вторым видом производства у древних жителей Бургулюка было бронзотейное ремесло. Следует подчеркнуть, что один из важнейших признаков, характеризующих бургулюкскую культуру в целом, заключается в том, что довольно грубую «арханческую» керамику сопровождает сравнительно развитая бронзовая индустрия. За 2 полевых сезона найдено около 20 бронзовых предметов: 3 наконечника стрел, кинжальчик, 7 серпов и их фрагменты, 4 ножа разных типов, 2 шила в фрагментах, одна ложечка-лопаточка и др. Кроме того, в культурном слое некоторых землянок найдены металлические (бронзовые) шлаки. Однако литейных форм пока не обнаружено.

Чем объяснить развитый характер бронзовой индустрии Бургулюка? Это, по-видимому, объясняется двумя причинами. Во-первых, в 50—52 км к юго-востоку от Туябугузского водохранилища в районе среднего течения р. Ахангарана расположены древние выработки Акташкан, получившие свое название по имени гряды Акташ. В основании гряды и на гребне обнаружен ряд древних выработок, в отвалах встречен халькопирит с богатым содержанием меди¹⁰⁹. Выработки открытого типа в восточной части участка, где бы-

¹⁰⁹ Ю. Ф. Буряков. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974, с. 62.

ли найдены каменные орудия рудокопов, Ю. Ф. Буряков относит к наиболее ранней группе и отмечает, что эти орудия характерны для первых этапов горнорудного промысла, а восточная группа разработок Акташкана—для завершающего этапа бронзового века. Извлечение металлов в Чаткало-Курминском районе археологически было зафиксировано со II тысячелетия до н. э. Металлургия развивалась на базе местных руд, чему способствовали многочисленные выходы медных руд и наличие аурихальцита, который, по мнению А. С. Уклонского, мог служить примесью к меди для получения бронзы¹¹⁰.

Таким образом, одной из причин появления развитого металлургического производства бургулюкских племен следует считать наличие местных выходов медных руд, которые извлекались уже в бронзовом веке.

Вторая причина заключалась в том, что тазабагъябско-андроновские скотоводческо-земледельческие племена, осевшие на землю и начавшие заниматься земледелием, располагали довольно богатым набором бронзовых орудий и оружия. То были вислообушные топоры с гребнем, широковислообушные топоры, кирки, кельты с выступающей втулкой, кельты-лопаты, желобчатые и клиновидные долота, тесла с уступом, копья с прорезями, многочисленные и разнообразные пластинчатые ножи, двулопастные втульчатые и черешковые наконечники стрел, бронзовые серпы и т. д.¹¹¹

Металл, вероятно, плавил в специальных землянках-мастерских в маленьких очагах-лунницах. В одной из таких лунниц Ю. Ф. Буряков обнаружил бронзовые шлаки. Таких землянок-мастерских до настоящего времени найдено 3. Две из них (землянка № 7 в объекте 3 и землянка № 4 в объекте № 5) находятся на правобережье Ахангарана и одна землянка (№ 3 в объекте № 1) — на левобережье.

Третьим видом домашнего производства, следы которого были обнаружены, было ткачество. О том, что оно имело широкое распространение, свидетельствует большое количество фрагментов глиняной посуды с отпечатками ткани на внутренней поверхности.

¹¹⁰ Там же, с. 64, 66, 98.

¹¹¹ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., с. 92—96, табл. 13; С. С. Черников. Восточный Казахстан..., с. 78—84, рис. 16, 17.

Четвертым видом производства было земледелие. Большое количество целых и обломков зернотерок ладьевидной формы как больших, так и малых размеров убедительно доказывает, что земледелие в хозяйстве бургулюкских племен уже имело большое значение.

Поскольку конкретные материалы о существовании в это время у племен бургулюкской культуры ирригации отсутствуют и древнейшие этапы истории ирригации Чача неизвестны, мы будем опираться на этапы земледельческих культур, которые выделил Б. А. Латынин для Ферганской области¹¹². Бургулюкские племена стояли на древнейшем этапе развития искусственного орошения, на периоде каирного (лиманного) орошения (первая ступень по Б. А. Латынину). Это был период освоения заболоченных речных пойм, вместе с которыми обрабатываются участки в низовьях, естественно орошаемых сезонными саями и разливами малых горных рек, затухавших на равнине. Эта древнейшая ступень развития ирригации соответствовала возможностям техники и организации общественного труда первобытно-общинного строя¹¹³. Предположение А. И. Тереножкина о том, что на этапах бургулюкской культуры завершался процесс сложения классового общества рабовладельческого типа¹¹⁴, не подтверждается имеющимися материалами. Действительно, о каком рабовладении может идти речь на первой ступени развития земледельческих культур?

Среди занятий населения значительное место занимало скотоводство, а охота и рыболовство играли второстепенную роль. На поселениях бургулюкской культуры собрано незначительное количество костей животных. Они еще не определены, но, как сообщает А. И. Тереножкин, кости домашних животных, преимущественно коров, овец и лошадей, встречаются в культурных наслоениях в сравнительно небольшом количестве¹¹⁵. Ю. Ф. Буряков и Г. Дадабаев отме-

¹¹² Б. А. Латынин. Вопросы ирригации древней Ферганы.— КСИИМК, вып. 64, М., 1956, с. 16—25; Он же. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. — СА, 1959, № 3, с. 24—25.

¹¹³ Б. А. Латынин. Вопросы ирригации..., с. 18.

¹¹⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, с. 155.

¹¹⁵ Там же, с. 153—155.

чают, что среди костей животных преобладают кости коров, лошадей, овец¹¹⁶.

Совокупность материалов, полученных за 2 года раскопок, свидетельствует о том, что бургулюкская культура стояла на более высоком уровне развития, чем культура пастушеско-земледельческих племен тазабагыябско-андроновского типа. В то же время она значительно уступает культуре оседлых древнеземледельческих племен юга Узбекистана и Туркмении и оседлоземледельческих племен долины Ферганы.

Решение вопроса о происхождении бургулюкской культуры в настоящее время сопряжено со значительными трудностями. Отсутствие предшествующих комплексов древних земледельцев в Чаче не позволяет проследить истоки бургулюкской культуры, поэтому вопрос о ее происхождении до окончания работ на бургулюкских поселениях остается открытым. Мы предполагаем, что бургулюкская культура возникла в результате постепенного перехода местных племен к земледелию при большом значении скотоводства и под сильным влиянием ферганских, сурхандарьинских и южно-туркменистанских оседлоземледельческих племен. Возможно, что в начале I тысячелетия до н. э. имели место передвижения каких-то этнических элементов из перечисленных районов и включение их в состав племен бургулюкской культуры. Для решения этого важного вопроса нужны дополнительные материалы, в первую очередь антропологические, но могильники этой культуры пока не найдены.

Таким образом, бургулюкский комплекс входит в круг памятников чустской культуры Ферганской долины, Кучуктепе и позднего Джаркутана, Миршаде, Бандихана I Сурхандарьинской области, Яз-депе I в Южной Туркмении, Чиракчинского поселения Кашкадарьинской области и Тиллятепе в Северном Афганистане, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа, т. е. к началу I тысячелетия до н. э.

Будущие археологические исследования на поселениях бургулюкской культуры дадут возможность собрать археологический материал, характеризующий быт и культуру древнейших оседлых земледельцев Чача, а также их тесные связи с древнеземледельческими и пастушеско-земледельческими племенами соседних и отдаленных территорий.

¹¹⁶ Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. Памятники античного времени..., с. 46.

КЕНДЫКТЕПЕ

Городище занимает стратегически выгодную территорию на правом берегу Ахангарана, между рекой и проходящим с северо-востока от нее Бургулюксаем. Вытянуто оно узкой полосой на 1000—1150 м с северо-запада на юго-восток (рис. 14) и занимает площадь около 25 га. Городище защищено с трех сторон естественными водными преградами, с четвертой — юго-восточной — цитаделью. Площадь его расчленена рвами, разделяющими цитадель и 2 городские территории (шахристан I и II)¹.

Территория городища сильно размыта, поверхность его заросла кустарником и колючей травой. Вода смыла верхние слои шахристанов, местами глазурованная керамика встречается вместе с ранней лепной, поэтому наиболее четкую стратиграфию дает не тронутая водами цитадель. Уже предварительные наблюдения со сбором подъемного материала позволили выяснить, что интенсивное освоение территории Кендыктепе началось с поры каунчинской культуры, хотя памятник функционировал и в последующие столетия вплоть до начала XIII в., а отдельные площади его обживались и в более позднее время, до начала XVIII в.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ И В ШАХРИСТАНАХ

На памятнике заложено 6 раскопов.

Раскоп № 1 вскрыл погребальные сооружения в западной

¹ Предварительную характеристику см.: Ю. Ф. Буряков, Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 177—183.

Рис. 14. Кендыктепе, вид с запада

части шахристана II вдоль берега Ахангарана. Характеристика раскопа дается ниже при описании погребений.

Раскоп № 2 заложен в южном секторе шахристана I. Здесь выявлена группа гончарных горнов, из них раскопаны 2 печи. Первая имеет цилиндрическую форму диаметром 1,7 м. Сохранилась подземная часть глубиной 1,6 м. Печь стояла на склоне холма. Топка — со стороны склона, но деление печи на топочную и рабочую камеры проблематично. Скорее всего, она была одноярусная, так как следов пода обнаружить не удалось. Вторая печь расположена в 2 м к юго-востоку, форма ее аналогична первой, диаметр 1,8 м.

Около печей среди обломков шлака и стенок печи встречена лепная керамика каунчинского типа, одноручные горшки с носиком, покрытые по плечикам черной краской «внаплеск» с потеками, что характерно для конца Каунчи I и Каунчи II².

Следы подобных же печей зафиксированы и на восточной окраине шахристана I, на склоне к Бургулюксаю. Печи не раскапывались, но собранный около них материал синхронен описанному. Среди находок следует отметить большое количество керамических пряслиц биконической формы, черной и красной глины. Форма и простая, в виде двух конусов, соединенных основаниями, и более сложной моделировки, с рельефным орнаментом в виде нарезных линий. С ними вместе найдена грубообожженная керамическая подставка-шашлычница со стилизованным изображением спаренных протом баранов. Головы даны в виде заостренных отростков, рога — в форме налипных валиков, шерсть показана насечками. Подставки-шашлычницы характерны для Чача с поры Каунчи I³.

Стратиграфический раскоп № 3 заложен в северо-восточной части цитадели. Раскоп занимает склон цитадели, поэтому при постоянной длине 10 м ширина его по мере углубления увеличивалась от 4 до 12 м. Верхние слои до V яруса (2,5 м) вскрыты в 1971 г. В. И. Спришевским. Подрыхлым слоем XV—XVI вв. мощностью до полуметра открыты 3 уровня жилых помещений, выросших на оплывах более

² Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971, с. 180.

³ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935 года). Ташкент, 1940, с. 26; Л. М. Левина. Керамика..., рис. 59, 38.

ранней крепостной стены. Сохранность комплексов плохая. Они представлены фрагментами комнат с пахсовыми стенами толщиной 0,3—0,45 м с уровнями утопанных полов, на которых найден бытовой материал, преимущественно керамический. Керамика с нижнего пола белофонная с монохромной и полихромной росписью. Два верхних пола комнат также с пахсовыми стенами, но на них обнаружена керамика иного типа. Это — посуда с желтой глазурью и коричневой росписью, зеленой и голубой глазурью с подглазурным процарапанным орнаментом.

В юго-западной части цитадели на этом уровне расчищено скопление хумов яйцевидной формы с четко выделенной цилиндрической горловиной и отогнутым наружу венчиком. Из отвала этого слоя получен клад караханидских монет конца XII века.

Ниже, в VI—VIII ярусах (2,5—4 м) расчищена монументальная пахсовая стена цитадели. Сохранившаяся толщина стены в верхней части 2,3 м, у основания — 2,7 м, но наружный край ее оплыл, а в верхней части подрезан, так что прежняя толщина была больше. Внутри крепостной стены расчищены завалы помещений, перекрывших зольники и слои зеленых органических отложений мусорных отвалов с фрагментами неглазурованной керамики, представленной преимущественно одноручными кувшинами, горшочками и кружечками, сформованными на гончарном круге медленного вращения и характерными для VI—VIII вв.

Эта стена стоит на более ранней, также пахсовой, сохранившейся на высоту 1,5 м. Уровень пола — в конце XI яруса. На полу обнаружено 3 сильно разбитых груболепных горшкообразных двуручных котла кауинчинского типа с петлеобразными ручками, стенки и валикообразные венчики хумов, аналогичные хумам из городища Кавардан⁴. Здесь же в зеленовато-желтых рыхлых слоях найдены стенки и венчики лепных краснощенных хумов с отпечатками грубой ткани. Форма венчиков валикообразная и подчетыреугольная, иногда с клювовидным заострением наружу. Самая распространенная форма — груболепные горшкообразные двуручные удлиненной формы котлы с петлеобразными ручками и подставки в форме стилизованных бычьих голов.

⁴ Ю. Ф. Буряков. Историческая топография..., с. 97.

С глубины 5,5 м расчищена двойная стена из пахсы с включением сырцового кирпича размером $50-52 \times 30 \times 10-12$ см. Стена сохранилась на высоту 1 м. На полу, на глубине 6,5 м, найдены 3 сильно разбитых лепных горшкообразных котла и масса фрагментов стенок лепных хумов, покрытых

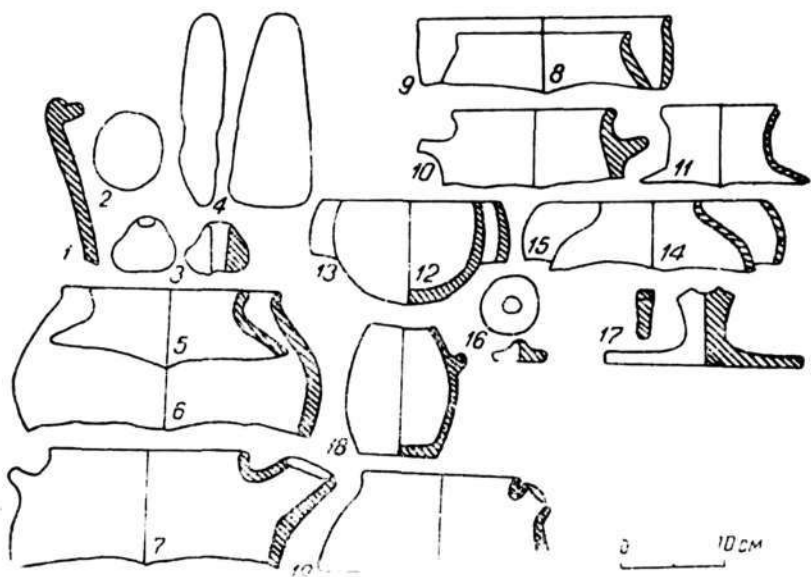

Рис. 15. Находки в цитадели

снаружи серо-зеленым ангобом. Нижележащие культурные слои изучались шурфом в восточной части цитадели. Здесь вскрыт слой мощностью 1,1 м с монументальными (толщиной до 3,5 м) стенами помещений крепостного типа, сложенными целиком из крупноформатного сырцового кирпича размером $48-50 \times 43-40 \times 10$ см, стоящими на небольшом (0,25 см) плотном сером слое нивелировочной подушки. Под ней идет сплошная кладка сырцового кирпича типа платформы, пробить которую не удалось из-за выхода грунтовых вод.

В слое помещения в шурфе также найдены обломки лепных хумов со следами матерчатой основы (рис. 15, 1), каучинских горшков и котлов (рис. 15, 10, 11, 18), плоских крышек (рис. 15, 17), каменный молот (рис. 15, 4).

Из подъемного материала, собранного на платформе, интересны найденные в восточной и южной частях фраг-

менты керамики бургулюкского типа — стенок круглодонной миски (рис. 15, 12, 13), фрагментов котлов с носиком-сливом и поперечной ручкой-налепом с противоположной стороны (рис. 15, 5—9, 15, 19), пряслиц (рис. 15, 2, 3).

Таким образом, раскопками в цитадели вскрыта интересная и сложная стратиграфия памятника, нижние слои которого, пока очень слабо выясненные, связаны с бургулюкской культурой. Для каунчинских наслоений толщиной около 4 м характерны монументальные строения из сырцового кирпича, сочетание кирпича и пахсы и пахсовые стены, стоящие на стилобате, мощность которого установить не удалось.

В каунчинскую пору выявляются 2 крупных архитектурно-строительных этапа, причем переход от одного к другому связан с радикальными перестройками планировочного порядка — от двухстенной крепости с коридором к монументальной стене. При общей целостности материальной культуры можно отметить некоторые различия в деталях, эволюцию форм керамики, изменения форм керамических подставок (появление на втором этапе подставки в форме бычьей головы).

Этапы перестройки отделяют каунчинские слои от слоя VI—VIII вв., архитектура которого также носит крепостной характер. Последующее же обживание связано с совершенно иным социальным элементом города. Жилые дома вырастают на руинах крепостных стен, что предполагает определенный хронологический период упадка последних после разрушения по меньшей мере до середины X в. Строения конца X — начала XIII вв. сохранились очень плохо, а последующий этап представлен целиком лишь в археологическом материале без архитектурно-строительных остатков.

Раскоп № 4 — небольших размеров (4×6 м), заложен в центральной части шахристана I на берегу Ахангарана в целях изучения городских оборонительных сооружений.

В верхней части раскопа вскрыты остатки двух жилых сооружений, разделенных стеной из мелкоформатного сырцового кирпича. Стены почти полностью смыты. Стандарт кирпича, вероятно, 40×20×8 см. Сохранился уровень полов с глазурованной керамикой. Сосуды белофонные с коричневой или полихромной росписью, характерной для саманидского времени.

Ниже в северной части раскопа расчищена часть комнаты с двумя хозяйственными ямами. Стены комнаты сложены из крупноформатного сырцового кирпича размером $50 \times 30 \times$

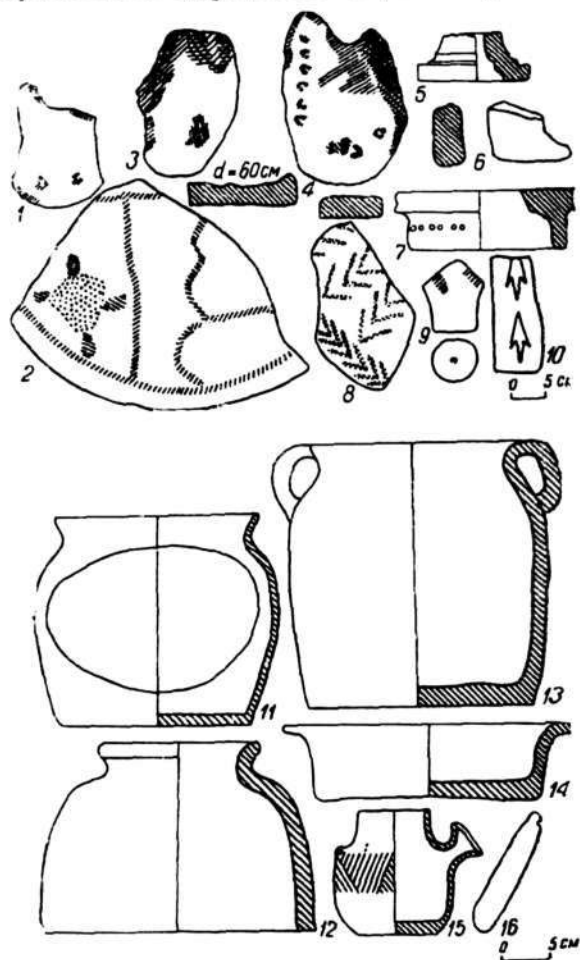

Рис. 16. Находки из Кендыктепе:

1—10—раскоп № 6, керамические и каменные изделия из комнаты № 2; 11—16—керамика из раскопа № 5

$\times 10-12$ см. Ямы заполнены зольно-мусорными отвалами, костями животных и груболепной керамикой, среди которой преобладают сильно закопченные снаружи горшкообразные двуручные котлы с петлевидной ручкой, характерные для

конца Каунчи I и Каунчи II. С юга к помещению примыкают 2 квадратных ($1,6 \times 1,6$ м) сооружения, вырытых частично в материковом лессе. Наземная их часть сложена из крупных ($110 \times 80 \times 60$ см) пахсовых блоков. Сооружение напоминает оборонительный бастион, стоявший на обрывистом берегу реки. Материал из ям комнаты, примыкающей к нему, позволяет датировать комплекс каунчинским временем.

Раскоп № 5 расположен в северо-восточной части шахристана I на левом берегу Бургулюкская. Культурный слой здесь достигает мощности 3,5 м. Раскоп носит стратиграфический характер. Площадь его 100 м² (10×10 м).

В раскопе расчищены 2 архитектурно-строительных периода жилого и производственного комплексов. Ранний представлен частично вскрытым двориком и примыкавшим к нему с востока двумя помещениями. Стены пахсовые. Толщина несущей стены 1,1 м, стены, разделяющей комнаты, — 60 см. В помещении, примыкающем к дворiku, на полу и под ним найдены фрагменты груболепных горшкообразных котлов с вертикальными ручками, плоских крышек с налепными ручками, покрытыми рельефным зубчатым орнаментом (рис. 16, 8), каменное ложило подквадратной формы и точило с отверстием для подвязывания на шнурке. Интересна находка фрагментов сильно ошлакованных стенок металлургической печи и обломков криц черного железа.

Аналогичен набор керамики в комнате № 2. Помимо сосудов, в ней найдены керамические столики (рис. 16, 2, 7), подставки в форме бычьей головы (рис. 16, 1, 4) и также куски черного железа, каменное ложило и точило (рис. 16, 3).

На втором этапе перестраивается стена, разделяющая помещение, что позволило увеличить размеры комнаты № 1.

В комнатах 2 уровня полов, разделенных рыхлыми зеленовато-желтыми слоями органических отложений с костями животных, бытовыми и производственными материалами, оставшимися на различных уровнях наслоений и накопленных в процессе функционирования комплекса. В обеих комнатах найдено по одному каменному сработанному с обеих сторон подпятнику дверей, несколько каменных ложило подквадратной формы, залощенных со всех сторон.

В комнате № 1 найден фрагмент очень сильно сработанного с обеих сторон жернова. В слоях помещений — масса

груболепных горшков-котлов каунчинского типа, лепные корчаги, на стенках которых процарапаны стреловидные тамги (рис. 16, 11). Интересна ножка керамической курильницы (рис. 16, 5) и терракотовая поделка в виде ступни человека (рис. 16, 6).

И вновь в обеих комнатах — обломки неочищенного металла, а в комнате № 1 — остатки поломанной печи с сильно ошлакованными стенками. Функционировавший на двух этапах дворик заполнен желто-зелеными отложениями, перекрывающимися мощными зольниками. Часть дворика занимает большая зольно-мусорная яма, в которой найдена масса костей, керамика и встречены железные крицы. Слои ямы также уходят на глубину 3,5 м, но функционировала она только на втором этапе жизни комплекса.

Наиболее многочисленный материал из ямы — стенки и ручки горшкообразных лепных котлов и подставки в форме головы быка. Горшкообразные котлы встречаются в слоях и Каунчи I, и Каунчи II⁵, но подставки в виде бычьих голов известны лишь со времени Каунчи II⁶.

В целом комплекс можно отнести к II—IV или II—V вв. н. э. Появление его обусловлено развитием на городище ремесленного производства, связанного с металлургией. В мастерских проводились, вероятно, разогрев, проковка и вторичная обработка металла, о чем говорит и конструкция печей, и наличие ладошкообразных железных криц, и небольшие отходы шлака.

Интересен факт наличия на всех полах каменных точильных камней. Вероятно, здесь располагалась мастерская кузнеца.

Раскоп № 6. В западной части шахристана II прослежены 2 линии сплошной застройки с углублением-улицей между ними. Одна сторона хозяйства обращена в сторону Ахангарана, другая — к Бургулюку. Здесь и был заложен раскоп площадью 672 м² (24×28 м), который позволил вскрыть несколько хозяйств по обеим сторонам улицы и проследить стратиграфию самой улицы⁷.

Хозяйство № 1, раскопанное в юго-западной части раскопа, включает 3 комнаты с пахсовыми стенами (рис. 17).

⁵ Л. М. Левина. Керамика..., с. 180.

⁶ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., с. 27.

⁷ План см.: Ю. Ф. Буряков. Историческая топография..., с. 181, рис. 61.

Комната № 1 — узкое длинное помещение размером $6,1 \times 3,1$ м с пахсовыми стенами толщиной 0,9 м и суфами вдоль длинных сторон. Вход в помещение с юга, со стороны внутреннего двора. Помещение — хозяйственного типа. Расчислить его оказалось трудно, так как пол был сплошь завален разбитой посудой. Завал сосудов перекрыт упавшей кровлей с горелыми балками, а затем стеной.

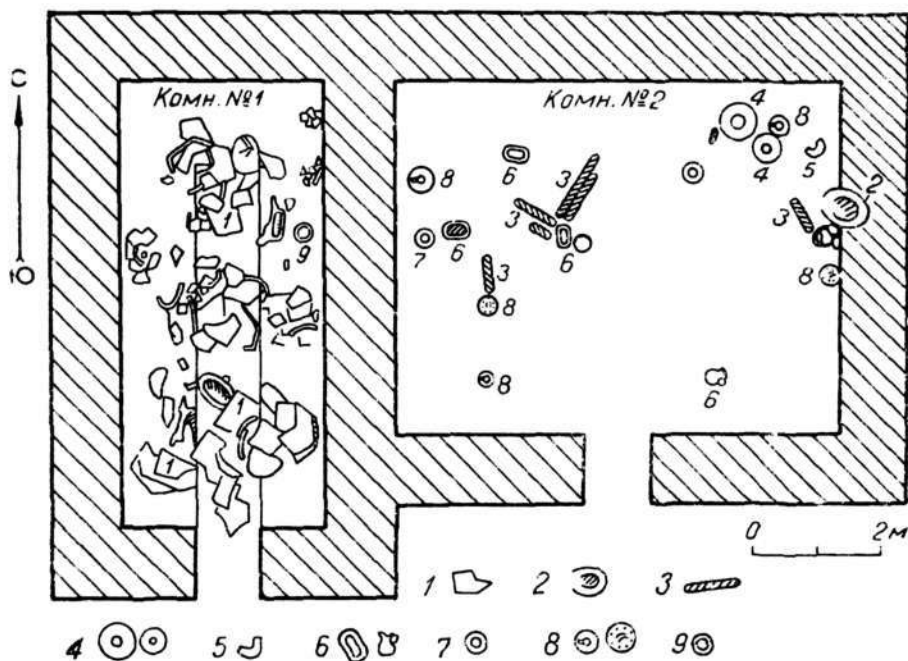

Рис. 17. Раскоп № 6. Расположение находок в комнатах № 1 и 2.
Условные обозначения:

1—обломки сосудов; 2—очаг; 3—сгоревшие балки; 4—жернова; 5—керамические подставки; 6—каунчинские котлы; 7—жаровня; 8—крышки; 9—кувшины

Набор находок из помещения № 1 очень интересен. В помещении было 5 крупных яйцевидных хумов слегка вытянутых пропорций с широким плоским дном и выделенным легкой горловиной венчиком. Венчик — с загибом наружу, валикообразный, с чуть клювовидным или подквадратным профилем, иногда с желобком по середине наружного фаса березка. На донной части и местами на внутренних стенках

сохранились четкие отпечатки грубой матерчатой ткани. Снаружи сосуд покрыт серым ангобом и потеками черно-коричневой краски. И форма, и техника изготовления сосудов совершенно аналогичны находкам из нижнего слоя городища Кавардан, откуда извлечен совершенно целый хум с тамгой на плечике⁸, а также изделиям из синхронных слоев средней Сырдарьи⁹ и характерны для поры Каунчи I и особенно Каунчи II¹⁰.

Под хумами в комнате найдены 3 двуручных груболепных закопченных снаружи горшковидных котла. Сосуды — грушевидной формы, глина — с примесью шамота, ручки — овальной в сечении формы и опускаются от отворота закраины на плечико. Сосуды этого типа наиболее распространены в памятниках каунчинской культуры поры Каунчи I—II¹¹.

Интересен лепной же, но более тщательно моделированный одноручный горшок с носиком на противоположной от ручки стороне. Носик трубчатый, цилиндрический, подлеплен под венчиком. Горловина и нижняя часть тулова сплошь покрыты черной краской, а светлая полоса между ними по плечикам разрисована поясом косых линий, образующих ряд заштрихованных треугольников. Рядом с этим сосудом стоял также одноручный более стройный лепной тонкостенный кувшин, орнаментированный по тулову процарапанными поясами волн, точек, незамкнутых треугольников.

В северной части комнаты найдены медные монеты диаметром 15—17 мм, к сожалению, не читаемые. По типу они близки к ранним монетам Чача.

В помещении найдены и 3 биконических керамических пряслица из красной и черной задымленной глины.

Помещение № 2 находится к востоку от описанного. Это — комната громадных размеров (6,1×6,8 м), вытянутая на восток вдоль улицы. Стены комнаты сильно размыты, но вход, вероятно, был с юга, где по микрорельефу выявляется дворик хозяйства. Комната, вероятно, была жилого и отчасти производственного назначения. Она также пострадала от пожара. На полу в центре комнаты расчищена горелая балка диаметром 15 см, особенно интенсивны следы пожара в

⁸ Там же, с. 97.

⁹ Л. М. Левина. Керамика..., с. 119—121, рис. 35—37.

¹⁰ Там же, с. 101, рис. 28. 1—2.

¹¹ Там же, с. 103, рис. 30, 1, 3, 12, 18—21, 24, 25.

северной половине — большое обгорелое бревно диаметром 25—28 см и рядом небольшие балочки. Стены, однако, не упали, и большинство предметов обстановки осталось лежать к моменту пожара на своих местах.

В восточной стене, в 1,85 м от ее северного угла, раскрыт пристенный очаг типа камина, выступающий внутрь комнаты. Очаг яйцевидной формы, тонким концом уходит в стену. Длина очага 65 см, ширина по толстому краю 45 см, по тонкому — 25 см. К северу от него в углу лежала мельница из двух жерновов (диаметр дисков 32 см). Нижний диск — без сквозного отверстия, лишь с легким углублением, верхний — с отверстием диаметром 5 см в центре и небольшим углублением сверху для ручки. Рядом с очагом к стене был прислонен третий интенсивно сработанный диск жернова диаметром 33 см с десятью желобами для равномерной подачи зерна на размол.

Между мельницей и очагом лежала половинка керамической поделки в виде двурогой стилизованной головы быка, слепленной из глины с обильной примесью шамота. Вторая ее половина найдена в очаге. Поделки этого типа относятся к разряду подставок под кухонные сосуды и вертела и распространены в Ташкентском оазисе с поры Каунчи II¹².

Около жернова, стоявшего у стены, расчищен опрокинутый набор одноручный, тщательно сформованный, лепной кувшин. Глина красная, покрыта снаружи светлым ангобом. Форма сосуда яйцевидная, с цилиндрической горловиной и утолщенным венчиком. По плечу и под ручкой процарапан волнистый рельефный орнамент. Подобные сосуды были распространены в средней Сырдарье в пору Джетыясар II¹³, в Ташкентском оазисе они встречены на раскопе 7 городища Канка в слое III—IV вв. н. э.¹⁴

Рядом с кувшином лежала крышка плоской лепешковидной формы с поперечной ручкой с проймой. Крышка груболепная, с рельефными пальцевыми вдавлениями. Орнамент в виде радиальных вдавлений характерен для городищ Ташкентского оазиса поры Каунчи II¹⁵.

¹² Там же, с. 105, рис. 30, 70—71, с. 183.

¹³ Там же, рис. 15, 222.

¹⁴ К. Абдуллаев. Археологическое изучение городища Канка (1969—1972). — ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1975, с. 146, рис. 7, 83, 84.

¹⁵ Л. М. Левина. Керамика..., с. 182.

В юго-восточном углу комнаты № 2 найден разбитый груболепной горшковидный двуручный котел кауначинского типа, аналогичный найденному в комнате № 1. Второй такой же, но более приземистых пропорций, сильно закопченный плоскодонный котел был до венчика вкопан в пол в центре комнаты (рис. 16, 13). Рядом с ним стояла толсто-стенная миска с широким донцем, подцилиндрическими стенками и отогнутой наружу закраиной (рис. 16, 14). В 1,5 м к северу от них обнаружен еще один целый горшкообразный двуручный котел округло-приземистой формы.

В центре комнаты расчищено 2 углубления. Одна ямка диаметром 30 см предназначалась, вероятно, для колонны перекрытия, вторая, расположенная севернее ее, диаметром до 50 см, с сильно обгорелым дном, вероятно, являлась сандалом.

В северо-западном углу под сгоревшими балками обнаружены еще один котел, аналогичный по форме найденному в центре комнаты, но без ручек (рис. 16, 11), и невысокий одноручный горшок с цилиндрическим носиком, завершающимся смятым сливом. По средней части кувшина под ручкой черной краской нанесен орнамент в виде косых линий и заштрихованных треугольников (рис. 16, 15). Рядом с ними на полу на кучке древесного угля стояла интересная керамическая поделка в форме сосуда без дна (рис. 16, 12), изготовленная из глины с примесью отошителя. Стенки — округлой формы, венчик оформлен валиком, как у котла, но ниже середины тулова сосуд обрезан. Изнутри сосуд закопчен. Вероятно, это была комнатная жаровня для обогрева помещения.

В этой же группе находок лежало крупное каменное точило в виде удлиненной гальки с отверстием для подвешивания. Точило использовалось долго, поэтому оно сильно сработано, ручка слегка обломана (рис. 16, 6).

Таким образом, комната № 2 в отличие от первой была жилой и, возможно, отчасти совмещала производственные функции.

Размеры комнаты велики, но перекрыта она была плоской кровлей. Об этом говорят и детали сгоревших балок небольшого диаметра (одна более крупная), и углубление в центре, являвшееся основанием деревянной колонны, поддерживавшей центральную балку перекрытия комнаты.

В комнате обнаружено несколько скоплений бытовых и производственных предметов, позволяющих определить назначение секторов комнаты. Северо-восточный сектор имел кухонно-хозяйственное назначение. В центре комнаты у главного столба, поддерживавшего перекрытие, стоял сандал (углубление с углями), обычно перекрывавшийся столиком-дастарханом. Это — своеобразная столовая, и не случайно рядом стояли котел и крупная миска. Третий композиционный узел комнаты — в северо-западном секторе, где имелся свой пункт обогрева — переносная жаровня, котел, горшки и каменное точило.

Комната № 3, примыкавшая ко второй с востока, была значительно меньших размеров, шириной 2,65 м. В северо-восточном углу ее — суфа шириной 1,1 м, вытянутая на 1,8 м. Около западной стены стоял шаровидный котел, раздавленный завалом глины. Назначение комнаты определить трудно, так как находок в ней почти нет.

Все комнаты комплекса построены впритык друг к другу, северная стена, выходящая на улицу, ровная, но южная стена второй и третьей комнат выложена с уступом. Вероятно, это объясняется особенностями планировки внутреннего двора.

Вплотную к этому комплексу с востока примыкало второе хозяйство, вскрытое частично. Расчищена всего лишь одна комната. Стены не связаны с предыдущими, а выложены впритык к первому хозяйству. К югу от них отмечены следы плохо сохранившегося глинобитного забора. Находок в комнате нет, за исключением керамических грузил для ткацкого станка.

Фасадной (северной) стороной помещение выходит на улицу, проходящую с запада на восток с изгибом на восточном отрезке раскопа. Улица неровная, с 20-градусным наклоном к югу, ширина ее различна, максимальная — 6 м. Сверху она заполнена черными илистыми отложениями водохранилища, а с глубины 40 см — плотные серые чешуйчатые слои.

Вдоль северного края улицы расчищено несколько хозяйств со сплошной застройкой. Раскрыто 8 комнат довольно плохой сохранности. Самая крайняя с северо-запада комната № 5 представляет собой крупное прямоугольное

помещение, вытянутое с востока на запад на 7,3 м при ширине 3,6 м. Толщина пахсовых стен до 1 м.

К северной стене пристроена широкая суфа, недалеко от которой расчищен очаг диаметром 60 см и глубиной 10 см. Около очага найдены обломки металлического шлака и сильно ошлакованные стенки печи. На полу обнаружено каменное точило. На суфе выявлены горелые пятна. Вероятно, в комнате проводилась обработка металлических полуфабрикатов.

В юго-западном углу помещения расчищен замурованный вход в небольшую комнату № 6, не имевшую со стороны улицы монументальной стены. В северо-западном углу комнаты № 6 стоял хум, рядом с ним лежало каменное точило. Других находок нет.

К востоку от пятой комнаты раскопана также вытянутая вдоль улицы небольшая комната, стены которой не столь массивны как у предыдущих (0,7—0,8 м). Рядом с ней — помещение № 8, вытянутое с юга на север. В кладке его стен пахса сочетается с сырцовым кирпичом размером 50×30×12 см. У южной стены комнаты найдены обломки стенок хумов и скульптурный терракотовый фрагмент ноги человека от колена до стопы со схематично намеченными пальцами.

Таким образом, вдоль улицы раскрыты частично 4 городских хозяйства. Несмотря на то, что улица находилась на окраине городища, застройка здесь была довольно плотной. По микрорельефу сплошная застройка прослежена на 200 м, причем стены помещений и из пахсы, и из крупноформатного сырцового кирпича. Планировка носит развитой городской характер. Наиболее интересно первое хозяйство, объединяющее комнаты № 1—3 и позволяющее говорить о специализированном назначении определенных помещений. В этих же комнатах получен и наиболее полный материал для датировки. Судя по материалу, хозяйства данной улицы должны быть отнесены к поре конца Каунчи I—начала Каунчи II. Некоторые хозяйства были связаны с ремесленным производством: в хозяйстве № 2 выявлены следы ткачества, в хозяйстве № 3 производилась обработка металлов. Ремесленный профиль других хозяйств (№ 1, 4) определить трудно.

Интересна планировка третьего хозяйства. Дом с комнатами различных размеров выходит на улицу небольшой комнаткой, не сохранившей внешней стены. Для средневековой поры отмечаются ремесленные городские хозяйства, выходившие на улицу лавочкой-дуكانом, в которой проходила продажа изготовленной здесь же продукции. Наружная стена дукана изготавливалась почти целиком из деревянных досок, снимавшихся утром, когда лавочка открывалась для продажи товаров. Наиболее полное описание таких лавок имеется для поры развитого феодализма¹⁶, но В. И. Распопова открыла их и в раннефеодальном Пенджикенте вдоль улицы, ведущей к базару¹⁷. Видимо, и в Кендыктепе найдено аналогичное хозяйство ремесленника, продававшего товар на дому. Тогда становится ясна планировка комнат.

В размытых помещениях различных хозяйств вдоль улицы шахристана 2 собран многочисленный керамический материал. Преобладают сосуды, вылепленные от руки. Хумы — яйцевидной формы, на широком устойчивом днище, со следами матерчатой основы. Устья их по диаметру обычно равны донцу, горловина почти не выделена, венчик поставлен прямо или слегка отогнут наружу с валикообразным углублением, завершающимся клювовидно (рис. 18, 1). На плечике — тамгообразный знак в виде полукруглого отростка вправо, вырастающего из плоского основания.

Вторая крупная форма — глубокие сосуды открытой формы (рис. 18, 2, 3, 4, 8, 15) со стенками, поднимающимися вертикально или с легким расширением наружу. Диаметр устья 45—60 см, венчик либо слегка утолщен, либо просто обрезан сверху. Вертикальные ручки подлеплены к верхней трети тулова, в одном случае они поднимаются над сосудом. Некоторые сосуды также имеют тамгообразные знаки.

Интересна группа крупных горшков, представляющих вариант перехода от хумов к тагоре (рис. 18, 7). Вертикальные ручки горшков завершаются отростками. Из более мелких форм можно отметить широкогорлые горшочки с округлым туловом и утолщенным рельефно моделированным венчиком (рис. 18, 6), мисочки, в том числе с гофрированной

¹⁶ Р. Г. Мукминова. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976, с. 178—179.

¹⁷ В. И. Распопова. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. — СА, 1974, № 2, с. 145.

закраинной и иногда штампованным орнаментом внутри. Оригинальна ручка горшочка в виде рельефного жгутовидного налепа (рис. 18, 9). В большом количестве встречены разнообразные крышечки. Наряду с распространенными плоскими крышечками с отростком-ручкой в центре (рис. 18, 11,

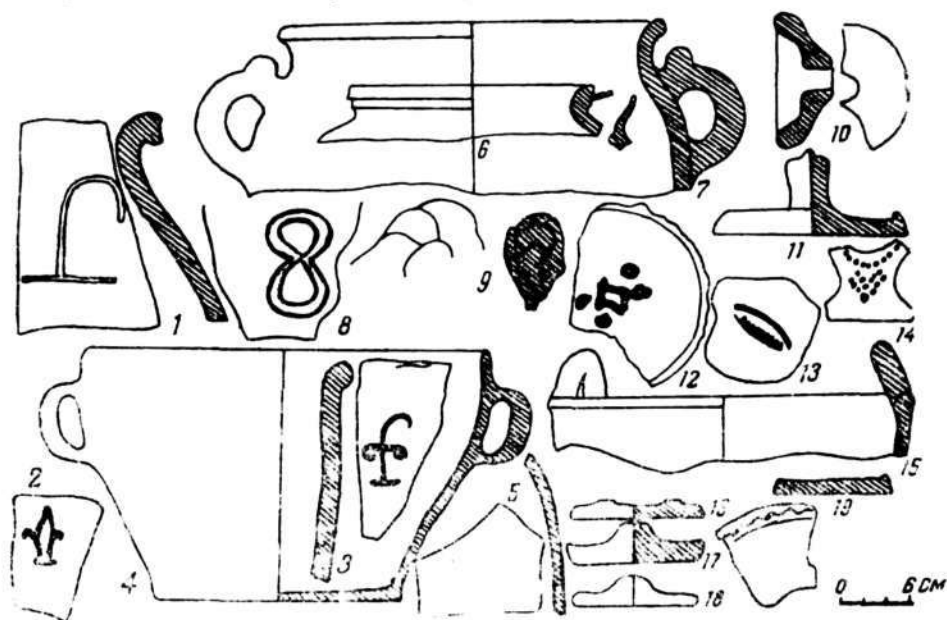

Рис. 18. Керамика III—VIII вв.

14, 19) встречены небольшие крышечки с легким утолщением в центре (рис. 18, 16—18). Верхняя часть крышечек, а иногда и ручки, украшалась рельефным волнистым точечным орнаментом или насечками в форме ресничек.

Из отдельных находок следует описать флягу-мустахара с процарапанным орнаментом в виде разделенного на части прямоугольника и волнистой линии под ним (рис. 19, 1). Возможно, этот орнамент схематично изображает дом и змею. Оригинально выполнены керамические ритоны в форме небольших горшочков с острым донцем в виде лейки с отверстием диаметром 1 см (рис. 19, 2). Один ритон с вертикальной ручкой украшен снаружи тремя поясами черно-коричневой окраски. Верхний и нижний пояса — сплошное покрытие, а посередине — ряд заштрихованных треугольни-

ков. Этот рисунок аналогичен украшению сосудов с носиком из комнаты № 2 раскопа № 6.

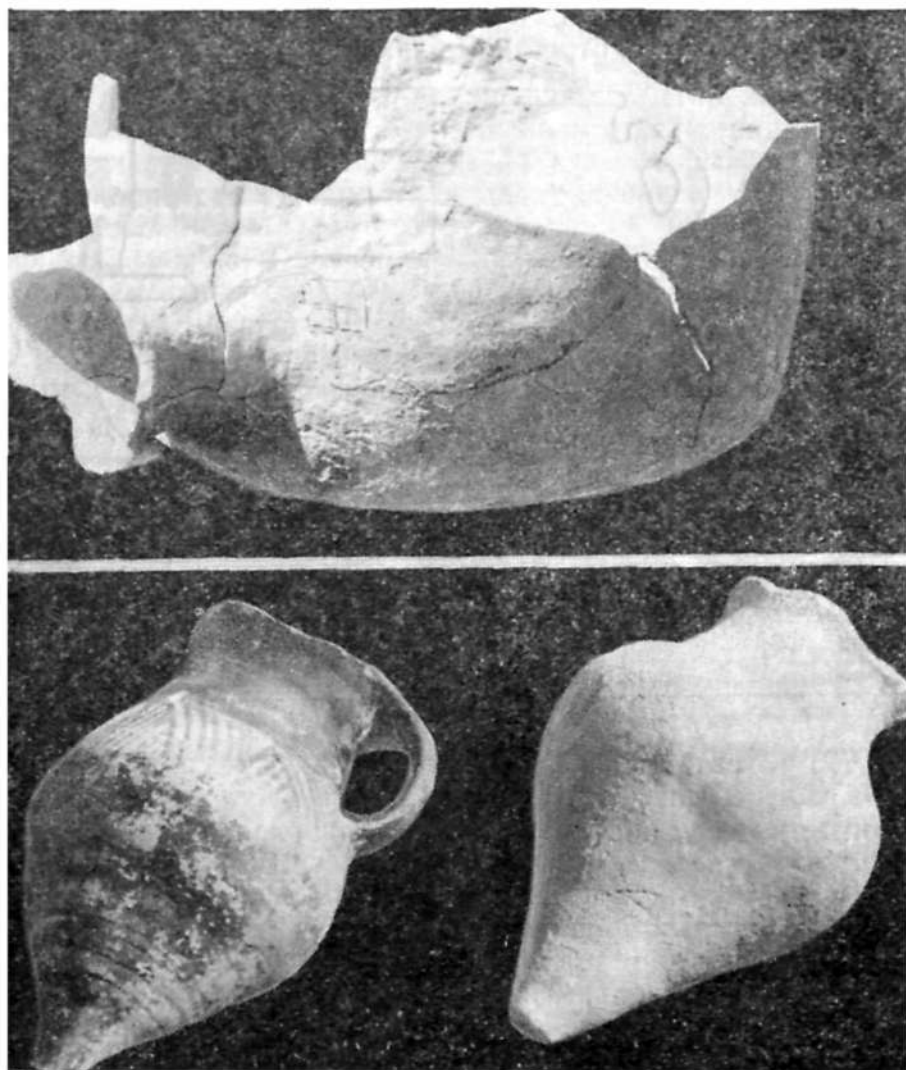

Рис. 19. Мустахара и «ритоны»

В целом собранный из размытых помещений комплекс может быть датирован концом III — началом VI вв. н. э. и

является свидетельством густого обживания шахристана в пору раннего феодализма.

Важным фактом является выявление округа города, обживавшейся с каунчинского времени до начала XIII в. В первые века н. э. освоение ее было локальным и носило чисто сельский характер.

В ходе раскопок была изучена отдельная сельская усадьба или, скорее всего, отдельно стоящий однокомнатный дом на правом берегу Ахангарана, на месте бургулюкского поселения Туябугуз 4. Дом отделен от города некрополем. Стены его сложены из крупноформатного сырцового кирпича размером $48-50 \times 24-26 \times 10-12$ см. Размеры комнаты — $7,26 \times 2,7$ м, стены заовалены. Комната ориентирована узкой стороной к реке. Внутри расчищено 3 уровня полов без следов промазки, различающиеся лишь уплотненными натоптанными прослойками. На верхнем полу собрано несколько обломков лепной посуды и целая подставка в виде стилизованной головы быка, трехперый черешковый железный наконечник стрелы. На нижних полах найдена аналогичная керамика, а на первом снизу — полураздавленный хум небольших размеров с валикообразным отогнутым наружу венчиком, завершающимся клювовидным отростком. В центре комнаты — фрагменты крупной лепной жаровни, в северо-восточном углу — пристенная печь прямоугольной формы.

В средневековую эпоху сельская округа расширилась. Она начиналась на месте раннего некрополя и тянулась на юг вверх по реке не менее чем на 1,5 км. Застройка округи этого периода редкая, усадебного типа.

В 1975 г. в районе поселения Туябугуз 4 была расчищена небольшая средневековая усадьба сельского типа, представленная однокомнатным домом с двориком.

Помещение вытянуто с востока на запад, толщина пахсовых стен 0,8 м. Форма комнаты неправильная — длина южной стены 5,2 м, северной — 5,3 м, восточной — 4,6 м, западной — 3,6 м. Северная стена сложена косо. Вход в помещение — с запада, со стороны реки. Пол был усыпан фрагментами поливной и неглазурованной керамики. Собрано более 200 фрагментов, принадлежавших почти 30 сосудам. Некоторые фрагменты извлечены из уплотненного слоя пола. Кроме того, на полу найдены 4 фрагмента пиал и 3 — чаш, крышка котла, а у южной стены — каменная ступка.

Во дворе, в 17 м севернее помещения, расчищена печь-тандыр, хозяйственный очаг, фрагменты сероглиняного котла полусферической формы с утолщенным венчиком и ручками-надепами по плечу.

Таким образом, формирование на территории Кендыктепе пункта городского типа с укреплениями в цитадели и городе и застройкой городского типа с обилием ремесленных мастерских различного профиля связывается с порой позднего Каунчи I и особенно Каунчи II. Мощностные культурные наложения этого времени различны, в цитадели она достигает 4,5 м, в шахристане I — до 3,5 м, в шахристане II — 2 м. Материалы этого времени встречены и на периферии, где, кроме курганных могильников, раскрыты жилые дома редкой сельской застройки. Расцвет жизни города связывается с этапом Каунчи II.

Слои следующего времени встречаются не на всей территории города. Особенно интенсивны они в цитадели и на территории шахристана I, но есть и на холмах округа. Здесь, к югу от города, выявляются целые поселения раннефеодального времени.

Слои IX—XII вв. сохранили мало архитектурных остатков, однако это объясняется не столько слабым обживанием территории, сколько менее монументальным характером городской архитектуры этого времени, следствием чего явился интенсивный смыл их водами водохранилища. Однако на всех площадях города и на территории округа сохранился довольно значительный археологический материал, особенно X—XII вв. Находки монет поры и раннего, и развитого феодализма свидетельствуют о торгово-ремесленном назначении пункта. Особенно интересно наличие довольно значительного слоя XI—XII вв. и монетных находок, включая клад бенакетского чекана конца XII века.

Более поздний материал очень редок. Слой этого времени сохранился лишь в верхних слоях цитадели, не потревоженных водохранилищем. Кроме того, имеются отдельные находки керамики XV—XVI вв. на территории шахристана I и округа южнее Кендыктепе. На второй городской территории материалы этого времени не найдены. Однако в шахристане I и на поселениях выше по течению Ахангарана найдены бусинки, медный браслет и несколько монет XV—XVII столетий.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Помимо изучения жилых домов на городище произведены раскопки погребальных сооружений, позволяющих в какой-то мере определить антропологический состав и культовые воззрения древних жителей Кендыктепе и его округи.

Как отмечалось выше, погребальные сооружения исследовались и на территории городища, и за его пределами. В связи с тем, что в предшествующий период могильник Туябугуза изучался Т. Р. Агзамходжаевым, вскрывшим 72 погребения, мы не останавливаемся на описании погребального обряда. Но так как погребальные сооружения постепенно размываются водохранилищем, необходимо привести хотя бы краткую характеристику захоронений с указанием их местоположения¹⁸.

Погребальные сооружения открыты на территории шахристана II Кендыктепе, к юго-востоку от него вдоль Бургулюкская и выше цитадели на берегу Ахангарана. Наземная часть их не сохранилась, но и по описаниям Т. Р. Агзамходжаева, и по аналогиям с курганами, выявленными нами по обоим берегам Бургулюкская выше водохранилища, все погребальные курганы имели лессовую насыпь диаметром 12—20 м и высоту от 1,5 до 2,5 м. Всего вскрыто 22 погребения различных типов. Два погребения раскопаны на территории городища.

Погребение № 1 расположено на берегу Ахангарана, к юго-западу от раскопа № 6. Погребение катакомбное. Плохо сохранившийся вследствие размыва дромос выходит на юг, к берегу реки. Катакомба размером 2×1,2 м выкопана поперек входа. Погребение групповое, но ограблено, костяки в раздробленном состоянии. Судя по остаткам, здесь похоронено не менее трех человек. Сохранился лишь 1 череп и разрозненные мелкие бусинки круглой формы из черной стеклянной пасты. Слева от черепа стоял лепной одноручный кувшин каунчинского типа. Череп плохой сохранности, детский, долихоцефальный, средиземноморского типа.

Погребение № 2 (рис. 20) также расположено на берегу реки в 5 м южнее первого. Дромос со стороны реки ориентирован на 30° к северо-северо-востоку. Длина его 1,05 м при

¹⁸ Раскопки погребальных сооружений проведены К. Алимовым, антропологические определения — В. Я. Зезенковой.

ширине 0,8 м. подходит он перпендикулярно длинной оси катакомбы, но слегка асимметричен, сбит к северу. Пол катакомбы на 12—15 см выше уровня дромоса. Катакомба под четырехугольной формы (2×1,2 м) и ориентирована на юго-восток. Погребение групповое, но ограблено. Сохранились сильно потревоженные костяки, 3 черепа, из них 2 — совершенно разрушенные, и 3 челюсти. Однако обряд захоронения

Рис. 20. Погребение № 2

проследить удалось. В могиле похоронено 3 человека, 2 из них — взрослых, уложенных на спине головой на восток и юго-восток, вверх по течению реки. В головах между ними — лепной одноручный кувшин. Третье погребение — детское, уложено поперек, череп — на тазовых костях лицом вверх. Изучение черепа показало, что принадлежит он долихоцефалу средиземноморского типа. Около головы найдены несколько округлых мелких бусинок из черной непрозрачной стеклянной пасты, инкрустированных белыми глазками.

Следующая группа погребений располагается на правом берегу Бургулюкская напротив шахристана II, к северу от раскопа № 6.

Погребение № 3 — самое северное из вскрытых. Дромос выявляется со стороны реки и ориентирован на северо-северо-восток. Длина дромоса 4 м, ширина у входа 0,50 м, но через 0,5 м двумя уступами он расширяется до 0,7 м и подходит к катакомбе с небольшим понижением. Катакомба расположена к дромосу под углом в 150°. Длина ямы 2,3 м, ширина 1,1 м, сохранившаяся высота 0,9 м. Захоронение одиночное. Погребенный возмужалого возраста лежал на спине головой к юго-востоку, ноги слегка смещены по сравнению с осью симметрии тулова. Череп плохой сохранности, долихоцефальный. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение № 4 расположено в 2 м к юго-востоку от погребения № 3. Длина дромоса 2,1 м, ширина 0,55 м. Катакомба в отличие от остальных — на продолжении дромоса. Длина ее 1,1 м, ширина 0,55 м, высота от свода 0,5 м. Захоронение одиночное, детское. Сохранность плохая. Погребенный лежал, вероятно, на спине.

Погребение № 5 — в 6,7 м к юго-востоку от четвертого. Дромос — со стороны реки и ориентирован на северо-восток, ширина у входа 0,5 м, у катакомбы — 0,6 м, максимальная высота 0,95 м. Дно могильной ямы ниже дромоса на 10 см, ступень заовалена. Катакомба расположена перпендикулярно дромосу. Длина ямы 2 м, ширина 1,15 м, сохранившаяся высота 1,3 м. Погребение одиночное, на спине, головой на юго-восток. Длина костяка 1,58 м, руки вытянуты вдоль туловища. Череп плохой сохранности, долихоцефальный. Инвентарь отсутствует. В 3,4 м к юго-востоку от погребения раскрыт еще один дромос длиной 3 м. Ширина его в начале 35 см, в конце 0,6 м, максимальная высота 1,05 м, однако катакомба не вырыта и дромос упирается в лесс. Вероятно, этот дромос — заготовка могилы.

Погребение № 6 обнаружено в 2,6 м к юго-востоку от могилы № 5. Длина дромоса 5,2 м, ширина 0,6 м, высота 0,8 м. Могильная яма ниже дромоса на 10 см. Яма овальная, длиной 2,2 м, шириной 1,5 м и высотой 0,95 м. Погребение одиночное, на спине, головой на юго-восток. Длина костяка 1,6 м. На тазовой кости — железная пряжка круглой формы. Напротив пояса найден железный серп рукояткой вверх, к голове, и еще одна железная пряжка. Слева у головы — плоскодонный одноручный горшок каунчинского

типа с носиком-сливом. Сосуд характерен для поры Каунчи I и начала Каунчи II.

Погребение № 7 расположено в 5 м к юго-востоку от погребения № 5. Длина дромоса 2,15 м, ширина у входа 0,8 м, у катакомбы — 0,9 м, высота 0,55 м. Могильная яма на 10 см ниже дромоса, катакомба поперечна дромосу, длина ее 1,8 м, ширина 1,3 м, высота 0,9 м. Погребение ограблено и сильно разрушено, костяк в раздробленном состоянии, инвентарь отсутствует.

Погребение № 8 — в 13,8 м к юго-востоку от погребения № 7. Дромос короткий — 1,95 м, резко углубляется вниз и завершается круглой ямой диаметром 1,2 м, сбитой к югу от оси. Костяк и инвентарь отсутствуют, захоронение кенотафное.

Погребение № 9 обнаружено в 2,2 м к юго-востоку от погребения № 8. Дромос со стороны сая идет к востоку — северо-востоку, длина его 1,3 м, ширина 0,8 м. Катакомба вырыта по продолжению дромоса. Длина ее 1,6 м, ширина 1,05 м. Захоронение одиночное, грабленное, костяк разрушен. Погребенный лежал головой на запад — юго-запад. В головах лежал кувшин.

Погребение № 10 расположено в 18 м к юго-юго-востоку. Изменение ориентации связано с поворотом русла сая. Дромос также начинается от берега реки, но идет не на восток — северо-восток, как у предыдущего, а точно на север. Длина дромоса 3,1 м, ширина 0,5 м. Катакомба перпендикулярна входу. Форма ее подчетыреугольная (2,2×1,1 м). Похороненный лежал на спине головой к востоку, руки вытянуты вдоль гуловища. В головах — лепной одноручный кувшин.

Третья группа захоронений располагалась к юго-востоку от цитадели на берегу Ахангарана.

Погребение № 11 обнаружено к юго-юго-востоку от цитадели на правом берегу реки. Яма грунтовая, вытянута от берега с юга на север с 15-градусным склонением к востоку. Длина ямы 1,85 м, овальная ширина у ног 30 см, у головы — 50 см.

Погребенный лежал на левом боку головой на север и лицом к востоку. Погребение сильно размыто, сохранилась лишь верхняя часть костяка — от грудной клетки до головы. Череп брахикранный. Сопровождающего инвентаря нет.

Погребение № 12 находилось в 2 м к востоку от погребения № 11. Сохранность его еще более худшая, обряд захоронения аналогичен.

На следующем холме восточнее цитадели вскрыто несколько групповых захоронений.

Погребение № 13 выявлено на западном склоне холма. Могила подбойно-катакомбная, без дромоса. Яма овальной формы размером 2,15×1,25 м, ориентирована на 285° к западу — северо-западу и разделена на 2 части стенкой из мелкоформатного кирпича-сырца размером 37×19×8 см, уложенного на глиняном растворе. Погребенный лежал в южной части ямы на спине головой на запад, руки вытянуты вдоль тела. Длина костяка 1,65 м. Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Погребение № 14 располагалось в 4 м к северу от вышеописанного. Сохранность ямы очень плохая, но, вероятно, она была грунтовой и также ориентированной на 285°. Яма фасовидной формы, южный край заovalен, северный более прямой. Длина ямы 2,05 м, ширина 0,55 м. Длина костяка 1,6 м. Обряд захоронения не совсем ясен: частично — на спине, частично — на боку. Голова — на боку лицом к северу, тело изогнуто, правая рука лежит сверху и слегка согнута. Ноги также немного подогнуты. Сопровождающий материал отсутствует.

Следующая группа захоронений вскрыта на холме к востоку от цитадели.

Погребение № 15 обнаружено также на склоне к берегу Ахангарана. Погребение катакомбное. Дромос короткий и широкий. Длина 1,35 м, ширина 1,1 м, ориентация на восток. Дромос расположен перпендикулярно катакомбе, но сбит по оси к ногам. Яма миндалевидной формы, длиной 2 м и шириной в центре 1,05 м. Погребенный лежал на спине головой на юг, но ноги слегка подогнуты и разведены у колен в форме ромба, стопы не сведены. Руки тоже полусогнуты и раскинуты, одна ниже другой. Это — так называемая «поза всадника». Сопровождающий инвентарь представлен лишь лепным красноглиняным горшком с зооморфной ручкой.

Погребение № 16 вскрыто в 6 м к югу от погребения № 15. Сохранность его относительно хорошая. Ориентация такая же, дромос длиной 1,85 м и шириной 0,6 м сохранился в высоту на 0,55 м. Катакомба смещена от поперечной оси на

15° к западу, вход сдвинут к голове. Форма ямы овальная (2×1 м), высота катакомбы 0,85 м. Погребение одиночное, на спине, головой на север. Сопровождающий инвентарь представлен тремя лепными горшкообразными сосудами каунчинского типа.

Погребение № 17 (рис. 21) вскрыто на следующем всхолмлении к востоку от цитадели вдоль правого берега Ахангарана.

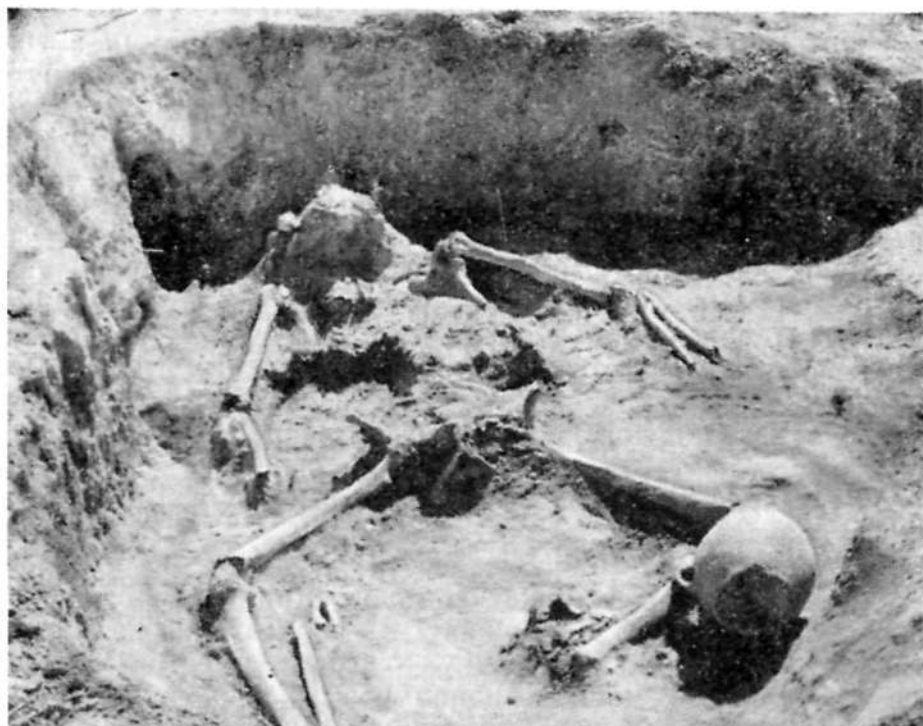

Рис. 21. Погребение № 17

Дромос длиной 1,6 м и шириной 0,65 м ориентирован от реки на 30° к северо-северо-востоку. Яма расположена перпендикулярно оси входа, но последний сбит к голове. Катакомба овальная, длиной 2,05 м при ширине до 0,6 м. Погребение одиночное, на спине, головой на 30° к северо-северо-западу, руки вытянуты вдоль тела, ноги слегка разбросаны. Могила ограблена, костяк потревожен. Слева от головы и

на левой руке лежали части сломанного железного однолезвийного ножа с небольшим черешком и обломки глиняного сосуда со следами матерчатого шаблона. Около левой ноги лежал одноручный горшок.

Погребение № 18 находится на восточной окраине этого же холма. Конструкция могильной ямы аналогична предыдущей. Захоронение также «в позе всадника». При погребенном найдены 4 сосуда, в том числе горшочек с зооморфной ручкой (рис. 20).

На этой же площади расположен и более поздний некрополь, в котором расчищено 4 погребения (№ 19—22). Могилы вытянуты с юга на север. Камеры узкие (200—220×40—50 см), с небольшим подбоем в западной стене, стенки обложены сырцовым кирпичом размером 32×16×4 см, положенным на ребро. Погребенные лежали на боку головой на север и лицом на запад. Погребальный инвентарь отсутствует.

Из других погребальных обрядов следует отметить вскрытые Т. Р. Агзамходжаевым туябугузские наусы с оссуарным обрядом захоронения. На городище Кендыктепе оссуарные захоронения не встречались, но при раскопках загородных домов каунчинского времени найдены 2 фрагмента оссуариев, включающие стенки и часть донца. Ящичек был подпрямоугольной формы. На обоих фрагментах под серым ангобом процарапан орнамент в виде человеческих фигур. На одной стенке сохранилась нижняя половина мужской фигуры, повернутой влево, в халате, перепоясанном широким поясом с крупной пряжкой. Ноги — в мягкой высокой обуви. На другой стенке — часть фигуры, идущей вправо. Одежда типа халата показана очень схематично, со складками в виде уступов.

Таким образом, на городище выявлено не менее пяти типов захоронений. Преобладающий тип — дромос с катакомбой с труположением на спине и сопровождающим инвентарем каунчинского типа. Погребения и одиночные, и групповые. Второй тип — в грунтовой яме и в катакомбе с дромосом «в позе всадника». Погребения одиночные, преимущественно с инвентарем (также каунчинским). Особняком стоит представленное одним погребением захоронение в грунтовой яме, когда погребенный укладывался на бок. Четвертый тип — оссуарный и, наконец, пятый — в могилах

с подбоем-лахадом, когда погребенный укладывается на боку лицом к западу.

Таким образом, из пяти типов лишь последний связан с мусульманским обрядом и относится к IX—XII вв.

Первые три типа связаны с населением каунчинского круга первой половины I тысячелетия н. э. В VI—VII вв. в долину проник оссуарный обряд захоронения, особенно широко распространившийся с VII в. н. э. и постепенно сменивший погребения в катакомбах. Интересно, что наряду с господствующими в Ташкентской области овальными оссуариями были распространены и подпрямоугольные оссуарии с заоваленными верхними углами. Помимо Туябугуза такие погребальные ящики найдены в низовьях Ахангарана близ Муратали и на левом берегу Гиджигена, а в долине Чирчика — близ городища Ниязбаштепа.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С КЕНДЫКТЕПЕ

Все описанные ниже монеты собраны при работах 1971—1973 гг. археологами В. И. Спришевским, Ю. Ф. Буряковым, К. Алимовым на городище Кендыктепе. Эта коллекция на редкость богата и разнообразна. Вместе с тем, поскольку ни один из найденных кружков не привязан к какому-то определенному слою, некоторые доарабские монеты не удалось датировать с желаемой точностью.

Описание монет выполнено в форме, приближающейся к каталогу¹. Материал систематизирован по возможности в хронологическом порядке, хотя не всегда можно было достаточно уверенно определить дату монеты. Дирхемы бухархундского типа объединены вместе именно из-за типологической общности, хотя они различаются и металлом и, видимо, временем выпуска, которое пока не может быть уточнено.

Надписи и отдельные знаки согдийского алфавита даются согласно общепринятой международной транскрипции для согдийских текстов, а арабские надписи воспроизводятся арабским письмом. В случаях, когда чтение восстанавливается, восстанавливаемая часть берется в скобки. Диаметр монет дается в миллиметрах, вес — в граммах. Вес фрагментов монет не отмечается.

В описаниях приняты следующие условные обозначения: д — диаметр; в — вес; С₁₋₄ — сохранность экземпляра.

¹ Древние и средневековые монеты до периода Саманидов описаны и исследованы Т. С. Ерназаровой, саманидские, тахиридские и более поздние — Б. Д. Кочневым.

1. СЕРЕБРО

§ 1. Монеты бухархудатского типа с именем Мухаммада ал-Махди, наместника Хорасана (140—158/759—775)

1. Л. ст.: подражание портрету Варахрана V (420—438). Погрудный бюст царя передан схематически штрихами и точками, над венцом — полумесяц с точкой посередине. Три крупные точки передают грудь и плечи. Шея охвачена украшением. Перед лицом царя надпись местным письмом: $rw\dot{u}'g\ \dot{u}w\dot{b}k'w$ — «Государь Бухары царь». Слева за венцом арабская надпись: المهدي — «ал-Махди». По краю монеты —

узкий ободок. Об. ст.: подражание оборотной стороне драхм Варахрана V. Посередине — алтарь с двухступенчатым основанием, над ним в пламени — голова царя (?), обращенная вправо. С двух сторон алтаря — фигуры стражей (мобедов). Кружок с края обломан. Д. 24, в. 2,45, С₂. Тип как: О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, № 17.

2. То же, но другой тип, штемпель кружка чуть выпуклый, пробит. Д. 24, в. 2,75, С₂.

3. То же, но другой штемпель. Л. ст. сбита и чуть стерта. Кружок слегка обломан. Д. 25, в. 2,45, С₃₋₄.

4. То же. Поверхность неровная. Кружок обломан. Д. 23, в. 2,65, С₂.

5. То же. Кружок обломан по точечному кругу. Д. 23, в. 1,82, С₄.

6. То же. Д. 22, в. 1,90, С₂₋₃.

7. То же. Штемпель на оборотной стороне чуть сдвинут. Д. 24, в. 2,55, С₂.

8. То же, но другой штемпель. Поверхность кружка неровная, рисунок едва обозначается. Д. 23, в. 1,92, С₃.

9. То же, небольшой фрагмент. С₃.

10. То же. Поверхность несколько сбита и стерта, обломана по краям. С₄.

11. То же. Грудь и плечи царя подчеркнуты 11 точками. Поверхность неровная и чуть стерта. Д. 24, в. 2,85, С₂₋₄.

12. То же, но другой штемпель. Об. ст. несколько стерта. Кружок обломан с одного края. Д. 23, в. 2,54, С₃.

13. То же, обломана. С₃.

14. То же. Изображения и надпись чуть стерты. Д. 24, в. 2,75, С₃.

15. То же. Д. 23, в. 3,42, С₂.

16. То же. Металл окислен. Д. 24, в. 2,52, С₃.

17. То же. Рисунок едва обозначается на обеих сторонах. С края кружок просверлен. Д. 24, в. 2,42, С₃.

18. То же. Д. 23, в. 2,22, С₃₋₄.

19. То же, небольшой фрагмент. С₃₋₄.

20. То же. С₃.

II. БРОНЗА

§ 2. Кушаны

21. Канишка (около 270—301 гг.). Л. ст.: стоящий царь в длинном кафтане. Голова обращена влево, правая рука опущена вниз к алтарю, левая поднята вверх. Остальные детали стерты. Об. ст. почти стерта. Д. 21, в. 12,6, С₃₋₄.

§ 3. Древнечачские монеты

22. Неизвестный правитель. Л. ст.: полустертое профильное изображение головы правителя, повернутой влево. Нос длинный, на голове диадема. Об. ст.: в поле, в середине знак (тамга?) , по краям его следы согдийской надписи. Внутри знака (тамги?) помещены три точки. Д. 16, в. 2,15, С₃.

23. То же, вариант. Л. ст. стерта. Об. ст.: в поле знак (тамга?) без точек. Кружок неровный, по краям обрезан. Д. 13, в. 0,72, С₄.

24. То же. Л. ст.: голова царя в головном уборе (?), повернутая влево. Об. ст.: в поле вариант знака предыдущей монеты — ; кружок монеты срезан. Д. 19, в. 1,82, С₄.

§ 4. Тюркские правители Чача

25. Tr'β (trnβ') или trnβc. Л. ст.: бегущее вправо полуфантастическое животное, напоминающее льва; большая голова с открытой пастью чуть закинута, правая лапа поднята; животное хлещет себя хвостом, извивающимся над спиной. Изображение проступает неотчетливо. Об. ст.: в поле в середине вилообразный знак с чуть сближенными концами

створок — $\text{--}\epsilon$ над знаком и под ним согдийская надпись

из двух слов: $\gamma w \beta w \text{ tr}' \beta'$ ($\text{trn} \beta'$). По краям монеты ободки. Края кружка неровные, местами имеются остатки литника. Д. 19, в. 2,50, C_{2-3} . Тип как: О. И. Смирнова. Каталог..., № 747—765; Т. С. Ерназарова. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.) — В сб.: Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974, с. 219, № 165, 166.

26. То же. Л. ст. полустерта, изображение животного едва намечается. Поверхность неровная, края кружка также неровные, имеются остатки литника. Д. 18, в. 2,2, C_{3-4} .

27. То же. Изображение животного на л. ст. едва обозначено. Об. ст. отчетливая. Поверхность и кружок монеты неровные. Местами остатки литника. Д. 17, в. 3,2, C_3 .

28. То же, вариант. Об. ст. стерта. Д. 15, в. 2,57, C_2 .

29. То же. По краю остатки литника. Д. 16, в. 2,0, C_2 .

30. То же, вариант. Л. ст.: такое же животное, но с большой головой, идущее вправо; закинутый на спину хвост поднят вверх. Изображение оплыло. Об. ст. едва намечается. Кружок неровный. Д. 17, в. 1,9, C_{3-4} .

31. То же. Изображение животного на л. ст. едва проступает. Края монеты неровные, металл окислен, местами кружок обломан. Д. 18, в. 2,26, C_3 .

32. То же. Л. ст.: изображение животного едва намечается. Об. ст. отчетливая. Д. 19, в. 1,78, C_3 .

33. То же. Д. 19, в. 1,74, C_3 .

34. То же. Сильно окисленная, погнутая и обломанная с края монета, на которой едва намечаются изображение животного и надпись. Д. 16, в. 1,76, C_4 .

35. То же. По краям кружок обломан. Д. 17, в. 1,5, C_4 .

36. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: изображение отчетливое. Металл окислен, есть остатки литника. Д. 19, в. 2,58, C_4 .

37. То же. Окисленная монета, обломанная с края. На об. ст. сохранились следы вилообразного знака и надписи. Д. 19, в. 2,57, C_4 .

38. То же. Плохо отлитая монета с неровной поверхностью. На л. ст. отчетливо обозначаются животное и широкий ободок. С края кружок обломан. Остатки литника. Д. 19, в. 1,88, C_3 .

39. То же. По краям кружок обломан. Металл окислен. Д. 17, в. 1,32, С₃₋₄.

40. То же. Металл окислен. Д. 16, в. 1,3, С₄.

41. Неизвестный правитель. Л. ст.: портрет правителя. Нижняя часть лица на уровне носа срезана краем монеты. Лицо с высокими скулами, крупным носом и довольно большими, но глубоко посаженными глазами. Перед лицом правителя свастикообразный знак — . Об. ст.: в поле посередине

не вариант вилообразного знака, обращенный вправо, с чуть раздвинутыми к концу створками. Над знаком сохранилась согдийская надпись $\text{y}\text{w}[\beta]\text{w}$, срезанная краем монеты. Штемпель сдвинут. Края срезаны. Д. 21, в. 2,56, С₃.

42. Неизвестный правитель. Л. ст.: портрет правителя. Чуть скуластое лицо с довольно большими, но глубоко посаженными глазами. Нос, брови и веки переданы штрихами, рот и зрачки — точками. Серьга в правом ухе передана двумя точками. На голове тонкий обруч, перед лицом правителя свастикообразный знак. Все в круге из тесно поставленных крупных точек. Об. ст.: в поле посередине вариант вилообразного знака, над знаком и под ним согдийская надпись, срезанная краем монеты. При чеканке штемпель сдвинут. Кружок неровный, по краям срезан. Д. 20, в. 1,82, С₃.

43. Неизвестный правитель. Л. ст.: контурное изображение монголоидного лица с полными щеками, глаза подчеркнута большие, широко открытые, с тяжелыми веками, переданными двумя изогнутыми штрихами, зрачки обозначены точками, небольшой пухлый рот — двумя точками. Нижняя часть лица на уровне подбородка срезана. Перед лицом царя свастикообразный знак. Об. ст.: едва намечается вилообразный знак, остальные детали стерты. Кружок неровный, местами срезан. Д. 21, в. 2,0, С₄.

44. Неизвестный правитель. Л. ст.: погрудное изображение правителя с монголоидными чертами лица, чуть повернутое влево, веки переданы двумя изогнутыми штрихами, зрачки — точками, нос короткий и тупой. В левом ухе — серьга, переданная точкой. Убор на голове едва намечается. Все в круге из точек. Об. ст.: в поле вилообразный знак, обращенный вправо, над знаком и под ним следы надписей. В нижней строке читается начало согдийской надписи: $\text{tr}...$ или же $\text{t}...$ Монета полустерта. Края кружка срезаны. Д. 17, в. 2,5, С₃₋₄.

45. То же. По краям кружок обломан. Д. 18, в. 1,92, С₃₋₄.

46. Неизвестный правитель. Л. ст.: изображение головы правителя, чуть повернутое влево. Веки переданы двумя штрихами, зрачки — точками, над головой царя полустертая корона, в ушах серьги с двумя камнями. Об. ст.: в поле вилообразный знак, внутри которого помещен свастикообразный знак, над знаком читается часть согдийской надписи: ...γw..., остальное стерто. Кружок обломан. Д. 15, в. 1,6, С₃.

47. То же. Д. 19, в. 1,21, С₄.

48. То же. Монета сильно потерта. Кружок неровный, местами обрезан. Д. 18, в. 1, 2, С₃₋₄.

49. То же. Об. ст.: вилообразный и свастикообразный знаки. От полустертой согдийской надписи сохранилось только ...γwβw... Кружок неровный, местами срезан. Д. 20, в. 1,3, С₃₋₄.

50. Неизвестный правитель. Л. ст.: в поле — вариант вилообразного знака, обращенного влево, створки которого чуть расходятся — . Об. ст.: в поле посередине трехстрочная

стертая согдийская надпись. Поверхность кружка неровная, с края он обрезан. Д. 21, в. 52, С₃₋₄.

51. Неизвестный правитель. Л. ст.: в поле погрудное изображение царя и царицы, лица которых даны в фас в легком повороте друг к другу. Лоб, скулы и подбородок удлиненных лиц выделены слабым рельефом. Глаза переданы двумя штрихами. На голове царя диадема, усы и рот обозначены двумя штрихами. У царицы (левое изображение) на голове низко надета диадема. Между головами царя и царицы три точки. Остальные детали стерты. Об. ст.: в поле полустертый знак , от надписи сохранилась буква ...1...

Кружок неровный. Д. 22, в. 2,65, С₃₋₄.

52. Л. ст.: такое же изображение пары, выполненное схематичнее, овалы лиц грубее и удлиненное, подчеркнуты толстыми линиями, глаза раскосые. Об. ст.: в поле знак

; остальные детали стерты. Кружок неровный и обломан с края. Д. 22, в. 2,5, С₃₋₄.

53. То же, изображение пары едва намечается. Монета пробита. Края кружка неровные и чуть обломаны. Д. 20, в. 2,1, С₄.

Монеты чачских правителей плохой сохранности

54. Л. ст. стерта, а на об. ст. сохранился полустертый вилообразный знак. Края кружка неровные. Д. 14, в. 1,1, С₄.
55. Обломок. Д. 18, в. 1,0, С₄.
56. Обломок, сохранился вилообразный знак, С₄.
57. Сильно окисленная монета в двух кусках. На одном читается часть надписи: βγ[w], С₄.
58. На об. ст. полустертый вилообразный знак. Д. 16, в. 1,22, С₄.
59. То же. Д. 14, в. 0,82, С₄.
60. Сохранился только вилообразный знак. Дефект литья. Края неровные. Д. 18, в. 2, 18, С₄.
61. Полустерта, дефект литья. Д. 17, в. 1,68, С₄.
62. Сохранился вариант вилообразного знака с открытыми концами — , остальное стерто. Д. 13, в. 0,72, С₄.
63. Л. ст. стерта. На об. ст. вилообразный знак и остатки согдийской надписи. Края неровные. Д. 19, в. 1,29, С₄.
64. Сохранился только знак. Края неровные, местами обломаны. Д. 11, в. 0,41, С₄.
65. Полустертое изображение головы правителя на л. ст., а на обороте знак — . Д. 17, в. 1,4, С₄.

§ 5. Правители Бухары

66. Неизвестный правитель. Л. ст.: в поле внизу изображение головы правителя анфас в уборе (или прическе), закрывающем уши. Веки выделены двумя изогнутыми штрихами, нос длинный, прямой, подбородок округлый. Справа от лица, против щеки, вдоль нее следы мелкоточечного ободка. Об. ст.: в поле знак и остатки согдийской надписи: ...γwβw... Края кружка неровные. Д. 17, в. 1,67, С₃.
67. Неизвестный правитель. Л. ст. стерта. Об. ст.: сохранились знак и остатки согдийской надписи. Д. 25, в. 2,55, С₄.

§ 6. Правители Усрушаны VI—VII вв.

68. Роханч II. Без обозначения места и времени. Л. ст.: изображение головы правителя в крылатом венце, чуть выдвинутое вперед в повороте вправо. Между крыльями венцов — по три точки, над ними — кружок с точкой посередине. Околыши венцов переданы рядом мелких нанесенных ко-со черточек, создающих впечатление резьбы. Лицо чуть продолговатого овала с прямым носом и широко открытыми миндалевидными глазами и мягким округлым подбородком. В ушах подвески, на шее украшение с бусинами спереди.

Ворот одежды приоткрыт. Об. ст.: в поле знак и двустрочная согдийская надпись из двух слов, идущая сверху вниз, справа и слева от знака и содержащая титул и имя правителя: *gūpš MR'U* — «Господин Роханч». Края монеты неровные, местами обломаны. Д. 20, в. 2,20, С₂. Тип как: О. И. Смирнова. Первые монеты из Усрушаны.— ЭВ, вып. XX, М., 1971, с. 62, табл. 6 и 7.

§ 7. Цари Самарканда

69. Гурак (710—738). Л. ст.: два династийных знака, расположенных с двух противоположных сторон квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку. Справа находится У-образный знак, повернутый вправо; слева — вариант бухарского знака. По внешнему краю кружка широкий ободок. Об. ст.: согдийская надпись в две концентрические строки: *wū'gk MLK'* — «ишхид Гурак». По краям кружка остатки литника. Д. 23, в. 4, 22, С₁. Тип как: О. И. Смирнова. Каталог..., № 161—163; Т. С. Ерназарова. Денежное обращение Самарканда..., № 92—101.

70. То же. Края монеты неровные, остатки литника. Д. 22, в. 3,10, С₂₋₃.

71. Тургар (738—750?). Тип Б. Л. ст.: над квадратным отверстием помещен знак в виде полукруга — , а по сторонам квадратного отверстия два династийных знака. Справа находится У-образный знак, повернутый вправо, слева — вариант бухарского знака, как на монетах Гурака. Об. ст.: надпись в две концентрические строки: *twrū'g MLK'* — «иш-

шид Тургар». Рамочки и ободки по краю монеты узенькие, кружок неровный. Д. 20, в. 1,90; С₂. Тип как: О. И. Смирнова. Каталог..., № 198—297; Т. С. Ерназарова. Денежное обращение Самарканда..., № 102—118.

72. То же. Знаки на лицевой стороне несколько стерты, рамочка и ободок шире обычных, края монеты неровные. Д. 17, в. 1, 62, С₃₋₄.

73. То же, очень плохой сохранности. На об. ст. читается имя царя: «Тургар». Металл окислен. С края монета обломана. Д. 18, в. 1,58, С₄.

74. То же. Половина монеты. С₄.

§ 8. Тюргеши (VIII в.)

75. Л. ст.: в поле по краю монеты помещено изображение лука без тетивы с утолщенными чуть загнутыми наружу концами и небольшим треугольным выступом посередине (с внутренней стороны), слившимся с одним из углов квадратной рамочки. Об. ст.: концентрическая надпись согдийским письмом: $\beta u u \text{ } twrkuy\text{ } \gamma' \gamma' n$ — «Государя тюргиш-хакана деньга». Квадратное отверстие заключено в узкую рамочку. По краю монеты проходит ободок. Кружок неровный. Д. 24, в. 4,71, С₂. Тип как: О. И. Смирнова. Каталог..., № 693, 694.

76. То же. Л. ст. полустерта, кружок неровный. Д. 22, в. 4,5, С₃.

77. То же. Сохранность отличная, края неровные. Д. 23, в. 5,06, С₁.

78. То же. Д. 24, в. 4,48, С₂.

§ 9. Аббасиды

79. Ма'бад. Бухара, 148/765—766 гг. Л. ст.: в поле в три строки первая часть символа веры: لااله الاالله/وحده. Кругом между двумя точечными ободками, легенда с выпускными сведениями, разделенная четырьмя кружочками с точкой посередине: بسم الله ضرب • ببخارا في سنة • ثمان [اربعين] ومئة. Об. ст.: в поле вторая часть символа веры в три строки: محمد/رسول/الله. Кругом между двумя точечными ободками частично сохранившаяся надпись с именем Ма'бада

أمر به معبد في ولاية [المهدي ولي عهد المسلمين (и ал-Махди) . Монета обломана по краям. Д. 20, в. 1,56, С₂₋₃. Тип как: О. И. Смирнова. Каталог..., № 903—910.

80. Ал-Джунайф б. Халид. Бухара, 151/768 г. Л. ст.: в поле в три строки помещена первая часть символа веры: لا اله الا الله / وحده. Кругом надпись срезана краем монеты, читается только ... في سنة أحد... مئة. Об. ст.: в поле вторая часть символа веры в три строки, разделенная украшением. Кругом надпись, содержащая имя амира Джунайфа б. Халида и наместника ал-Махди: أمر به الجنيد بن خالد عامل (الامام). Надпись полустерта. Штемпель сдвинут. Края кружка неровные. Д. 17, в. 1,88, С₂₋₃.

81. То же. Л. ст. сбита и стерта. На неровной поверхности оборотной стороны едва проступает украшение —

Края неровные, местами обломаны. Д. 16, в. 2,12, С₃₋₄.

82. Гассан б. Аббад. Самарканд, 205/821 г. Л. ст.: в поле в три строки первая часть символа веры: لا اله الا الله / وحده. Кругом полустертая надпись, содержащая выпускные данные: [بسم الله | ضرب الفلاس بسمرقند سنة خمس مائتين] محمد / رسول الله. Об. ст.: в поле вторая часть символа веры: الله. Поверх слова الله над двумя ламами в середине точка. Внизу ط. Кругом легенда едва намечается. Края монеты неровные, местами обрезаны. Д. 17, в. 1,12, С₃.

83. То же, но другая матрица. Края обрезаны. Д. 19, в. 1,82, С₃.

84. То же, но другая матрица. Надпись полустерта, края кружка неровные, местами обрезаны. Д. 16, в. 1,46, С₃.

85. Правитель не установлен. Бухара, 1?1 г. х. Л. ст.: в поле в четырех строках первая часть символа веры: لا اله الا الله / وحده / لا شريك له. От полустертой круговой надписи читается только название города и часть даты выпуска: [بسم الله] ضرب [هذا] الفلاس ببخارا سنة أحد... مئة. Все в точечном круге. Об. ст.: в поле в трех строках вторая часть символа

веры: محمد/رسول/الله. Над словом «Мухаммад» точка. Под символом веры стертая надпись. От круговой надписи читается только... محمد بن و... остальное стерто. Кружок неровный, местами обрезан. Монета пробита. Д. 18, в. 2,42, С₃₋₄.

86. То же. Л. ст.: в поле надпись в три строки с первой частью символа веры: وحده / لا اله الا الله / الله. Кругом легенда полустерта, читается только ... في ولية المهدي سنة... Об. ст.: в поле в трех строках продолжение символа веры: محمد/سول/الله. Кругом легенда стерта. Все в точечном круге. Штемпель сдвинут. Кружок с края обрезан. Д. 17, в. 2,42, С₃₋₄.

87. То же. Д. 15, в. 1,9, С₃₋₄.

88. То же. Кружок сбит. Поверхность неровная, по краям обломана. Д. 16, в. 2,18, С₃₋₄.

89. То же. Металл окислен. Монета пробита, кружок неровный. Д. 15, в. 2,2, С₄.

90. То же. Обломок. С₄.

91. То же. На обеих сторонах в поле кружка читается символ веры. Круговая надпись стерта. Металл окислен. Монета по краям обломана. Д. 17, в. 1,56, С₄.

92. То же. Обломок. С₄.

93. То же. Заметны только следы куфической надписи. Кружок обломан. Д. 16, в. 1,3, С₄.

94. На л. ст. отчетливая надпись, содержащая первую часть символа веры. Кругом надпись не читается. Кружок по краям обломан. Д. 20, в. 1,51, С₄.

95. Л. ст.: в поле неясные следы надписи. Кругом стерто. Об. ст.: в поле едва читается محمد[رسول]الله. Кругом стерто. Д. 17, в. 1,76, С₄.

§ 10. Саманиды

Нух б. Асад [204/819—227/841—842]

96. Бинкет, 214/829—830 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу точка. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, выпускные сведения:

بسم الله ضرب هذا الفليس (так!) بينكت سنة اربع عشر ومائتين

Об. ст.: в поле — вторая часть символа веры в три строки, вверху — крупная точка, внизу — кружок. Кругом, между

внутренним точечным и внешним линейным ободками, надпись с именем эмира Нуха и благопожеланием ему: *مما أمر به إلا أمير نوح إبقاه الله*. Края монеты неровные. Д. 22, в. 2,7, С₁.

97. Бинкет, год? Тип предыдущей монеты, но матрицы обеих сторон другие. Л. ст. как у № 96, но от круговой легенды сохранилось *... الفلّس ببنكت*. Об. ст. как у № 96, но от круговой подписи сохранилось *...أمربه الأمير نوح*. Монета пробита острым орудием, отверстие от удара треугольное. Д. 20, в. 2,8, С₂₋₃.

98. Бинкет, 216/831—832 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу точка. Кругом, в линейном ободке, легенда с выпускными сведениями: *بسم الله ضرب هذا*. Об. ст.: в поле и кругом — как у № 96, но начертание букв во многих местах слитное. Д. 20, в. 1,9, С₂.

99. Город?, 219/834 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу три точки, расположенные в линию. Кругом, в линейном ободке, легенда с выпускными сведениями, частично стертая и обрезанная: *... تسع عشر و متين*. Об. ст.: в поле — вторая часть символа веры в три строки, внизу — две точки одна под другой. Кругом, между двумя линейными ободками, как у № 96. Монета пробита. Д. 19—20, в. 2,5, С₂₋₃.

100. Бинкет, год? Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки. Кругом, в линейном (?) ободке, надпись с частично сохранившимися выпускными сведениями: *... سن بنكت سنة*. Об. ст.: в поле — вторая часть символа веры в три строки. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным (?) ободками, частично сохранившаяся надпись с именем Нуха и благопожеланием ему: *مما أ.... نوح إبقاه الله*. Д. 18—20, в. 1,7, С₃.

101. Город?, год? Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, в третьей строке опущено последнее слово *له*. Кругом, между двумя линейными ободками, надпись с именем Нуха, Мухаммада б. ал-А... и благопожеланием ему: *مما أمر به نوح على يدى محمد بن الأ... برکه*. Об. ст.:

в поле — вторая часть символа веры в три строки. Кругом, между двумя точечными ободками, не поддающиеся чтению остатки надписи. Монета пробита. Д. 20—21, в. 2,1, Сз.

Йахйя б. Асад [204/819—241/855]

102. Бинкет, год? Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу — три точки, расположенные в линию. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, частично стертая и обрезанная надпись с выпускными сведениями: ... هذا الفلّس بينكت. Об.

ст.: в поле — вторая часть символа веры в три строки. Вверху — три точки, расположенные треугольником, внизу — имя Йахйи: يحيى. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, частично стертая неразборчивая надпись. Д. 20—21, в. 1,8, Сз.

103. Город?, год? Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу три точки. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, частично сохранившаяся надпись с выпускными сведениями: ... الله ضرب هذا. Об. ст.: в поле — вторая часть символа веры в три строки, вверху — трехточечный треугольничек, внизу — имя Йахйи: يحيى. Кругом все стерто. Края монеты неровные, как бы обрубленные. Д. 18—19, в. 1,7, С4.

§ 11. Тахириды и Саманиды

Тахир б. Абдаллах [230/845—248/862] и Йахйя б. Асад

104. Шаш, 230/844 — 845 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу — трехточечный треугольник. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, надпись с выпускными сведениями и именем Тахира б. Абдаллаха: ... بالشّاش (так!) مما امر به ط[а]р. Слова هذا الفلّس стертые, а слово بن عبد الله سنة ثلثين و (так!) не уместилось. Об. ст.: в поле — вторая часть символа веры в три строки, внизу — имя Йахйи: يحيى. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, частично стертая надпись с 9-м стихом 61-й суры Корана: ارسله بالهدى ود[ين الحق ليظهره] على الدين كله. Д. 20—21, в. 1,9, Сз.

105. Шаш, без указания года. Л. ст. как у № 104, но круговая легенда сохранилась частично и не содержит даты (не уместилась): ضرب .. لس بالشاش مما امر... طاهر بن عبد الله. Об. ст. как у № 104, но в поле вверху кружочек, а от круговой надписи уцелело только начало — أرسله... и конец: كون... Монета пробита и имеет еще два небольших отверстия, образовавшихся от того, что металл окислился и местами истончился. Д. 20, в. 1,5, С₄.

106. Шаш, год? Л. ст. как у № 104, но круговая легенда не сохранила (или не имела) даты: (так!) ضرب هذا الطس... بالشاش مما امر به طاهر... Об. ст. как у № 104, но в круговой надписи не уцелели слова ...هدى и ...المشر... а слово ...على начертано с ошибкой: لى. Д. 20—22, в. 2,4, С₃.

107. Шаш, год? Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, часть 9-го стиха 61-й суры Корана: أرسله بالهدى و دين الحق ليظهره. Об. ст.: в поле — как у № 104. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, обрывки надписи с выпускными сведениями, начертанной с ошибками: ...بهذا فلس... Д. 20—21, в. 1,9, С₂₋₃.

Тахир б. Абдаллах

108. Шаш, 241/855—856 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу — кунья Абу Абдаллах: أبو عبد الله. Кругом, между двумя линейными ободками, легенда с выпускными сведениями и именем Тахира: ضرب هذا . الفليس بالشاش فى ولاية طاهر سنة احدى و اربعين (так!) و متين. Об. ст.: в поле — легенда в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры и упоминанием халифа Мутаваккила: لله / محمد / رسول / الله / المتوكل على الله. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, 9-й стих 61-й суры Корана от слова أرسله до слова كون , الهدى بالهدى начертано ,المشر كون , а вместо الهدى — الهدى. В центре монеты — след от попытки про-

бить ее. Д. 25—26, в. 2,8, С₁₋₂.

109. То же, но в круговой легенде аверса не сохранилось слово بالشاش. Слово أربعين начертано правильно, а слово متين — над строкой; в круговой надписи реверса полустерто слово [ليطهره] и не сохранились слова كله و لوكره. Д. 26—27, в. 3,9, С₂.

110. То же. В круговой легенде л. ст. от даты сохранилось только начало و اخدى, в круговой надписи об. ст. стерты частично второе и третье слова [با]لهدى و د[ين], а последнее начертано с ошибкой: المشركن. Д. 25—26, в. 3,2, С₁₋₂.

111. То же. В круговой надписи аверса пропущен «алиф» в слове هذا, стерты вторая половина слова طاهر, слова سنة и متين. На реверсе в поле полустерто имя Мутаваккила الله [المتوكل على], в круговой легенде не сохранились слова على الدين كله, а последнее слово начертано с той же ошибкой, что и на предыдущей монете. Д. 25—26, в. 3,2, С₂₋₃.

112. То же. На аверсе легенда поля сохранилась частично: .../الا/.../ده/... يك له, в круговой надписи стерты также слова [تتي]ن و لاية طاهر. На реверсе полустерта надпись поля [المتوكل على الله] / [رسول الله] / [محمد] لله, а в круговой легенде не уцелело (частично) начало — [رسله بال]يدى и середина — ليظهره على الدين. Монета погнута и пробита. Д. 25—26, в. 3,0, С₃.

Мухаммад б. Тахир [248/862—259/873]

113. Шаш, 250/864—865 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу — بخ بخ. Кругом, в точечном (?) ободке, двойная легенда; внешняя сильно потерта, обрезана и разобрать ее не удалось, во внутренней же содержатся выпускные сведения: بسم الله ضرب هذا الفليس. В обеих круговых надписях (так!) و مائتين

слова начертаны слитно. Об. ст.: в поле—надпись в шесть строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, именем и титулом эмира Мухаммада и благопожеланием ему: *لله / محمد / رسول / الله / الامير محمد / اعزه الله*. В слове *لله* между «ламами» точка, между словами *رسول* и *الله* — вторая точка. Кругом, между двойным точечным внутренним и внешним неясным ободками, надпись, содержащая 9-й стих 61-й суры Корана, частично стертая в начале и начинающаяся словом *بالهدى*. Судя по величине стертой части легенды, здесь было, видимо, не только слово *ارسله*, но также *محمد رسول الله* и, следовательно, по сравнению с предыдущими это наиболее полный вариант коранической легенды. Д. 24, в. 4,1, С₂.

114. Шаш. 251/865 г. Л. ст.: в поле — частично сохранившаяся надпись в три строки с первой частью символа веры: *له [لا اله الا / الله وحده] / لا شريك له*. Кругом, между двумя линейными ободками, надпись с выпускными сведениями: *بسم الله ضرب هذا الفلس بالشاش سنة احد و خمسين...* Об. ст.: в поле надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры и именем Мухаммада б. Тахира: *لله / محمد [رسول / الله / محمد] بن طاهر*. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, 9-й стих 61-й суры Корана, в котором стерто первое слово *ارسله* и частично сохранились два слова в конце: *ك[له ولو] كره*. Монета пробита посередине, диаметр отверстия 5 мм. Д. 25, в. 3,4, С₂₋₃.

115. То же, другая матрица. На аверсе в поле стерты слова *الله* и *ريك* [لا ش], в круговой легенде сохранилось *بسم الله [ضرب هذا] الفلس بالشاش... مائتين*. На реверсе в поле не сохранились первые две буквы в слове *كله ولو كره*, а в круговой надписи *الله* и слово *محمد*, а в круговой надписи *كله ولو كره* и *بالهدى ودين الحق*. Д. 25, в. 3,6, С₃.

116. Шаш? 251/865 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу — неясное слово: *مكوبه*.

Кругом, между внутренним линейным и внешним неясным ободками, полустертая надпись с выпускными сведениями: ...سنة احد و خمسين... Об. ст.: в поле — надпись в шесть строк, как у № 114, но сохранившаяся полностью, включая имя Мухаммада б. Тахира. Кругом — 9-й стих 61-й суры Корана, от которого уцелело лишь... الحق ليظهره... Д. 24—25, в. 2,8, С₃.

Наср б. Ахмад [250/864—279/892]

117. Шаш, 253/867 г. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, внизу — بخ بخ. Кругом, между двумя точечными ободками, надпись с выпускными сведениями: ضرب هذا الفلاس بالشاش سنة ثلث و خمسين ومائتين. Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры и именем Насра. Кругом, между двумя точечными ободками, свободное пространство (без надписи). Д. 25, в. 3,7, С₂₋₃.

118. Шаш, 254/868 г. Тот же тип, отличающийся от монеты предыдущего года лишь датой (اربع و خمسين ومائتين), наличием точки между словами رسول и محمد и трех точек между словами رسول и الله и четырех трехточечных треугольничков между ободками (впрочем, точки и треугольнички были, вероятно, и на фельсе 253 г. х., но не видны из-за худшей его сохранности). Д. 25, в. 4,3, С₁.

119. То же, но матрица реверса другая. Д. 25, в. 4,1, С₂.

120. То же, но обе матрицы другие. В круговой надписи аверса не сохранилось начало (ضرب) и конец (خمسين), на реверсе в поле нет трех точек. Д. 25—26, в. 4,3, С₂.

121. То же, матрицы предыдущего фельса. Не сохранилось наименование монетного двора. Д. 25—26, в. 3,8, С₂.

122. То же, матрица другая. Л. ст.: все как у № 118, но надписи сохранились частично. В поле: لا اله الا / الله وحده / ضرب هذا... اش سنة اربع و خم... Кругом: لا شريك [له] / بخ بخ.

Об. ст.: все стерто, кроме следов внешнего точечного ободка. Д. 24—25, в. 2,4, С₃₋₄.

123. Самарканд, год? Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки. Кругом, между внутренним линейным и внешним неустановленным ободком остатки надписи с выпускными сведениями: ...مرقند... Об. ст.: в поле, в точечном ободке, надпись в пять строк с благочестивым восклицианием, второй частью символа веры и именем Насра: لله/محمد/رسول/الله/نصر. Все кругом стерто. Край монеты слегка обломан. Д. 24, в. 2,6, С₃.

Исмаил б. Ахмад [279/892—295/907]

124. Шаш?, 2?? г. х. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки: ...یک له / وحده ... / لا اله الا. Кругом, между двумя линейными ободками, частично сохранившаяся надпись с выпускными сведениями: بسم الله ضرب هذا الفلاس با..... تين.

Об. ст.: в поле — надпись в четыре (?) строки со второй частью символа веры и именем Исмаила б. Ахмада: ... د / رسول الله / اسمعيل بن احمد / بخ. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, надпись с именем Исмаила б. Ахмада и благопожеланием ему: ... اسمعيل بن احمد اعز... Монета наполовину обломана. Д. 27, в. 2,1, С₂.

§ 12. Саманиды (!)

125. Город?, год? Л. ст.: в поле — надпись в четыре строки с первой частью символа веры и неразборчивым словом (словами?) внизу. Кругом, между двумя линейными ободками, неразборчивые следы легенды. На об. ст. все стерто. Судя по почерку и общему облику, монета относится к IX—X вв. Д. 25, в. 3,5, С₄.

§ 13. Караханиды

126. Город?, год? Л. ст.: в поле, в линейном ободке, первая часть символа веры в три строки, из которых сохрани-

лись две нижние. Кругом стерто. Об. ст.: все стерто. По общему облику это типичный караханидский медный дирхем неправильной чеканки середины XI в. Д. 18—21, в. 5,4, С₄.

127. То же. Сохранность еще хуже, только на реверсе уцелело ...الملك... По облику — медный дирхем середины XI в. Д. 20—21, в. 3,5, С₄.

128. То же. По облику — медный дирхем середины XI в., но никаких остатков надписей не сохранилось. Д. 22—26, в. 7,2, С₄.

129. То же. Л. ст.: в поле, в круглом картуше, вписанном в квадрат и переплетающемся с ним, надпись в четыре (?) строки, от которой уцелели вторая и третья, содержащие первую часть символа веры: ...لا اله الا الله / وحده لا شريك له.../

Снаружи по сторонам квадрата — надпись, почти целиком стертая и обрезанная. Все в линейном ободке. Об. ст.: в поле — надпись в четыре строки с титулатурой государя: ...ارسلا.. / الخاقان العاد / ...الدنيا / و الدين قلع. Кругом, между двумя линейными ободками, обрывок легенды с 9-м стихом 61-й суры: ...ليظهره على... Судя по размерам, облику, почерку и характеру титулатуры, данная монета относится к числу караханидских медных посеребренных дирхемов второй половины XII в. (следы серебрения не сохранились). Д. 29, в. 2,7, С₃.

130. То же. Л. ст.: в поле, в двойном линейном ободке, надпись в три строки с символом веры и полустертым именем халифа: ...الله / محمد رسول الله / ...الله. Внизу — небольшое украшение. Кругом стерто и обрезано. Об. ст.: в поле, в линейном ободке, надпись в четыре (?) строки с титулатурой государя: ...عدل / السلطان الا / عظم.../ Справа — меч острием вверх. Кругом стерто и обрезано. Д. 29, в. 2,6, С₃.

Хотя выпускные сведения не сохранились, ясно, что это — медный посеребренный дирхем второй половины XII — начала XIII вв. Исходя из титулатуры («султан величайший»), его можно приписать как Ануштегинидам, так и поздним Караханидам. Территория Мавераннахра была включена в состав государства хорезмшахов только при Мухаммаде б. Текеше, но он правил лишь при халифе Насире, а судя по окончанию имени халифа на монете, здесь упомянут не На-

сир. Это может быть Муктафи или Мустади, но при этих халифах, насколько известно, никто из Караханидов султаном не титуловался. Все же, поскольку на данном дирхеме выбито изображение меча, часто появляющееся на монетах Караханидов, его следует относить к этой династии, допуская, что султаном мог именовать себя какой-то представитель Караханидского дома еще в середине или третьей четверти XII в. Таким образом, мы относим данный дирхем к чекану Караханидов предположительно.

Тафгач-Хакан

131. Бенакет, 592/1195—1196 или 593/1196—1197 гг. Выпускные сведения не сохранились, но это — медный посеребренный дирхем того же типа, что и в кладе, описание которого следует ниже. Монета сильно истончилась, с края обломана. Д. 28, в. 2,3, С₃₋₄.

§ 14. Тимуриды

Тимур (771/1370—807/1405)

132. Самарканд, 7?? г. х. Л. ст.: в поле, в квадрате, вписанном в двойной круг (внутренний — линейный, внешний — точечный), частично сохранившаяся надпись с титулом и именем эмира Тимура /...امير/تيمور. По сторонам квадрата — дата выпуска, от которой уцелело слово «семьсот»: سبعمائة. Об. ст.: в поле — знак Тимура в виде трех крупных колец с маленьким колечком внутри каждого. По сторонам знака — надпись с указанием места выпуска, от которой сохранилось ...مر /قند. Д. 25, в. 3,9, С₂₋₃.

Тимур (!)

133. Город?, 8?? г. х. Л. ст.: в поле, в двойном ободке (внутренний — линейный, внешний — точечный), неясные следы надписи. Об. ст.: в квадрате, вписанном в двойной круг (внутренний — линейный, внешний — точечный), неясные следы надписи. По сторонам квадрата — дата выпуска, от которой уцелело лишь слово «восемьсот»: ثمانمائة. Д. 21—23, в. 4,2, С₄.

134. Город?, 823/1420 г. Л. ст.: шестиконечная звезда, составленная из двух перекрещивающихся треугольников, с точками по углам; подобие шестилепестковой розетки вписано в центр шестиконечной звезды, между ее концами — точки. Об. ст.: надпись с датой выпуска, от которой сохранилось ثلاث عشرين و ثمانمائة. Д. 21—23, в. 4,8, С₂.

135. Бухара, 832/1428—1429 г. Л. ст.: в многолепестковой розетке — место выпуска بخارا. Об. ст.: в двойном ободке (внутренний — линейный, внешний — точечный) надпись с датой выпуска: فى التاريخ [سنة] اثنى و ثلاثين و ثمانمائة. Д. 24—27, в. 5,3, С₂.

136. То же, но дата сохранилась хуже: ... اثنى ثلاثين ...
Д. 23—25, в. 6,1, С₂₋₃.

§ 15. Династия не установлена

137. Самарканд, год? (XV в.). Л. ст.: в многолепестковой розетке — место выпуска: سمرقند. Об. ст.: в центре — сложная плетеная виньетка, кругом — неясные следы надписи. Д. 16—22, в. 1,5, С₂₋₃.

138. Город?, год? (XV или XVI вв.). На обеих сторонах — неясные следы надписей. Датировка приблизительная, по общему облику. Д. 21—22, в. 4,3, С₄.

§ 16. Шейбаниды

139. Город?, 91? или 92? г. х. Л. ст.: в поле, в двойном ободке (внутренний — линейный, внешний — точечный), неясные следы надписи. Об. ст.: в поле — полустертая надпись с датой выпуска: بتاريخ... عشر... و تسعمائة. Д. 17—19, в. 1,7, С₃.

140. Город?, год? На обеих сторонах — неясные следы надписей. Датировка (XVI в.) приблизительная, по общему облику. Д. 24—25, в. 2,9, С₄.

141. То же. Д. 18—27, в. 3,0, С₄.

§ 17. Чекан Ташкента (конец XVIII — начало XIX вв.)

142. Ташкент, год? Л. ст.: в поле, в линейном ободке, надпись с обозначением места выпуска: **صرب تاشکند**. Об. ст.: в поле, в двойном ободке (внутренний — линейный, внешний — точечный), неясные следы надписей (?) и узор вверху. Д. 11—12, в. 1,6, С₂.

143. Ташкент, 1244/1828—1829 г. (?). Л. ст.: в поле, в линейном ободке, надпись с указанием места выпуска, как на предыдущей монете. Об. ст.: в поле, в неясном обрамлении, дата выпуска цифрами **۱۲۴۴** (?), заключенная между двумя парами параллельных линий. Д. 12—14, в. 1,2, С₂₋₃.

§ 18. Минги

Шир-Али (1258/1842—1260/1844)

144. Коканд, 1259/1843 г. Л. ст.: в поле, в круглом двойном (с украшениями) картуше, надпись с указанием места выпуска: **خواقند**. Об. ст.: в поле, в фестончатом картуше, надпись с названием номинала («фулус») и датой выпуска цифрами: **۱۲۵۹** **فلوس**. Д. 16—17, в. 3,5, С₂.

Худайар (первое правление, 1260/1844—1274/1858)

145. Коканд, 1270/1853—1854 г. ? Л. ст.: в двойном квадратном картуше — надпись с указанием места чекана: **صرب خوقند**. Об. ст.: в двойном квадратном картуше — надпись с названием номинала («фулус») и датой выпуска цифрами: **۱۲۷۰** **فلوس**. Монета квадратная (13×13), в. 3,4, С₃.

146. Фергана, без года. Л. ст.: в квадратном картуше, стороны которого украшены «трилистниками», надпись с обозначением места чекана — **فرغانه**. Об. ст.: в круглом с неясными украшениями картуше — полустертая надпись **... ضرب و**. Д. 15—16, в. 4,7, С₂.

Сайид-Султан (1280/1863—1282/1865)

147. Коканд, год? Л. ст.: в неясном обрамлении, от которого уцелела часть линейного ободка, надпись с обозначением

места чекана: ضرب خوقند. Об. ст.: в обрамлении из трех ободков (внешний — точечный, остальные — линейные) полустертая надпись: ...فرمان. Д. 14, в. 4,0, С₂.

Правитель не установлен

148. Город?, год? Л. ст.: в квадратном картуше — неясные следы надписи. Об. ст.: в квадратном картуше — благопожелание: عاقبت خير باد. Ориентировочная датировка монеты — первая половина XIX в. Монета почти квадратная (12×13), в. 2,6, С₂₋₃.

149. Город?, год? Совершенно стертая медная монета со следами серебра, возможно, это кокандский «дирхем» первой четверти XIX в. Д. 17—18, в. в. 3,7, С₄.

§ 19. Мангиты

150. Бухара, 1272/1855—1856 г. ? Л. ст.: в поле, в плохо сохранившемся обрамлении в виде двух ободков (внутренний — линейный, внешний — линейно-насечный), надпись с указанием места выпуска بخارا. Об. ст.: в таком же, как на аверсе, обрамлении, полустертая надпись с обозначением номинала («фулус») и датой цифрами: [س] ٧٢ [١٢]. Д. 15—16, в. 3,0, С₂.

§ 20. Династия не установлена

151. Город?, год? Совершенно стертая медная монета, которую по облику можно отнести к числу фулусов конца XVIII — третьей четверти XIX вв. Д. 15—17; в. 4,1, С₄.

§ 21. Российские монеты XVIII в.

152—155. Четыре медные российские монеты с датами 1727, 1737, 1763 и 1784 гг.

Клад

Клад обнаружен под полом одного из помещений в западной части цитадели и состоит из 49 кружков, которые

представляют собой медные посеребренные дирхемы; следов серебра, правда, не видно, но известно, что во второй половине XII — начале XIII вв. медные дирхемы в Средней Азии покрывались тонким слоем серебра. Все монеты однотипны. Приводим их описание:

Бенакет, 593/1196—1197 г. и 594/1197—1198 г. Л. ст.: в поле, в двойной восьмиконечной звезде, вписанной в линейный круг, надпись в три строки с символом веры: لا اله الا الله. Внутри круга, пересекая лучи звезды, проходит надпись с выпускными сведениями: خمسمائة ضرب. Об. ст.: в поле, в квадратифолийном картуше, вписанном в тройной круг (точечный между двумя линейными), надпись в три строки с частью титулатуры государя: الخاقان / طفغاج / خاقان. Кругом, в линейном ободке, другая часть титулатуры: الخاقان العالم (?). جلال الدنيا...

Большинство монет клада сохранилось плохо, так что ни на одной из них легенды не уцелели полностью, и их пришлось восстанавливать по многим монетам, причем круговую надпись реверса так и не удалось восстановить целиком. Слово, обозначающее единицы в дате, читается лишь на трех экземплярах, которые только и поддаются точной датировке: два из них относятся к 592 г. х. и один — к 593 г. х. Остальные кружки следует датировать либо одним из этих годов, либо близкими к ним предшествующими, поскольку тип монет мог оставаться неизменным в течение нескольких лет. Как мы покажем дальше, после 593 г. х. они не могли быть отчеканены, ибо с 594 г. х. в Бенакете начинается выпуск дирхемов совсем другого типа, с иной титулатурой.

Если надписи поля на обеих сторонах у всех экземпляров совершенно одинаковы, то в легенде с выпускными сведениями прослеживается ряд вариантов. В одном случае перед названием города стоит предлог فى, а в другом — начало плохо сохранившейся надписи имеет, кажется, такой вид: ضرب فى بلد (?). В третьем варианте начало той же легенды выглядит так: ضربنا..., причем в данном случае сохранившаяся ее часть размещена столь сво-

бодно, что места для даты, по крайней мере полной, уже не остается. При лучшей сохранности клада удалось бы выявить, вероятно, и большее число вариантов. Ясно лишь, что матриц было много, но установить их число невозможно опять же из-за плохой сохранности монет.

Взвешивание всех монет клада показало очень большой разброс весовых значений: от 1,3 до 3,9 г, но средний вес был, видимо, около 3,4 г. Впрочем, поскольку большинство монет плохо сохранилось, а некоторые сильно истончились и обломаны по краям, первоначальный законный вес их был, вероятно, выше.

ТОРГОВО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Коллекция монет с Кендыктепе чрезвычайно интересна не столько своими размерами, сколько разнообразием и тем, что она отражает целый ряд этапов жизни древнего населенного пункта, который здесь располагался, а также обживания его развалин. Действительно, здесь представлены монеты от III—IV до XIX в., лакуны же небольшие: вторая половина X — первая половина XI вв., вторая половина XI — первая половина XII вв., XIII—XIV и XVII—XVIII вв. Однако отсутствие монет отдельных периодов отнюдь не обязательно говорит о прекращении жизни на поселении, во-первых, потому, что подбор монет в известной степени случаен, во-вторых, по той причине, что на некоторых этапах вообще выпускалось мало монет, как, например, во второй половине XI — первой половине XII вв. Едва ли случайно совсем не представлены XIII—XIV вв. — время после опустошительного монгольского нашествия, в результате которого, видимо, наступило запустение (полное или частичное), сменившееся в XV в. (может быть, в конце XIV в.) возобновлением жизни на поселении. С другой стороны, очень показательно, что по монетным находкам не чувствуется никакого перерыва в жизни, связанного с арабским завоеванием.

Почти на всем протяжении своего существования поселение имело важное торговое значение, что явствует прежде всего из монетных находок. В III—IV вв. из южных областей Средней Азии сюда попала медная кушанская монета. В раннем средневековье (VI—VIII вв.) по монетам прослеживаются связи с Семиречьем (тюргеши), Усрушаной, Самаркандским Согдом, Бухарой (?). Близок состав привоз-

ных монет в Пенджикенте². Находки монет Чача в Пенджикенте еще раз подчеркивают тесные экономические связи этих двух областей.

Стоит подчеркнуть, что, наряду с пенджикентскими, кендыктепинские монетные находки свидетельствуют о широких торговых связях в раннем средневековье в большей степени, чем материалы любого другого городища.

Как и пенджикентские материалы, коллекция раннесредневековых медных монет с Кендыктепе «свидетельствует о том, что в сферу межрайонной денежной торговли были вовлечены и дешевые товары массового потребления»³.

Первое время после арабского завоевания своего медного чекана в Чаче, видимо, не было, поэтому сюда попадали фельсы, выпущенные аббасидскими наместниками в Бухаре и Самарканде во второй половине VIII — начале IX вв. При первых Саманидах в Шаше был налажен выпуск собственной медной монеты, причем именно кендыктепинские находки с их многообразием типов впервые показали, что этот чекан отнюдь не представлял собой эпизодического явления и, следовательно, был вызван потребностями повседневной торговли. Показательно, что среди саманидских фельсов с Кендыктепе только один выбит определенно не в Шаше, это еще одно свидетельство в пользу того, что область была достаточно обеспечена собственной разменной монетой.

В конце X — третьей четверти XI вв. в Шаше выпускалось немало караханидских дирхемов и фельсов, причем не только в столичном Бинкете, но и в некоторых других городах. Во второй половине XII в. чекан медных посеребренных дирхемов был сосредоточен в Бенакете, к которому перешла роль столицы области. В находках с Кендыктепе этот чекан представлен дирхемами Джалал ад-Дунья вад-Дина Тафгач-хакана; монеты этого правителя, насколько известно, не опубликованы.

Более поздние монеты мало что дают для характеристики денежного обращения Шаша. В конце XVIII — третьей четверти XIX вв. после периода самостоятельности Ташкент вошел в состав Кокандского ханства, так что и в находках с Кендыктепе больше всего кокандских монет, но есть также и ташкентские. На торговые связи указывают бухарский

² А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. М., 1973, с. 111.

³ Там же.

фулус и российские медные монеты XVIII в. Общеизвестно, сколь большое значение имела для Ташкента торговля с Россией в XVIII и в первой половине XIX вв. Кендыктепинские находки — лишнее тому подтверждение.

Как следует из вышеприведенного описания монет, наиболее ранняя из числа обнаруженных на Кендыктепе — кушанская монета царя Канишки (270—310). До сих пор были зарегистрированы на территории Чача две монеты кушанских правителей⁴.

Монеты со знаком (или тамгой?) по сравнению с уже известными новых типов не дают. Клад аналогичных монет обнаружен на городище Дальверзинтепе и хранится в Музее истории культуры и искусства УзССР под № 10195—10208. Монеты клада датированы III—началом IV вв. н. э. и отнесены М. Е. Массоном к местному кангюйскому чекану⁵. Семнадцать таких монет найдено на городище Канка⁶. В своих исследованиях знаков и тамг Монголии Б. И. Вайнберг и Э. А. Новгородова относят знак (или тамгу?) к III—IV вв. и предполагают, что «в Чаче в III—IV вв. у власти стояла династия, происходящая из дома Чжаову»⁷. На наших двух монетах голова царя передана в прическе с диадемой, а на одной — в шапке. Эти детали свидетельствуют, что такие монеты выпускались, вероятно, разными царями на протяжении длительного периода.

Другую большую группу представляют монеты с изображением полуфантастического животного (льва?) и с вилообразным знаком на оборотной стороне. Аналогичные монеты найдены на городищах Пенджикент⁸, Афрасиаб⁹, Ха-

⁴ О находках см.: Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. — Тр. ИИА АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1955, с. 169.

⁵ М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 27.

⁶ К. Абдуллаев. Археологическое изучение городища Канка (1969—1972). — ИМКУ, вып. 12, Ташкент, с. 151.

⁷ Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородова. Заметка о знаках и тамгах Монголии. — В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 70.

⁸ О. И. Смирнова. Каталог..., с. 130—132.

⁹ Т. С. Ерназарова. Денежное обращение Самарканда..., с. 219—220.

набад¹⁰ и Канка и определены О. И. Смирновой как выпуск Чача конца VII — начала VIII вв.¹¹

Интересную группу составляют монеты с изображением свастикообразного знака перед лицом царя на лицевой стороне, на обороте — вариант вилообразного знака и стертая согдийская надпись, где читается только буква «к» и титул $\gamma\omega\beta\omega$... О. И. Смирнова, исследуя аналогичную монету (только без свастикообразного знака) в круговой согдийской надписи читала: ...Ič'k $\gamma\omega\beta\omega$ z/пу [...«...[ча]чский $\gamma\omega\beta$ (такой-то)», имя стерто¹². Монеты со свастикой обнаружены в 1976 г. и в составе клада на городище Канка¹³.

Разными знаками (тамгами) представлены монеты с парными изображениями. Находка таких монет на территории Узбекистана явление не редкое. Довольно часто такие монеты встречались на городищах Пенджикент¹⁴, Ханабад¹⁵ и Канка¹⁶.

Вышеупомянутый клад с городища Канка почти наполовину состоит из таких монет с парными изображениями, что позволяет без сомнения относить их к чекану правителей Чача. В составе изучаемого монетного комплекса Кендыктепе большой интерес представляют две монеты с изображением знаков бухарских домусульманских правителей, т. е.

бухархудатов — X с плохо сохранившейся согдийской круговой надписью, где читается только титул $\gamma\omega\beta\omega$. Эти монеты известны по находкам с городища Канка. К сожалению, монеты сильно потертые, до новых находок надпись на них восстановить полностью невозможно. Титул $\gamma\omega\beta\omega$ был очень широко распространен в Средней Азии и впервые встречается на монетах бухарских правителей, датированных не позднее IV в. н. э.¹⁷

Большой интерес представляет находка усрушанской

¹⁰ Древности Ташкента, с. 22.

¹¹ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. — МИА, № 66, 1958, с. 224.

¹² О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, с. 183.

¹³ Клад не очищен, предварительно определен, но заслуживает, конечно, полного изучения и издания.

¹⁴ О. И. Смирнова. Каталог..., № 792—796.

¹⁵ Древности Ташкента, с. 26.

¹⁶ До полного изучения Канкинского клада от возможной датировки монет воздерживаемся.

¹⁷ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда, с. 56.

медной монеты. О. И. Смирнова относит такие монеты к чекану царя Роханча¹⁸. Монета другого усрушанского царя Сатачари была обнаружена и в составе клада с городища Ханабад¹⁹.

На Кендыктепе зарегистрированы монеты самаркандских ихшидов Гурака и Тургара. Монеты Тургара были найдены и в составе Ханабадского клада²⁰, и на Канке. Встреченные на Кендыктепе монеты тюргешей представлены кружками хорошей сохранности. Аналогичные обнаружены на городищах Пенджикент²¹, Ханабад²² и на Канке²³. Многочисленные единичные находки монет тюргешей на территории Чача показывают, что эти монеты играли в VIII в. определенную роль в денежном обращении края.

Очень интересную группу монетных находок с Кендыктепе составляют фельсы IX в., раннесаманидские и тахиридские. О ранней истории Саманидского дома источники сообщают немного. Известно, что в 204/819—820 г. аббасидский наместник Хорасана Гассан б. Аббад за услуги, оказанные халифату сыновьями Асада б. Самана в подавлении восстания Рафи' б. Лайса, передал им в управление различные области Мавераннахра и Хорасана: Нуху — Самарканд, Ахмаду — Фергану, Йахйе — Шаш и Усрушану, Йлйасу — Херат. Это пожалование вскоре подтвердил новый наместник Хорасана, родоначальник династии Тахиридов Тахир б. Хусайн, а впоследствии его сын Талха²⁴. В Мавераннахре первые Саманиды были наместниками второго ранга и подчинялись Тахиридам.

Уточнить историю Мавераннахра при первых Саманидах и характер их взаимоотношений с Тахиридами могли бы раннесаманидские медные монеты, но до сих пор были известны только два фельса Нуха б. Асада²⁵ и один — Йахйи

¹⁸ О. И. Смирнова. Первые монеты Усрушаны. — ЭВ, вып. XX, Л., 1971, с. 62—63.

¹⁹ Древности Ташкента, с. 23—24.

²⁰ Там же.

²¹ О. И. Смирнова. Каталог..., № 693—694.

²² Древности Ташкента, с. 25.

²³ К. Абдуллаев. Археологическое изучение..., с. 153.

²⁴ Подробнее см.: А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе (Из ранней истории Саманидского дома). — КСИИМК, вып. XII, М.—Л., 1946, с. 106—107.

²⁵ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. — ТВОРАО, ч. I, СПб., 1855, с. 83—84; Е. А. Давидович. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада. — ЭВ, вып. IX, М.—Л., 1954, с. 38—39.

6. Асада²⁶. На Кендыктепе же найдено вчетверо больше монет этих правителей. Принадлежность фельсов 214/829—830, 216/831—832 и 219/834 гг. к чекану именно Нуха б. Асада сомнений не вызывает: эти годы приходятся как раз на время его правления. То же самое следует сказать о монетах Йахьи, поскольку на них либо есть дата, либо упомянут Тахир б. Абдаллах, правивший одновременно с Йахьей б. Асадом, да и вообще из всех известных представителей Саманидской династии имя Йахья носил только сын Асада б. Самана. Что же касается фельсов Нуха, не сохранивших или не имевших даты, то и они должны быть отнесены к чекану именно Нуха б. Асада, ибо очень близки к его датированным монетам и отличаются от более поздних фельсов последующих Саманидов, среди которых некоторые носили имя Нух, особенностями оформления, почерка, весом, размерами и даже формой кружков.

Несколько сложнее вопрос с определением места чекана тех монет, на которых оно не сохранилось или не проставлено. Наиболее вероятно, что и они выпущены в Шаше или в его столице Бинкете, ибо найдены на Кендыктепе, т. е. на территории Шаша, где обращалась в первую очередь местная разменная монета, что подтверждают кендыктепинские находки.

Как уже упоминалось, в 204 г. х. Нух б. Асад получил Самарканд, а Йахья — Шаш и Урушану. Тем не менее Нух выпускал в Бинкете, столице Шаша, монеты только со своим именем, не упоминая Йахью. Еще А. Ю. Якубовский выдвинул, а Е. А. Давидович развила гипотезу, согласно которой при жизни Нуха б. Асада право чекана медных фельсов принадлежало, как старшему из братьев, только ему, почему даже в Бинкете, центре владений Йахьи б. Асада, монеты выпускались с именем Нуха, а не Йахьи²⁷. Приведенные новые монетные данные полностью подтверждают эту гипотезу.

Действительно, среди кендыктепинских находок имеются первые датированные бинкетские фельсы Нуха, чеканенные в 214/829—830, 216/831—832 и 219/834 гг. (последний фельс

²⁶ Э. В. Ртвеладзе, Л. Л. Ртвеладзе. Первый фельс Йахьи ибн Асада. — ЭВ, вып. XXI, Л., 1972, с. 30—31.

²⁷ А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе..., с. 110; Е. А. Давидович. Вторая монета..., с. 38—39.

может быть отнесен к чекану Бинкста без абсолютной уверенности). Вполне вероятно, что выпуск медной монеты в Шаше Нух осуществлял фактически до самой смерти, которая последовала в 227/841—842 г.

Показательно, что, в отличие от Йахьи, Нух не проставлял на монетах имена своих сюзеренов из династии Тахиридов; единственное имя, кроме его собственного, которое упомянуто на одной из его кендыктепинских монет (Мухаммад б. ал-А...), принадлежит, судя по предшествующей ему формуле *على يدى*, чиновнику, связанному с деятельностью монетного двора.

После смерти Нуха фельсы в Шаше чеканил Йахья. Новые материалы с Кендыктепе подтверждают предположение Э. В. и Л. Л. Ртвеладзе, согласно которому после смерти Нуха Йахья не признавал старшинства другого брата — Ахмада, претендовавшего на роль главы дома Саманидов²⁸. В самом деле, на публикуемых фельсах Йахьи имя Ахмада нигде не упоминается, но на многих проставлено имя Тахирида Тахира б. Абдаллаха. Соблазнительно было бы усмотреть в этом факте своего рода политическую демонстрацию, когда из желания подчеркнуть независимость от Ахмада Йахья бьет монеты с именем Тахира, хотя Нух, например, Тахиридов на монетах не упоминает.

Более вероятно, однако, что приказ включать в легенды шашских фельсов имя Тахира исходил прежде всего от него самого, а не от Йахьи б. Асада. Медные монеты Шаша, как наиболее массовая и долговечная «прокламация» того времени, должны были подчеркнуть, что Саманид Йахья, хотя и управляет Шашем, но лишь в качестве тахиридского наместника. Если это так, то фельсы с именем Йахьи без упоминания Тахира биты, возможно, до вступления последнего на престол, т. е. в период между 227 (год смерти Нуха) и 230 гг. х.; местом чекана их, как и монет Нуха, назван Бинкет, тогда как в 230 г. и позднее монетный двор именуется «аш-Шаш».

Еще В. В. Бартольд предполагал, что после смерти Йахьи (241/855) Шаш перешел к его брату Ахмаду, а затем к сыну последнего Йакубу²⁹. А. Ю. Якубовский, уточняя эту

²⁸ Э. В. Ртвеладзе, Л. Л. Ртвеладзе. Первый фельс..., с. 31.

²⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963, с. 268.

точку зрения, считал, что, завладев после кончины брата Шашем, Ахмад в том же 241/855 г. передал эту область своему сыну Иакубу. При этом А. Ю. Якубовский основывается на шашских фельсах Иакуба б. Ахмада 265/878—879 г. и сообщении Наршахи о том, что в 272/885—886 г. брат Иакуба Наср б. Ахмад послал ему в Шаш письмо с просьбой о помощи против третьего брата — Исмаила³⁰.

С другого рода гипотезой выступила Е. А. Давидович. По ее мнению, преемником Иахьи в Шаше мог быть Мухаммад б. Нух, который получил эту область либо от Ахмада, либо уже после его смерти (250/864) от его сына Насра. Основанием для такой гипотезы послужил шашский фельс 255 г. х. с именами Насра б. Ахмада и некоего эмира Мухаммада, которого Е. А. Давидович считает сыном Нуха б. Асада; Мухаммада б. Нуха примерно под 262/875—876 г. упоминает Наршахи, хотя и без всякой связи с Шашем³¹.

Новые материалы с Кендыктепе заставляют пересмотреть эту точку зрения. Действительно, на шашских фельсах 250 и 251 гг. х. фигурируют то эмир Мухаммад, то Мухаммад б. Тахир. Едва ли можно сомневаться, что это одно и то же лицо, тождественное эмиру Мухаммаду фельсов 255 г. х. Тот факт, что на них имя Мухаммада стоит в поле реверса, а имя Насра б. Ахмада — в круговой надписи той же стороны, не может служить доказательством подчиненности первого второму, а следовательно, и аргументом в пользу гипотезы Е. А. Давидович: правила взаиморасположения имен вассала и сюзерена на саманидских монетах соблюдались далеко не всегда, тем более в IX в., когда они еще и не были по-существу выработаны.

Таким образом, следует признать, что Мухаммад б. Нух Шашем не владел. После смерти Ахмада его сын Наср стал главой Саманидов, теперь и Шаш перешел под его власть. Но фельсы 250 и 251 гг. х., на которых упомянут только Мухаммад б. Тахир, намекают на то, что это произошло не сразу после кончины отца. Остается, однако, открытым вопрос, кто именно из Саманидов был непосредственным правите

³⁰ А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе... с. 110.

³¹ Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. — Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сталинабад, 1954, с. 80—81.

лем, наместником Шаша при Ахмаде и Насре до 265/878—879 г., когда в Шаше чеканит фельсы Йакуб б. Ахмад. Конечно, им мог быть тот же Йакуб, равно как и любой другой член Саманидского дома. Решить этот вопрос помогут лишь новые монетные данные.

Монеты IX в. с Кендыктепе очень важны для понимания взаимоотношений Тахиридов и Саманидов в Мавераннахре. Тахириды почти на всем протяжении существования династии чеканили в Шаше дирхемы, а временами также динары, причем от Тахира б. Абдаллаха (230/845—248/862) и его сына Мухаммада (248/862—259/873) дошли шашские монеты почти за все годы их правления — от 230 до 256 г. х.³² Первые Саманиды в подвластных им областях, в том числе в Шаше, имели право чеканить только медную монету, фельсы. Но даже фельсы здесь, как видно из приведенных фактов, выпускались то от имени Саманидов (Нух, Йахйа и Наср), то от имени Саманидов с упоминанием одного из Тахиридов (при Йахйе и Насре), а временами даже без упоминания кого-либо из Саманидов с именами Тахира б. Абдаллаха (241 г.) и Мухаммада б. Тахира (250 и 251 гг.). Поскольку раннесаманидский чекан Ферганы и Самарканда изучен еще недостаточно, трудно с полной уверенностью утверждать, что эти особенности присущи только шашским фельсам. Тем не менее показательно, что на фельсах Ахси-кета 247 г. и Самарканда 244, 245, 253—256 гг. х. никто из Тахиридов не упомянут.

Следовательно, можно предполагать, что в сравнении с другими подчиненными Саманидам областями Мавераннахра Шаш находился на особом положении и его зависимость от Тахиридов была большей. Это и понятно. Шаш был богатой провинцией, которая имела крупные серебряные рудники и из всех саманидских областей выплачивала больше всего податей, почему Тахириды и были в ней особенно заинтересованы. Можно думать, что зависимость Шаша от чашапурского двора усилилась с момента вступления на престол Тахира б. Абдаллаха в 230/845 г., поскольку до

³² А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, с. 101—102, № 81, 86, 91, 94, 100, 102, 103, 105, 106; 2-е добавление, с. 881—882, № 82а, 85в, 87с, 92а, 102в; 3-е добавление, с. 913, № 80а, 83в.

этой даты имена кого-либо из Тахиридов на шашских фельсах не фигурируют.

Таким образом, первые Саманиды отнюдь не обладали той полной или почти полной самостоятельностью как это считают некоторые даже новейшие исследователи³³. Зависимость их от Тахиридов особенно наглядно демонстрирует шашский медный чекан. Лишь после падения последних (259/873) Саманиды сумели добиться большей самостоятельности: в 261/875 г. Наср б. Ахмад получил от халифа Мутамиды диплом на управление Мавераннахром³⁴, а в 273/886—887 г. даже отчеканил первую (насколько известно) серебряную монету³⁵. Подлинной же независимости Саманиды добились лишь при Исмаиле б. Ахмаде.

Публикуемые монеты очень интересны в том отношении, что отражают самые первые, начальные этапы становления монетного дела Саманидов. Нетрудно заметить, что если легенды в поле и лицевой, и оборотной сторон для всех монет почти стандартны (калима) и саманидские фельсы следуют в этом халифатским образцам, то в расположении и содержании круговых надписей наблюдается большой разнობой. Правда, на фельсах Нуха заметно некоторое единообразие: на лицевой стороне размещены выпускные сведения, а на оборотной — имя Нуха с благопожеланием ему, причем вырабатывается и определенная формула — «Из того, что приказал выбить амир Нух, да сохранит его Аллах!» Но на монете № 101 имя Нуха стоит на лицевой стороне, благопожелание иное, несколько изменена вся формула. Выпускные сведения даются в двух вариантах: с благочестивым началом («Во имя Аллаха...») и без него.

Несколько иным выглядит монетный тип фельсов Йахйи, хотя он был еще менее унифицирован. Как правило, имя Йахйи стоит в поле оборотной стороны, круговая легенда аверса состоит из выпускных сведений, реверса — содержит коранический стих, который может быть оборван и даже помещен на лицевой стороне. В надписях с выпускными сведениями часто отсутствует благочестивое начало («Во имя Ал-

³³ См., например: История таджикского народа, т. II, кн. I. М., 1964, с. 134.

³⁴ В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 268.

³⁵ А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе..., с. 112.

лаха...»), они могут содержать в одном случае указание только на место чекана, в другом — также и дату. В ту же надпись на многих монетах включается и имя Тахира б. Абдаллаха, но вводится оно вначале неуклюже: в середину или конец легенды просто вставлена без изменения формула «из того, что приказал выбить Тахир б. Абдаллах». На фельсе 241 г. х. сочетание его имени с выпускными сведениями приняло более удачную форму: «Бит этот фельс в Шаше в наместничество Тахира в 241 году». Характерно, что лишь на монетах этого года стоит имя халифа, до того не указывавшееся ни при Нухе, ни при Йахйе, в чем, конечно, едва ли стоит подозревать антихалифатский выпад.

Размеры всех фельсов Нуха и Йахьи в общем одинаковы: их диаметр колеблется в пределах 20—22 мм. Заметно увеличивается диаметр фельсов 241 г. х. — 25—27 мм. Края монетных кружков обычно неровные, но со временем кружки становятся несколько более правильными. В отношении почерка улучшения во времени не заметно: легенды фельса 214 г. х. выполнены превосходно, особенно в сравнении с небрежными надписями монеты 217 г. х.; даже на фельсах одного и того же 241 г. х. наряду с правильным и уверенным почерком встречается и неряшливый. Иными словами, все зависело от мастерства резчика штампа.

Значительный интерес представляют также бенакетские монеты Джалал ад-Дунья ва-д-Дина Тафгач-хакана. Позднекараханидский чекан Бенакета хорошо известен в литературе. Так, изданы бенакетские монеты Руки ад-Дунья ва-д-Дина Клыч Тафгач-хана 558 и 559 гг. х., Муизз ад-Дунья ва-д-Дина Абу-л-Музаффара Шах Клыч-хана 573, 574, 578 гг. х.³⁶, Имад ад-Дунья ва-д-Дина Улуг (Акдаш) Чагры-хана 594, 599—602 гг. х.³⁷ Добавим к этому бенакетские дирхемы Улуг Чагры-хакана 597³⁸ и 598 гг. х.³⁹

Клад с Кендыктепе сообщает о неизвестном доселе правителе, который владел областью Шаша, во всяком случае,

³⁶ А. К. Марков. Инвентарный каталог..., с. 278, № 519, 520, с. 285, № 577, с. 286, № 579, 580.

³⁷ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. — Тр. ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1953, с. 157—158.

³⁸ Хранится в коллекции ташкентского нумизмата В. В. Кучерова.

³⁹ Случайно найден в 1971 г. в Ташкенте.

в 592 и 593 гг. х. и, следовательно, царствовал в промежутке времени между Шах Клыч-ханом и Улуг Чагры-ханом.

Конечно, отрывочные монетные данные не позволяют пока составить даже приблизительную хронологическую, а тем более генеалогическую таблицу позднекараханидских владетелей Бенакета, и все же мы знаем хотя бы последовательность их правления. А это уже немало, поскольку письменные источники вообще умалчивают о них.

Единственное исключение — Руки ад-Дунья ва-д-Дин Клыч Тафгач-хан Мас'уд, который правил Мавераннахром, по-видимому, где-то в пределах 556—566 гг. х. Он был одним из последних (если не последним) сильных караханидских правителей Мавераннахра, который распространял свою власть на значительные территории, в том числе и на Шаш-Илак. Последующие владетели этой области не принадлежат к числу ни ферганских, ни мавераннахрских удельных правителей и не проставляют на своих монетах их имен. Следовательно, после Клыч Тафгач-хана Мас'уда область Шаш-Илака составляла особый удел и управлялась своими ханами из дома Караханидов. Столицей удела, где находился единственный монетный двор, был не Бинкет, а возвысившийся в XII в. Бенакет. Появление в третьей четверти XII в. независимого от Самарканда и Узгенда шаш-илакского удела свидетельствует наряду с некоторыми другими данными о распаде Западнокараханидского каганата на последнем этапе его существования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы из зоны Туябугузского водохранилища поставили ряд вопросов географо-археологического порядка. Основным из них был вопрос о гидрографии древних русел Ахангарана в его среднем и нижнем течении. М. Е. Массон отождествил со средневековым Бискетом руины городища у современного селения Пскент и, приобщив сообщения Истахри и Ибн Хаукаля о том, что данный город находится между «рекой Илака» и Параком, пришел к выводу, что в X в. воды Ахангарана протекали по ныне сухому южному руслу — Гиджигену, являвшемуся и в течение какого-то периода «рекой Илака»¹. Эта точка зрения разделялась и нами².

Н. Л. Корженевский также считает Гиджиген древней долиной Ахангарана³. Однако находки в долине Ахангарана, значительно ниже Гиджигена, большого количества самых разнообразных материалов, начиная от местонахождений каменного века, поселений поздней бронзы и раннего железа до позднего феодализма, свидетельствуют о непрерывном освоении данного бассейна и интенсивности оседлой жизни, невозможной без постоянной водной базы. «Река Илака» име-

¹ М. Е. Массон. Ахангеран..., с. 32—33, 125.

² Ю. Ф. Буряков. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974, с. 6.

³ Н. Л. Корженевский. Ангренская долина (очерк природных условий). — «Известия АН УзССР», 1954, № 3, с. 83.

ла для южных районов Ташкентского оазиса то же значение, что и Парак для северных, питаая водой селения и городские пункты. Однако разведочное обследование долины Гиджигена⁴, проведенное в 1976 г., показало, что бассейн его, особенно в средневековую пору, был обжит очень слабо. В левобережье Гиджигена зафиксировано 6 курганных могильников первой половины I тысячелетия н. э., связываемых преимущественно со скотоводами, 1 пункт оссуарных захоронений, 2 памятника оседлого типа — Майтепе — укрепленное поселение округлой формы диаметром по основанию 48 м с материалом III—VI вв. и километром западнее — Коштепе в виде двух замков округлой формы диаметром 45—55 м и высотой 5 и 8 м, отстоящих друг от друга на расстоянии 50 м. Вдоль правого берега зафиксированы 3 раннефеодальные усадьбы VI—VII вв.

Совершенно иная картина наблюдается вдоль протоков Ахангарана, расположенных севернее Гиджигена, особенно по древним руслам, занятым ныне Карасу I и Карасу II. Русла естественно разработаны, а площади вдоль них густо освоены древними поселениями и городищами. Здесь отмечено более 20 разновременных объектов. Среди них — крупнейший памятник городского типа Ташкентского оазиса — городище Канка⁵ площадью около 160 га. Выше него по древнему течению расположено городище Культепе (Байтепе) — прямоугольная античная в основе крепость площадью около 7 га с могучей цитаделью высотой до 20 м. Городище окружено с трех сторон рвами. Выше Культепе возвышаются не менее крупные объекты — Будаль I, II и ряд более мелких усадеб и поселений. Основные объекты датируются временем от первых веков до н. э. — грани нашей эры до XI—XII столетий.

Исключение составляет неукрепленное поселение округи Югантепе, на котором наряду с материалами XI—XII вв. собран инвентарь XVI—XVII вв. На левом берегу Карасу

⁴ Работа проводилась разведочным отрядом в составе Ю. Ф. Бурякова, Х. И. Дуке, В. Аминова, М. Р. Тихонина.

⁵ См.: М. Е. Массон. Ахангеран..., с. 105—114; К. А. Абдуллаев. Археологическое изучение..., с. 128—154; Ю. Ф. Буряков. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 31—39.

зафиксировано поселение XVI—XVII столетий. Если учесть, что ряд неукрепленных поселений в долинах этих русел был уничтожен последующей распашкой, о чем говорят, в частности обильные находки фрагментов саманидо-караханидской керамики и саманидских монет, собранных на полях левого берега Карасу ниже городища Канка, то, следовательно, территория этих русел в пору античности и средневековья обживалась очень интенсивно. А это означает, что русло «реки Илака» надо искать не по сухому протоку Гиджигена, а гораздо севернее. Район Туябугуза входит в бассейн «реки Илака». Значит какое-то русло Ахангарана было более или менее стабильным в течение, по меньшей мере, нескольких десятков тысяч лет.

Этот вывод важен в первую очередь для поиска равнинных стоянок и местонахождений человека каменного века. До последнего времени основные стоянки палеолитического человека были выявлены лишь в районах гор и предгорий Ташкентского оазиса и в бассейне Бозсу I—II⁶. Новые находки расширяют ареал освоения первобытным человеком бассейнов среднего и нижнего течения рек Ташкентского оазиса.

Не менее важное значение для раскрытия истории оазиса имеет исследование памятников бургулюкской культуры, позволившее не только уточнить датировку этапов культуры, но и определить ее истоки и пути формирования.

Специфической особенностью Ташкентского оазиса было сосуществование здесь скотоводческих и земледельческих культур. Процесс этот начал складываться со времени бургулюкской культуры, начало которой относилось исследователями к VI—IV вв. до н. э. В предшествующий период Ташкентский оазис включался в круг пастушеско-земледельческих андроновско-тазабагьябских племен с преобладанием животноводческого хозяйства. Изучение памятников бургулюкской культуры показало, что в центре Ташкентского оазиса, в бассейне междуречья Чирчика и Ахангарана, с конца позднебронзового и начала железного веков складывается земледельческий тип хозяйства. Доказательством это-

⁶ М. Р. Касымов, С. Менвапов. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгиюля. — ОНУ, 1975, № 6—7, с. 92.

го являются оседлые поселения, подобные открытому на левом берегу Ахангарана.

Поселение довольно крупных размеров и окружено искусственным рвом. Здесь накопились культурные слои мощностью более 2,5 м. Жилища — отдельные землянки диаметром 4—6 м, но уже с элементами намечающихся планировочных традиций — постоянным пристенным очагом, хозяйственными и производственными ямами. Встречены две смежные землянки с выходом из одной в другую. В этих землянках можно видеть зарождение многокомнатного жилья. Намечается также выделение в землянке производственных участков с небольшими, но сильно обожженными и даже ошлакованными ямками — металлургическими печами. Около печей иногда встречаются рассыпающиеся глиняные обломки с элементами профилировки внутри, вероятно, это плохо сохранившиеся одноразовые формы.

Хозяйство бургулюкцев было многоотраслевым с преобладанием земледелия. Поблизости от селения в долине реки выделяются по плану небольшие поля с едва заметными валиками границ, к сожалению, сильно размытые водами водохранилища. Не исключено, что это поля бургулюкского поселения, орошавшиеся водами Ахангарана, поднимавшимися из реки с помощью канала, синхронного окружающему поселению, так как памятников других эпох вблизи нет.

Характерная особенность поселения — обилие металлургических орудий. Количество и ассортимент их поразительны. Изготовление многих орудий, вероятно, проходило на месте, свидетельством чему являются печи-лунницы.

Металлургия Чаткало-Кураминского района, фиксируемая археологически со II тысячелетия до н. э., развивалась на местной рудной базе⁷, причем, по предположению А. С. Уклонского, примесью меди для получения бронзы мог служить аурихальцит⁸.

Вероятно, уже в I тысячелетии до н. э. интенсивно функционировали медные рудники Карамазара, снабжавшие своим сырьем район Кайраккумов и долину Ахангарана. Интересны в этом плане находки на южных склонах Курамин-

⁷ Ю. Ф. Буряков. Горное дело и металлургия..., с. 98.

⁸ М. Е. Массон. К истории горной промышленности Карамазара. — Тр. Таджикской базы АН СССР, т. 4, Л., 1935, с. 216.

ского хребта в Кайраккумах специальных рудоплавильных поселений поры поздней бронзы и раннего железа, работавших на карамазарской руде⁹. Отсюда слитки металла могли поступать в соседние районы, в частности долину Ахангарана.

Несмотря на большой объем исследований, пока недостаточно выяснен вопрос о времени существования бургулюкской культуры. А. И. Тереножкин датировал ее VI—IV вв. до н. э., отмечая в то же время¹⁰, что слои Бургулюк II были найдены Г. В. Григорьевым в слое, подстилающем Каунчи I. Работы, проведенные на Туябугузском водохранилище показывают, что нижние слои Бургулюка связаны с чустской культурой. Керамика и металлические орудия на поселении сходны с чустскими. Металлические изделия из Бургулюка сходны и с предметами карасукской культуры. На бургулюкских объектах найдена и керамика пастушеско-земледельческих племен андроновского круга. Все эти факты с учетом, в первую очередь, материалов чустской культуры позволяют опустить нижнюю границу бургулюкской культуры до IX—VII вв. до н. э.

К сожалению, на Туябугузском поселении не удалось проследить этапов развития бургулюкской культуры ввиду относительно краткого периода его функционирования. В то же время находка бургулюкских слоев под целым рядом памятников каунчинского типа указывает на хронологическую преемственность этих культур, что в некоторой мере удалось выявить и по материалам нижних слоев поселений долины Чирчика, в основном самого Каунчи¹¹. Отметив этот факт, мы в свое время склонялись в сторону омоложения верхней даты бургулюкской культуры, отмечая одновременно ее определенные связи с оседлыми памятниками Ферганской долины и материалами могильников, датируемых V—III вв. до н. э.¹² Н. Г. Горбунова считает верхней границей ферганских комплексов III в. до н. э. и указывает, что все поселения этого времени располагались в непосредствен-

⁹ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1961, с. 196—231.

¹⁰ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, 153—155.

¹¹ Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. Памятники античного времени...

¹² Там же, с. 47.

ной близости к рекам, особенно к их заболоченным участкам¹³. Поселение, открытое на левом берегу Ахангарана, располагалось в аналогичных условиях, причем, вероятно, одним из важных факторов его топографии была удобная площадь рядом с поселением, которую использовали под посевы.

Наиболее широкое освоение зоны Туябугуза началось в первых веках н. э. Здесь открыты и изучены многочисленные дома сельской застройки и памятники городской культуры этого времени.

Говоря о большом значении скотоводства в первых веках до н. э., Н. Г. Горбунова отмечает, что как поселения, так и могильники Ферганы располагаются или на адырах, заходящих вглубь долины или близ них на окраине степи, поэтому на летние месяцы скот сгонялся ближе к горам¹⁴.

Памятники бургулюкской культуры также стоят на границе с адырами. Но в еще большей степени это явление характерно для курганных могильников каунчинской эпохи, занимающих зоны как на границе с предгорьями, так и на языках, вытянувшихся параллельно Чирчику и Ахангарану (алмалыкские и пскентские скопления на левом берегу Ахангарана и акчинское, карахтайское, тойтепинское, туябугузское — на правом). При разведочных работах 1975—1976 гг. нами обнаружены 2 новые группы погребальных сооружений — на левом берегу Гиджигена и в низовьях Ахангарана. Значительное количество курганных скоплений (Хантепинское, Юзурукское мингтепе) открыто в адырной зоне междуречья Чирчика и Ахангарана. Все эти факты говорят о широком освоении в этот период адырной и степной зон бассейна Ахангарана и междуречья Чирчика и Ахангарана, развитии отгонного скотоводства как составной части комплексного хозяйства населения оазиса каунчинской эпохи.

Наиболее выразительные материалы дали раскопки могильников в зоне водохранилища. Могильник — курганный с лессовой насыпью, погребения — ямные и в катакомбах с поперечным дромосом, проходившим от реки. Ориентация могил менялась в зависимости от изгибов речного русла,

¹³ Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып. 5, Л., 1962, с. 106.

¹⁴ Там же.

поэтому искать закономерность в расположении могил туябугузского могильника не приходится.

Можно отметить и некоторые особенности захоронений, свидетельствующие о постепенной трансформации погребального обряда. Погребения грунтовые, в одной могиле похоронены и взрослые, и дети, видимо, это семейное захоронение. Небольшой группой представлены костяки с согнутыми в коленях и раскинутыми ногами «в позе всадника». Подобные погребения в подбойных могилах, входящие в группу захоронений II—I вв. до н. э., открыты О. В. Обельченко в Куюмазарском могильнике Бухарской области¹⁵.

Вторая, преобладающая, группа представлена захоронениями с костяками в вытянутом положении, характерными для каунчинской культуры. Основная часть погребений группы укладывается в рамки первой половины I тысячелетия н. э. Погребальный инвентарь могильника идентичен материалу городища Кендыктепе и отдельных хозяйств за его пределами, следовательно, можно предположить, что на нем хоронили как горожан, так и жителей сельской округи.

Курганный обряд захоронения сохранился до арабского завоевания, сосуществуя с оссуарным¹⁶, который распространился в долине Ахангарана с середины I тысячелетия н. э.¹⁷ Здесь найден типичный для V—VI вв. фрагмент оссуария с процарапанным изображением воина в профиль.

Большой интерес представляют материалы по истории Кендыктепе — одного из городских пунктов долины Ахангарана, функционировавшего длительное время. Самые ранние материалы, связанные со становлением оседлой жизни, это фрагменты бургулюкской керамики, найденные в основании цитадели.

Город занимал стратегически выгодное положение, искусно используя естественные водные преграды — русла Ахангарана и Бургулюкская, усиленные искусственными рвами (или эпизодическими протоками), разделявшими отдельные территории города. Основные подходы защищались цитаделью, но и на территории шахристанов стояли укрепления в форме отдельных бастионов. Оборонительные сооружения цитаде-

¹⁵ О. В. Обельченко. Куюмазарский могильник. — Тр. ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, с. 225.

¹⁶ Т. Р. Агзамходжаев. Туябугузские наусы..., с. 79.

¹⁷ М. Е. Массон. Ахангеран..., с. 29—30.

ли претерпели ряд перестроек, вероятно, связанных с какими-то военно-политическими событиями, не обошедшими и городские жилища, пострадавшие от пожаров и разрушений.

Густо застроены были и шахристаны, где уличная застройка прослеживается на несколько сот метров. Наиболее ранние слои в шахристанах относятся ко времени Каунчи I, расцвет жизни города относится к поре Каунчи II.

Городские хозяйства — различных размеров, но для всех них характерна плотная застройка. Зачастую отделить одно хозяйство от другого можно лишь по толщине несущих стен и по связи комнат между собой. Назначение некоторых помещений установить не удалось. Тем не менее производственное назначение ряда комплексов не вызывает сомнений. Раскрыты различные мастерские, связанные с обработкой металлов, гончарные мастерские и следы ткацкого производства. О товарном характере ремесла свидетельствуют не только крупные размеры мастерских, но и обилие монет. Ни один город оазиса при подобном уровне раскопок не дал такого обилия ранних монет с большим количеством вариантов. Причем монеты Кендыктепе по типологическому ряду этой группы монет включают самые древние для чачской эмиссии экземпляры.

Монеты эти разными исследователями датируются различно. М. Е. Массон относил чачские монеты с портретом правителя к III—IV вв. н. э.¹⁸ Б. И. Вайнберг на основе анализа штампа также считает возможным датировать монеты этим же временем¹⁹. В. М. Массон, сравнивая данную группу монет с чеканом Хорезма²⁰, считает возможным отнести их ко времени более раннему, чем III—IV вв. н. э.²¹ Мы отмечали находку монет этого типа на ряде городов Ташкентского оазиса каунчинского времени, что свидетельствует о развитии здесь товарно-денежных отношений²². Причем основная группа городов располагалась в бассейне нижнего течения Ахангарана и прилежащего правобережья Сырдарьи, т. е.

¹⁸ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Ташкент. 1933, с. 7—8.

¹⁹ Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Каратепе). — В кн.: Буддийский культовый центр Каратепе в старом Термезе. М., 1972, с. 152—154.

²⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 184—185.

²¹ В. М. Массон. Хорезм и кушаны. — ЭВ, вып. XVII, 1966, с. 80.

²² Ю. Ф. Буряков. Историческая топография..., с. 190.

в древнейшем ядре урбанистической культуры Чача. В круг этой городской культуры входит и Кендыктепе, сообщавшийся, вероятно, по древнему руслу Ахангарана с крупнейшими древними городами оазиса — Канкой и Бенакетом. Находка нового пункта городской культуры является подтверждением древности южного караванного пути в Чач. Расцвет жизни древнего Кендыктепе в период Каунчи II завершается военно-политическими событиями, сопровождавшимися пожарами и разрушениями в цитадели и городских кварталах и упадком городской жизни.

В VI—VIII вв. цитадель была перестроена, вновь начали осваиваться некоторые городские площади, особенно в шахристане I. Строительный материал остался прежним — пахса и крупноформатный сырцовый кирпич. Однако полностью древняя основа не была освоена. Слабо застроена территория шахристана II. Налицо сокращение городской жизни. В то же время находки различных типов медных монет этого времени — и чачских, и согдийских, и китайских — говорят о функционировании товарного производства и обширных торговых связях Кендыктепе в рамках Чачского и других среднеазиатских владений. По разнообразию монетных находок Кендыктепе этого времени уступает лишь Пенджикенту. Несомненно, торговый путь из Бенакета через Канку, Худайнкет, Аккурган и Кендыктепе в центр оазиса в этот период еще играл важную роль, хотя в это время появляется и более северный путь, вдоль Чирчика к «мадине Чача».

Осваивалась и округа города, вдоль которой появились небольшие открытые поселения типа Ханбеккурмана и укрепленные замки Джартепе, Чаштепе.

Наряду со старыми культовыми воззрениями широко распространяется новая земледельческая религия, обрядом которой является погребение в оссуариях. Наусы вместе с курганами захоронения располагаются в юго-восточной части городской округи.

Уникальны нумизматические материалы, начиная с VIII в. В них как в зеркале отразилась динамика перехода политической власти как в руки непосредственных правителей Ташкентского владения, так и их верховных сюзеренов. На городище найдено 16 черных дирхемов, на одном из которых читается надпись «ал-Махди». В эту же группу следует

включить медные аббасидские фельсы ал-Махди, правившего в 775—785 гг., находившиеся в обращении у жителей Восточного Мавераннахра, и чеканенный Гассаном бин Аббадом в Самарканде аббасидский фельс 205 г. х. (821 г. н. э.).

Саманидские монеты городища хронологически можно подразделить на 2 этапа. На первом этапе монеты чеканились Саманидами от имени тахиридских наместников. Наряду с ними ходили в обращении монеты, чеканившиеся в Чаче от имени самих Тахиридов,— это эмиссия Нуха бин Асада, среди монет которого имеются фельсы 214 (или 224) г. х. и 217 г. х., причем первый чеканен в Чаче, а также 4 фельса чачской эмиссии 241 г. х. от имени Тахира бин Абдаллаха.

Следующая группа монет характеризует этапы перехода всей власти к Саманидам. Монеты группы представлены фельсами Насра и Исмаила бин Ахмада, причем среди монет первого, кроме нечетко датированных, есть фельсы, чеканенные в Чаче в 254 г. х.

Караханидский период, как неоднократно отмечалось в литературе, был исключительно сложным и противоречивым. Поэтому немалый интерес представило выявление его слоя в городище Кендыктепе. Архитектурные остатки караханидского периода раскрыты только в цитадели, но в целом материал XI—начала XIII вв. довольно разнообразен. Здесь и керамические изделия, характерные для Ташкентского оазиса, — изготовленные на гончарном круге быстрого вращения различные типы столовой глазурированной посуды светло- и темно-зеленой глазури с гравированным подглазурным орнаментом, и металлические изделия — орудия труда, детали кухонного набора, оружие. Монеты представлены как отдельными кружками, так и целым кладом из 49 медных фельсов, чеканенных в Бенакете в конце XII в. Все монеты медные и характеризуют торгово-экономическую жизнь внутри оазиса.

В этот же период расцветает расположенный в 5—7 км к востоку от Кендыктепе средневековый Нукет, который превратился в столицу Илака взамен пришедшего в упадок Тункета. Археологические исследования показывают, что Кендыктепе сильно пострадало в период татаро-монгольского нашествия: была разрушена цитадель, в коридоре крепостных сооружений которой найден ромбовидный монгольский наконечник стрелы; пришли в запустение помещения

шахристана. Жизнь после разрушительных событий восстановилась лишь на небольшой площади близ цитадели, что прослеживается, помимо археологического материала, и на основе монетных данных.

Нами найдена медная монета, чеканенная от имени Тимура в Самарканде, сохранившая часть даты с указанием сотен (семьсот...), т. е. выпущенная в конце XIV вв., а также несколько медных и одна серебряная монета этого же правителя, дата выпуска которых не поддается прочтению. Несколько монет принадлежат чекану Тимуридов, две из них, вероятно, чеканены Улугбеком. Это — медная монета 823 г. х. и вторая, в дате которой удалось прочесть лишь сотни и десятки — 83? г. х.

Скудными материалами представлены последние столетия: небольшая медная монета Кокандского ханства конца XVIII — начала XIX вв., ферганский фельс конца XVIII — первой половины XIX вв., бухарская монета XIX в. и, наконец, монета ташкентского чекана первой половины XIX в.

Таким образом, раскопки раскрывают интересную жизнь небольшого города, входившего в состав Илака, составлявшего в период развитого феодализма единое владение с Чачем и являвшегося подобластью последнего.

В целом же Туябугуз — один из интереснейших районов центральной части Ташкентского оазиса, в котором в миниатюре отразилась длительная и сложная история всего оазиса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Геолого-географическая характеристика	9
Местонахождения каменного века	17
Бургулюкская культура	47
Археологические работы на правобережье Ахангарана	48
Археологические работы на левобережье Ахангарана	60
Характеристика материала	63
Вопросы хронологии	72
Социально-экономический строй и происхождение бургулюкской культуры	89
Кендыктепе	93
Раскопки на городище и в шахристанах	93
Погребальные сооружения	113
Монетные находки с Кендыктепе	121
Серебро	122
Бронза	123
Клад	143
Торгово-денежные отношения	145
Заключение	157

Древности Туябугуза

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР*

Редактор *В. Г. Кан*
Художник *П. Н. Хапилин*
Художественный редактор *А. М. Расулев*
Технический редактор *Р. К. Ибрагимова*
Корректор *Т. Кормушина*

ИБ 424

Р05225. Сдано в набор 4/1-78 г. Подписано к печати 31/1-78 г. Формат 60×84 1/16.
Бум. тип. №1. Бум. л. 5,25. Печ. л. 9,76. Уч.-изд. л. 9,5. Изд. № 556. Тираж
1000. Цена 1 р. 50 к. Заказ 6.

Типография издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 1 р. 50 к.